

Ася Алкимова

ФОКУСНИК

18+

Ася Алкимова

Фокусник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41292778

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда юная студентка приезжает в легендарный Оксфорд, то неожиданно оказывается в мире, совсем не похожем на английскую сказку. Здесь вместо чопорных британцев – новые загадочные знакомые, вместо занятий – отвязные вечеринки, а вместо учёбы – жутковатые приключения. Захватывающая и оригинальная, эта автобиографическая история раскрывает исторический город и его обитателей с новой, пугающей и притягательной стороны.

Содержание

1. Островитяне	5
2. Свита	18
3. Секреты престижиджитации	46
4. Кухня чудес	65
5. Дым и зеркала	88
6. «Стоунхендж»	108
7. Ветер дураков	141
8. Муравьи под водой	173
9. Фокус	198

*«Он ни с кем не говорил,
ни к кому не выражал симпатии;
он был поистине очарователен.»*
(М. Уэльбек)

Мир полон чужих. Мир состоит из них. Из тех, кто чувствует себя чуждым, крайним, немного лишним. Из тех, кто не может до конца понять, что он делает в этом месте и с этими людьми.

Все мы «вне» – кто-то ближе, кто-то дальше, а правда в том, что «своих» не существует. Существуют только те, кто есть точка отсчета.

1. Островитяне

Я приехала в Оксфорд в конце лета. Учеба оказалось значительно проще, чем я рассчитывала, а доля иммигрантов и просто бездельников, слонявшихся по городу в поисках развлечений – значительно больше.

Первые несколько месяцев я гуляла и осматривалась. После многолюдной и нервной Москвы этот город, да и вся Англия, мнились раем на земле. Две центральные улицы Оксфорда, пересекающиеся под прямым углом, застроены зданиями из золотисто-песочного камня. Кое-где он потемнел и покрылся пыльными дождевыми подтёками, кое-где так крошится, что городской совет постановил закрыть балконы и рельефы мелкой сеткой. Несмотря на стеклопакеты, вывески, и туристическую толчею, эти дома очень хороши, особенно под солнцем. Они приглушенно мерцают, и в ясную погоду город накрыт полупрозрачной смутно-радостной дымкой.

Оксфорд – город симпатичный. Именно что симпатичный – он сразу вызывает приязнь, приправленную некоторым недоверием. А потом наступает мучительное разочарование. Британцы оказались народом злым, скрытным и совершенно не собирались принимать русскую студентку с заикающимся английским в свои великосветские ряды.

Я погрузилась в созерцательное одиночество. Мне не хватало легкости, не хватало радости. Я стала страстно учиться:

чтобы не думать, я читала Сартра и Фуко. Белый мысленный шум глушил связи и рассуждения. Паршивое это было время: скучное, нескладное, завистливое. Я читала книги и завидовала тамошней погоде, какой бы они ни была.

Я жила на втором этаже, в крохотной комнате. В ширину она была настолько тесной, что, ляг я поперек, макушка упиралась бы в одну стену, а ноги – в другую. Длину составляли кровать и стул. Прямо напротив двери было окно, выходящее на улицу, по которой днем сновали автобусы и велосипедисты, а ночью околачивалась местная организованная преступность: пять-шесть коротко стриженных парней в капюшонах. Их цель была мне не ясна: они не грабили и не воровали, но для торговцев наркотиками вид у них был слишком воинственный. Может, это были профессиональные забияки, ждущие повода помахать кулаками.

У меня родилось подозрение, что в Оксфорде есть свой Бойцовский Клуб. Представлялись долговязые создания в твиде и шелке, с волосами цвета соломы и глазами того оттенка, который они сами называют стальным, но который для непосвященного обывателя больше напоминает постную овсянку на воде.

Еще из моего окна было видно дерево, и одно, что особенно любопытно. На одном дереве хорошо наблюдать смену времен года, и я успела, можно сказать, к началу представления. Когда я приехала, дерево устроено и по-деловому перебирало крупными темно-зелеными листьями. Спустя

неделю на нем появился плешивый желтый. Оно старилось и мне казалось, что я старюсь вместе с ним.

Прямо под моей комнатой располагался "консервативный клуб" – непередаваемо унылое место, куда почтенные англичане за шестьдесят приходили по выходным выпить пива и поплясать под кантри. Из ночи в ночь дождь гудел крышей. Внизу танцевали. К середине октября я ненавидела Оксфорд.

Тогда-то мы и подружились с Максом. Он жил в Англии с пятнадцати лет и терпеть ее не мог. Ругал мать, отправившую его учиться против желания, и, разумеется, не учился. Вместо этого он напивался: раз в два дня летом и каждый день зимой – тратил все полученные на месяц деньги в первую неделю и ввязывался во все драки, которые мог найти. Он искренне презирал тех, кто занимался делом, не употреблял запрещенных веществ и не горланил под окнами колледжей матерных англо-русских частушек. Его безразличие ко всему, кроме своего веселья, сначала невероятно раздражало меня, тогда ярую гуманистку и карьеристку, которая уж конечно не стала бы бездумно тратить родительские деньги на клубы и вечеринки. Но он был очарователен и, главное, с ним можно было до умопомрачения говорить о Москве и о будущем. К тому же он жил на одной улице со мной.

Когда однажды вечером Макс позвонил и попросил угостить его сигаретой, это было в порядке вещей. У него ни-

когда не было денег, иногда из-за каких-нибудь банковских неурядиц, но чаще из-за его собственного неумения с ними обращаться. Курил он много, очень много, а сигареты в Англии – практически роскошь. Когда я спустилась во двор с пачкой «Мальборо» в одной руке и кружкой чая в другой, он неожиданно позвал меня в клуб. Я, от скуки, согласилась, и в автобусе состоялся наш первый разговор по душам. У него был обожаемый брат семи лет, мама, которой он помогал выбирать краску для волос, оставленная в Москве девушка и сахарный диабет. В тот вечер мы возвращались домой обнявшись, и едва держались на ногах.

Постепенно выяснились и другие факты его биографии, которые делали его если не привлекательнее, то уж точно интереснее, чем большинство моих знакомых.

– Это я не всегда был таким раздолбаем, – рассказывал он, сидя в пабе за «Гиннесом», – меня как года три назад накрыло, так до сих пор остановиться не могу. Меня же здесь когда из колледжа выгнали, вот тогда я гулял.

Я спросила, за что его исключили.

– За драку. Да там вообще бредовая история была. Какие-то черные на наших девок поперли, ну мы с парнями и вступились. Вроде послали их, поговорили, смотрим, а они возвращаются всей командой. Ну помахались. А у нас на следующий день экзамен. Я сижу, пишу, а у меня из носа кровь капает. Я рукавом прикрываюсь, чтоб не видно было, что морда вся синяя. Всю работу заляпал. Потом, естественно,

вызвали к директору, ну а что я ему объяснять буду...

– Но исключать все-таки больно круто за такое.

– Ну не только за это... У меня там уже три выговора было, и за пьяное вождение, и за другие драки. И оценки никакие. Да я рад, что ушел, там не люди были, а дрянь.

– Почему?

– Да потому что им только рейтинг и важен. У нас каждый месяц вывешивали рейтинг по успеваемости, все как с ума сходили. Погрызут друг друга за то, чтобы выше всех... Я, конечно, все понимаю работа лучшая, «число мест ограничено», но ненависти столько, что противно становится. Потом мне как-то плохо было, сахар, я дома отлеживался. Звонят мне, где я, что я, я говорю, что болею, а они не верят. Тащили меня к врачу, я там чуть коньки не отбросил по дороге. Потом извинялись, а на следующий год то же самое. Сволочи.

Он смеялся надо всем, и своей простотой, иронией и готовностью помочь зарабатывал союзников даже в рядах ханжей и подлиз. Я не причисляла себя ни к тем, ни к другим, и полюбила его горячо и сразу. Ни о каких романтических отношениях между нами не могло быть и речи. Он менял девушек как белье, все ему становились через пару месяцев противны. Даже та самая из Москвы, его первая и, наверное, самая искренняя любовь, ухитрилась его обидеть.

Он пришел ко мне в гости как-то вечером и громко и радостно объявил: «Я послал ее к чертовой матери!»

– Почему?

– А эта сука за мной шпионить решила. У нее есть лучшая подруга, которой я всегда нравился. Подослала ее ко мне, проверить, значит, хотела, дура! Ну со мной когда заигрывают, ты знаешь, я обычно отвечаю. И вот болтаем мы, а моя мне пишет, по всем законам жанра, какой я, значит, подлец. Ну поорали-поорали, я чувствую, не могу ее больше слышать, сейчас блевану. Послал, – он взмахнул руками и с удовольствием прогорланил матерное слово, – и ариведерчи.

Я чувствовала себя в некоторой мере оскорбленной таким его отношением, но обижаться на него было невозможно. Он просто этого не понимал. Обидеть могли только его, и это мнение настолько укоренилось в его характере, что переубедить его было бесполезно.

Как-то мы с ним напились, и Макс, мрачно хмыкая, рассказал мне то, что его действительно мучило.

– Я и сам теперь не понимаю, что я такое, Асенька. Я, вроде, могу быть хорошим, а потом меня накрывает, и я плохой. И я уже не понимаю, где я, наверное, в том и дело, что и там, и там. И лапочка, и гад.

– Может, ты посередине?

– Да нет же, в том-то все и дело. Меня бросает туда-сюда. То я вежливый такой мальчик, то сорвусь и начну всех оскорблять направо и налево, а потом стыдно... Не перед ними, конечно, перед собой.

– Я тебя не понимаю.

– Да я сам себя не понимаю. Никто меня не может понять, пока я сам себя не пойму. В том-то и дело, – повторил он, отворачиваясь к окну и кладя голову на локти. Он молчал больше минуты, и я окликнула его. Он спал.

Мы стали видеться каждый вечер: курили, ругали учебу, погоду и обсуждали планы на лето. Макс опять встречался с двумя девушками сразу, а в свободное время вертелся ужом, зарабатывая зачеты по предметам, на которых не появлялся. Но все-таки находил часок, чтобы сходить со мной в ближайший паб, проветрить голову и поговорить. Постепенно мы привыкли друг к другу, и сами не заметили, как стали почти родней. Я называла его братишкой. Макс, со свойственной ему непосредственностью попутчика дразнил меня впечатляющим ассортиментом изобретательных и безобидных словечек. Я напивалась джином и рыдала у него на плече. Макс советовался со мной в своих запутанных сердечных делах. Мы по очереди провожали друг друга домой после посиделок. И вот однажды Макс наконец отвел меня в “Зигги” – место, про которое он много рассказывал, и в котором я ни разу раньше не была.

«Зигги» располагался на самой окраине, рядом с большими магазинами и лабораториями университета. С виду местечко было крохотным и смутно походило на забегаловки из бандитских фильмов. Выкрашенные в бледно-голубой цвет голые стены, лампы дневного света, которые в любое, даже самое уютное помещение впускают зябкость и гул-

кость, жужжащий прилавок с угрюмыми закусками. Запах, как в затхлом холодильнике, облупленная чистота кафельного пола, и блеклая атмосфера убожества и усталости, которая возникает к концу дня в местах, где много и бессмысленно работают.

Какой-то человек сидел за одним из столов и жевал шаурму, глубоко нырнув в капюшон своей куртки. Куртка была ярко-зеленой. Кроме него в зале никого не было.

– Хочешь, покажу фокус? – сказал Макс, и направился к стойке в дальнем конце зала. Его шаги отдавались потрескивающим эхом, как будто кто-то сыпал на пол песок. Он обогнул стойку, отодвинул занавеску из набранного на нитки бисера и исчез.

Я пошла за ним.

Место, в которое мы попали, казалось, было зеркальным отражением внешнего «Зигги». Здесь было темно, душно, тесно, и очень, очень людно. За многочисленными занавесками не было видно стен, так что казалось, что мы находимся в пышном средневековом шатре. Единственным источником света, кроме падающего из двери в соседнее помещение зеленоватого прямоугольника, были расставленные по столам и свободным стульям свечи. Пол, уходящий куда-то вниз несколькими ступенчатыми ярусами, был загроможден диванчиками, пуфами, подушками и просто свернутыми кусками материи. Люди были повсюду, темные фигуры со вспыхивающими красным искрами сигарет, тускло поблескиваю-

щами стаканами и сверкающими глазами. Вместо разреженного воздуха внешнего зала – тяжелый и дурманящий запах кальяна.

– Что это?

– Это притон, – ухмыльнувшись, ответил Макс.

Он, как выяснилось, немного преувеличил. В стенах «Зигги» действительно совершались темные, не слишком законные дела, но они происходили от раза к разу и как будто бы случайно. Маргинальная репутация этого места жила скорее слухами, чем фактами, но это не особенно смущало вдохновленных упадком подростков: «Зигги» всегда был набит.

В один из первых моих вечеров, туда забрел героиновый торчок по имени Джонни. Он устроил громадный скандал, напугав всех, включая хозяина – араба Зигги – до полусмерти. Он требовал наркотики и грозился сравнять клуб с землей. Поскольку заднее помещение «Зигги» оказалось действительно полу шатром, полу дощатым сараем, это не составило бы особой трудности. Джонни уже начал срывать занавески, когда хозяину, наконец, удалось убедить его, что «дурь» здесь никак не удастся достать.

Это, впрочем, было не совсем правдой. Несколько раз я видела, как передавались из рук в руки небольшие набитые пакетики. Скорее всего, конечно, их содержимое было не тяжелее марихуаны. Но атмосфера тайны и разгульного веселья каким-то образом сохранялась здесь несмотря на всю сомнительность этого странного заведения. В «Зигги» бес-

прекословно продавали алкоголь подросткам и даже детям, здесь регулярно происходили мелкие стычки, ссоры и драки, развлекавшие публику в той же мере, что участников, здесь можно было курить, не выходя на улицу, и именно здесь находился центр русскоязычного оксфордского общества.

Каждый вечер, проведенный в «притоне», дарил мне новых, удивительных знакомых. В один из таких вечеров я познакомилась с Яной. Нас представил друг другу Макс.

Яна была на полгода младше меня. У нее были темно-рыжие волосы, невероятно красивого оттенка, но тонкие и редкие. Она всегда одевалась одинаково, в джинсы и вязаный свитер. Свитер иногда менялся, хотя каким-то образом он всегда выглядел поношенным и облинялым. Она была не то что красива, скорее мила, и всегда крутилась в центре событий. Стоило ей выпить, она становилась грубой, кричала, дралась и требовала, чтобы все с ней соглашались. Ей никогда не было стыдно.

Она показалась мне тогда совершенно лишенной способности мыслить. Она не думала, кажется, из принципа, перед тем, чтобы что-нибудь сказать или сделать. Само действие мышления было ей чуждо. Если мы назначали где-нибудь встречу, она опаздывала на час, а то и вообще не являлась. И это было вовсе не со зла, а именно от полной неспособности считать, даже минуты. Она очень много смеялась – у нее был легкий, детский смех – и работала проституткой.

Когда она обронила это в разговоре, я подумала, что она

шутит, настолько она была не похожа на крашеную блондинку на обочине, да и вообще на то, что я представляла себе при слове «шлюха». Более того, она во многом была противоположностью этому. Она никогда не носила каблуков, никогда не красила глаза и никогда ни с кем не заигрывала. Она училась в частном колледже на биолога – училась, правда, плохо, вечно находясь на грани исключения, но каким-то образом продолжала числиться студенткой.

Для меня так и осталось загадкой, что в ней было таким притягательным для мужчин. Они липли к ней. Они её обожали. Она никогда не искала клиентов – это получалось само собой. Еще секунду назад она могла болтать со мной, а сейчас к ней уже подсаживался какой-нибудь парень и они без дальнейшей траты времени удалялись на задний двор. Все ее знали, любили, и делали ради нее исключение из своей неприязни к женщинам этой профессии. А она и вовсе не считала себя «ничем подобным».

– Я же не выхожу на панель! – возмущенно заметила она как-то, – Я зарабатываю деньги на своем хобби. И чем это плохо?

Я никогда не интересовалась, сколько ей платят, но что-то подсказывало мне, что это было до смешного мало.

В другой вечер я встретила её молодого человека. Он пришел забрать её, пьяную, домой. Я обратила внимание на его светлые, почти белые кудрявые волосы и узкое лицо. Он был выше меня на две головы и ужасающе сутулился. Я не спро-

сила его имя.

«Зигги» был, конечно, обречен: совершенно невозможно было держать такое заведение в Англии и не попасться, рано или поздно, на глаза полиции. Скорее всего, виноват в крахе «притона» был задний двор, в который можно было выйти из шатра: соседи могли слышать полуночные вопли и песни выбегающих туда посетителей. Это был один из самых уродливых дворов, какой мне когда-нибудь приходилось видеть. Квадратный, не больше шагов двадцати в поперечнике, окруженный низенькой кирпичной стеной, с одним-единственным деревцем в центре, он поражал сверхъестественной захламленностью. Вдоль забора гнили, источая сладко-смолистый запах, доски, и валялись бутылки из-под пива, окурки, забытые предметы одежды, разбитые очки, потерянные стручки губной помады и все осколки, обрывки и ошметки, какие можно представить. На дворе каждый вечер кого-нибудь тошнило, и Зигги спешил туда с ведром и щеткой, стараясь избавиться от вони. От постоянного мытья воздух там был необыкновенно влажным, и будто бы не таким прозрачным, как вокруг.

И не смотря на все это, по сравнению с внутренним убранством «Зигги», во дворе было хорошо и спокойно. В переулке, на который он выходил, едва ли мог поместиться человек, и можно было не опасаясь вторжения справлять нужду (туалета в "Зигги" не было), сворачивать косяки, раздавать или продавать минеты и делиться сокровенными сплетнями.

Должно быть, однажды соседям Зигги это надоело, и очень скоро клуб закрылся на неопределенный срок. Я снова осиротела, но теперь я была, по крайней мере, не одна.

2. Свита

К середине осени погода наладилась. Ясные теплые дни, в которых только начинал проявляться золотистый отлив, чередовались с ночами, когда дул ледяной и хлесткий ветер, и хотелось по-зимнему закутаться в шарф и пальто.

Макс и я встречались почти каждый вечер. Эти вечера, темные и звездные, как нельзя больше подходили Оксфорду. Город был беспокоен. Студенты-первокурсники терялись в незнакомых улицах, знакомились в барах и во дворах и пили еще больше обычного в попытке впечатлить новых знакомых. Старожилы праздновали воссоединение, обсуждали лето, и, стараясь отсрочить наступление учебного года, каждый вечер гуляли по главным улицам с бокалами в руках, как на старомодном курорте.

Иногда мы с Максом присоединялись к этим островкам веселья, а иногда уходили в поле с сумками, полными бутылок и пачек сигарет. Мы наблюдали, как под заходящим солнцем зелень проходит все оттенки благородных металлов: сначала желтеет, поблескивая в косых лучах, постепенно становится цвета розового золота, на закате переходит в медный и росисто серебрится в сумерках.

Над водой далеко слышны были крики тренирующихся гребцов, громоподобный шорох гусиных крыльев – птицы вот-вот должны были улететь на зиму – и музыка всех стилей

и направлений, смешанная с воплями пьяных англичан.

Именно в такой вечер мы забрели в переулок с одним-единственным пабом «Вдали от бушующей толпы». По иронии, паб был набит, и, не найдя свободного столика, мы остались на улице и закурили. Макс сказал, что хочет меня кое с кем познакомить. Он чуть не подпрыгивал на месте от возбуждения, и, стояло еще неразличимым фигурам показаться в конце переулка, сорвался с места и кинулся им навстречу.

Вблизи они были до смешного разными, эти двое. Тот, что шел чуть впереди, был высоким, узким и смутно знакомым. Как все долговязые люди, он чудовищно сутулился и вытягивал голову вперед, из-за чего был похож на какую-то длинношеею птицу. У него были тонкие руки и тонкие ноги, расхлябанная, пританцовывающая походка, и весь он выглядел так, точно сплошь состоял из спичек и шарниров. Голова его тоже казалась неестественно большой и круглой, а когда он снял капюшон, выяснилось, что она буквально утыкана мелкими тугими кудрями. У него были волосы цвета белого речного песка и круглые серые глаза с короткими веками. Карикатурно диспропорциональный, он широко улыбался и кланялся в такт движениям.

Второй едва доходил ему до плеча, но казался, несмотря на это, гораздо старше. Длинные черные волосы, черный воротник прямого пальто и черные очки. Его лица почти не было видно, но, даже замаскированное, оно не производило

впечатления ни красоты, ни доброжелательности.

Первого Макс представил как Влада, второго – как Вардана. Влад пожал мне руку, Вардан неприветливо улыбнулся и промолчал.

Когда толкотня у барной стойки была позади и мы расселись вокруг стола, Макс и Влад заговорили о недавнем закрытии "Зигги". Я уже обсудила это с Максом во всех подробностях, которые мы смогли вспомнить или выдумать, и добавить мне было нечего. Вардан участия в дискуссии не принимал и черных очков не снял. Естественно, что мое внимание постепенно переключалось на странного знакомого. Человек так нарочито молчаливый обычно или очень стеснителен, или очень тщеславен. И те и другие в душе только и ждут, чтобы их разговорили и выслушали.

– Ты здесь учишься? – забросила я первую удочку.

– Да. И работаю тоже. Уже пять лет здесь, по национальности армянин, но всю жизнь прожил в Америке.

В два предложения он уместил ответы на мои вопросы, которых, будь он поделикатнее, хватило бы на добрых полчаса разговора.

– О... А где именно в Америке?

– Чикаго.

– Тебе там нравится?

Он посмотрел на меня так, будто я была самым тупым человеком, с которым ему приходилось разговаривать во всех трех своих родных странах.

– А тебе в Москве нравится? – спросил он после паузы.

– Я ее люблю, да, и всегда буду по ней скучать, но жить там сложнее, тяжелее, чем здесь... – заметив выразительно поднятые брови я запнулась и закончила, – Это сложный вопрос.

– Ну вот.

Так просто ты от меня не отделаешься, подумала я.

– Тебе в очках не темно?

– Нет.

– А что, глаз подбили?

Ох, эти короткие предложения, которым подростки учатся от более удачливых товарищей, эти подкидывания фраз, всегда с одной интонацией, всегда обрывистые, неуклюжие, полу-вопросы полу-шутки. Они наполняют разговоры молодых людей, составляя банальный кодекс вежливости. Они провоцируют смех, фальшь, инфантильно болезненное остроумие, они позволяют покрасоваться и в то же время несравненны в своей способности смутить людей, воспринимающих их всерьез. И в них, как в шашки, нельзя играть одной. Мне стало стыдно за свое детство.

– Нет, серьезно?

Вардан пожал плечами и снял очки. Их присутствие тут же объяснилось. Радужки просто не было. Воспалённо-розовые белки сразу переходили в зрачки, расширенные до предела и непривычно матовые. По векам, как бритвенные порезы, шли лиловые полосы кровоподтеков. «Проведите ка-

рандашом по линии роста ресниц» – его глаза выглядели так, будто на них спустили всю палитру грима для фильма ужасов. Удивительными были и сами глазницы. Если бы не пугающая симметричность этих теней, я бы приняла их за синяки. Нездоровый землисто-серый оттенок господствовал на его лице и эхом разносился по всей внешности. Макс оторвался от разговора и задорно присвистнул.

– Наркоманим? – спросил он, смеясь.

– Не спим ни черта, – в тон ему ответил жуткоглазый и опустил очки.

Потом говорили о пиве, планах на выходные, новых клубах и учебе. Вардан был молчалив и подчеркнуто равнодушен. Он ничего не рассказывал, мало пил и слушал разговоры вполуха. Остаток вечера я провела, гадая, можно ли и вправду такую масть заполучить, страдая бессонницей.

Когда паб начал пустеть, и улыбчивые девушки одна за другой стали выходить из-за барной стойки, рассеиваясь по залу, убирая посуду и протирая столы – было около двух – Вардан неожиданно пригласил нас к себе в гости.

Он жил в самом центре, на третьем этаже старого дома из золотистого известняка. Мы прошли через стеклянную дверь, и поднялись по лестнице. Вместо ключа у него оказалась карта вроде тех, которые используют в отелях. Дверь, в противоположность замку, была древне-деревянной, двустворной, как в старых московских подъездах. Очутившись в коридоре, мы в темноте, спотыкаясь, смеясь и пьяно гикая,

поднялись на четыре ступеньки. Откуда-то слышались крики и далеко грохотал смех. Две ослепительные полосы на полу обозначали двери. Вардан открыл правую и мы гуськом нырнули в сияющий прямоугольник.

Из сияния материализовалась кухня, или, вернее, то, что задумывалась как кухня. Вытянутая комната, слишком большая для этого старого дома, всего с одним окном напротив двери, выходящим в совершенную темноту внутреннего двора. Зато в скошенной крыше окон было целых три, три огромных квадрата, которые сейчас, когда в комнате горел свет, отражали ее внутренности наподобие хирургических зеркал.

Сияние, непривычно яркое, как выяснилось, исходило из галогенных ламп дневного света: такие развешивают в школах, больницах и ночных супермаркетах. Под этими софитами вся комната переливалась чистотой и прямыми линиями. Казалось, из нее были раз и навсегда изгнаны все тени.

В одном ее конце располагалась сама кухня, чистая до блеска и совершенно голая: ни грязных кофейных чашек, ни забытых не на месте кастрюль, ни магнитика, ни пятнышка на холодильнике. В другой стороне стояли два дивана, телевизор, и лежал старый ковер. Прямо перед нами – хаос разномастных стульев, табуретов и кресел вокруг двух круглых столов, неуклюже сдвинутых вместе.

Но самым удивительным была даже не противоречивая обстановка, не переизбыток ламп и не скрытная отшлифо-

ванная безличность. Комната была полна людей. Тридцать, сорок, пятьдесят? Они заполняли все пространство как одна большая амеба. Здесь были и вопящие англичане, и грубые громкие сербы, и канадцы, по своей национальной привычке слоняющиеся из угла в угол с бокалами в руках, и, конечно, граждане федерации всех мыслимых народностей. Японцы и китайцы держались диванов, латиносы со своим гнусавым испанским и яркой жестикуляцией, наоборот, толпились у кухни. Совершенно невозможным представлялось, чтобы все эти люди пришли в гости к одному нелюдимому армянину, и глаз сам собой искал ту вавилонскую башню, ту причину, что вызвала подобную давку.

Нам сейчас же всунули в руки по пиву и протолкнули к столу. На нем, помимо пустых бутылок и полных пепельниц, обнаружилась глубокая тарелка с карточками, копиями той, которой Вардан открыл дверь в квартиру. Каждый, находившийся здесь, мог запросто получить ключ от этого странного места.

Влад и хозяин почти сразу куда-то исчезли, и мы с Максом остались вдвоем. Впрочем, скоро среди лиц, которые все казались изжелта серыми под белой прозрачностью галогена, стали выделяться смутно знакомые. Здесь была Яна, сегодня выбравшая свитер цвета горчицы. Она меня тоже узнала и подбежала, размахивая руками, как рефери во время особенно ожесточенной игры. Мы расцеловались и немедленно заговорили об учебе.

Люди уходили и возвращались, спускались вниз, чтобы выкурить сигарету, спотыкались, матерились в темноте лестницы, обнимались и обменивались телефонами. Кто-то, наоборот, лежал на полу, не подавая никаких признаков жизни, если не считать странных взвизгиваний, которые он издавал каждый раз, когда к нему подходили слишком близко. В отсутствие хозяина весь этот улей вел себя так, будто его и не существовало. Но стоило ему вернуться, как он становился центром всеобщего внимания. Видеть подобную преданность было непривычно. Они окружали его концентрическими кругами покачивающихся под музыку тел, дергали за рукава, приседали, стараясь заглянуть за стекла его очков, шутили и толкались, чтобы оказаться к нему поближе. Издалека эта толпа, должно быть, напоминала лепестки плотоядного цветка, жадно смыкающиеся над мухой, и расправляющиеся, как только добыча снова ускользала.

Мне пришло в голову, что в своих очках, отливавших радугой как разлитый бензин и в расстегнутом пальто он был действительно похож на большую черную муху.

Так прошло около часа. Макс собрал вокруг себя кружок преданных знакомых и, видимо, задался целью хорошенько напиться. Я быстро заскучала и уже собиралась уходить, когда восхищенные охи с другого конца комнаты привлекли мое внимание.

Я подошла поближе и не поверила своим глазам. Вардан показывал фокусы.

– Спорим, я смогу соединить концы этой сигареты, не сломав ее? – улыбки и широко открытые глаза в толпе.

Он достал бумажку в десять фунтов, завернул в нее сигарету и согнул пополам. Потом вынул, убрал банкноту обратно в карман и продемонстрировал толпе целую сигарету. Ее ощупали и потребовали объяснений.

– Это известный трюк, – гаркнул громкий и грубый парень по имени Чингиз, пробираясь вперед, – сейчас я покажу.

Я вызвалась одолжить ему сигарету. Прюделав в точности те же манипуляции, он извлек из бумажной трубочки две порванные половинки. Собравшиеся засмеялись.

Вардан протянул руку и забрал у него останки сигареты, – Придется починить, зачем же добро пропадает, – он провел ладонью над половинками и циркаческим жестом вынул у Чингиза из-за уха целую сигарету. Только вот я дала ему свой «Мальборо», а Вардан вернул из небытия дорогой «Парламент» с белым, а не желтым фильтром. Не знаю, заметил ли кто-нибудь еще эту помарку, но все захлопали, и я промолчала.

Вардан поднялся, толпа вокруг водянисто колыхнулась, выпуская его в коридор. С ним вышел Влад и еще какой-то парень, которого не знала. Тот был коренастый и коротенький, с ершиком светлых волос и глазами теплого серого оттенка. Несмотря на низкий рост он был очень удачно сложен и ходил мягко и прыгуче, как ходят коты и футболисты. От него на несколько метров вокруг пахло табаком и марихуа-

ной.

Я поймала за локоть пробирающегося к выходу Макса.

– Вы куда?

– Пройтись, – рассеянно ответил Макс, – Дунуть, на звезды позалипать. Пойдешь?

Я без колебаний согласилась. В то время трава еще оставалась для меня чем-то загадочным, и, как любая не совсем легальная субкультура, по-своему притягательным. Я любила рок-музыку и Бодлера, интересовалась всем спрятанным и странным в человеческой голове и мало значения придавала нарушению закона. До того вечера траву мне доводилось курить раза три-четыре, и я совершенно ничего не почувствовала. Более того, меня невыносимо раздражали люди, которые уверяли, что они «в хлам», смеялись не к месту и подолгу смотрели в одну точку слезящимся потерянным взглядом.

Я была уверена, что они притворяются или, в лучшем случае, додумывают такой эффект в соответствии с американскими фильмами и своими ожиданиями. В мою картину мира совершенно не вписывалась неспособность контролировать свое тело и свое сознание, и, признавая теоретическую возможность такой беспомощности, я не верила ни в одно из ее частных проявлений. Все мое знание веществ сводилось к алкоголю, и, естественно, любое ощущение сравнивалось с опьянением. Любой наркотик, однако, отличается от алкоголя так же, как алкоголь отличается от кофе. И дело не толь-

ко в силе воздействия – есть люди, на которых рюмка водки оказывает больше влияния, чем трубка каннабиса – но в его качественной инакости, а, потому, недостижимости.

Описывать действие наркотиков по большому счету, не возможно. Можно потратить на это десятки и десятки страниц и в результате не стать ни на йоту ближе к цели.

Ничего этого я тем вечером еще не знала, и, постарайся кто мне объяснить, не поверила бы. И хотя теперь я знаю, что не осознавать воздействие вовсе не значит не испытывать его, и что требуется по меньшей мере десять попыток, чтобы начать получать удовольствие от марихуаны, тогда все это казалось мне пустым звуком. Я ожидала фейерверка или ничего – и получала, конечно, ничто.

Мы вышли в свежую и ветреную сентябрьскую ночь. В нос ударил запах гниющих листьев и жареной картошки. Внизу ждали, видимо, только Макса.

– Она с нами? – равнодушно спросил Вардан.

– Угу, – ответил Макс и похлопал его по плечу. Вардан отдернулся и скривил рот, но промолчал.

Мы пошли вниз по улице, выходящей к реке. Влад и Макс впереди, обмениваясь шутками и громко обсуждая открывающиеся по обочинам картины: пьяных британцев, темные витрины, гладко выбритые к зиме клумбы. Следом Вардан, сутулясь от уже холодного ветра, с «Парламентом» между третьим и безымянным пальцами. Вокруг него, как мячик на резинке, скакал низенький, размахивал руками и тихо и

быстро говорил. Он заикался, плохо выговаривал слова, и, когда не мог вспомнить нужное, вставлял на его место английское. Вардан слушал и кивал. Я шла последней.

Мы вышли из города. Справа возникали и пропала уродливая громада многоэтажной стоянки, стало совсем тихо и пустынно. Я шурилась на попадавшиеся все реже фонари. Асфальт влажно блестел, идти было легко и весело. Дым сигарет смешивался с запахом реки и рыхлой земли, в уплывавших домиках далеко и трогательно светились лампы. На меня опустилось чувство искрящегося умиротворения и довольства. Прямо передо мной вышагивал Вардан, и я непроизвольно старалась идти с ним в ногу.

– ... Ну хорошая же идея, – шептал низенький, перескакивая с одной слякотной колеи на другую.

– ... Нет, ну а чего ты хотел? Чтоб она никому не рассказала? – сквозь хохот выдавливал Макс.

– Ну а шо? – басил с украинским акцентом Влад, разводя руками, и тоже смеялся.

Мы прошли парк и поле и остановились на мосту под кустами ив. В черной воде покачивались смутные отражения лодок.

Вардан вынул из внутреннего кармана три аккуратных самокрутки и вопросительно обвел нас глазами.

– Я брал на Влада, Макса и себя, – по английской привычке от ставил возвратное местоимение в конец, – Макс, тогда вы с ней...

– С Асей, – вставила я. Вардан меня проигнорировал.

–... тогда вы с ней пополам.

– Да без проблем, – жизнерадостно отозвался мой названный напарник.

Курение каннабиса – целое действо. Косяки не раскуривают, их «взрывают», причем первенство в этом непростом деле всегда принадлежит хозяину травы. Для того, чтобы раскурить сигарету с марихуаной, нужно сделать несколько частых и глубоких затяжек, поэтому тот, кто взрывает, обычно получает значительно больше остальных.

Кроме того, следить за тем, чтобы сигарета тлела равномерно, – тоже ответственность камикадзе. Эта почетная и порой даже опасная должность, конечно, безоговорочно принадлежала Максусу.

Низенький достал трубочку и стал увлеченно набивать ее пахучими смолистыми шишечками.

Воздух вокруг сделался сладким и загустел, белесый дым завился над нашими головами. Во рту стало сухо и сжато, как будто оттуда вытянули весь воздух. Звезды тихонько покачивались, трещали последние кузнечики, шипели сигареты, где-то по-летнему еще курлыкали голуби.

Из-под моста бесшумно показали два голубоватых пышных облака. Сначала я решила, что они мне примерещились.

– Блин, лебеди! – сказал Влад. Все бросились к перилам.

Лебеди, пушистые от холода и, видимо, разбуженные на-

шими криками, меланхолично перебирали лапами в тихой воде. Она была такой прозрачной, что через нее ясно и только чуть темнее, как через темные очки, видно было и треугольные лебязьи лапы, и стелющиеся вдоль течения водоросли, почему-то золотисто-желтые, будто подсвеченные снизу лампочкой.

Сначала, плавно и мерно покачиваясь, проплыли двое, затем еще несколько, потом еще и еще. Под мостом, должно быть, спала целая стая.

Шлейфы разбегающихся волн, которые лебеди оставляли на реке, тускло и объемно поблескивали, разбегаясь к берегам. Влажно зачмокало о песок.

У меня перехватило дыхание. Кто-то достал фотоаппарат. Лебеди к тому времени были уже далеко. Правда, то ли из-за выкуренного косяка, то ли из-за странного оптического эффекта, который производили эти белые пятна на абсолютной черноте вокруг, казалось, что они не становятся дальше, а только темнее, как будто с каждым ударом перепончатых лап между нами ложилась черная газовая вуаль.

Влад грубо и благоговейно выругался. Как я узнала потом, для него это означало высшую степень восхищения.

– Точно, – сказал низенький, – Mierda...

– Ты что, испанец? – спросил у него Вардан, не отрывая взгляда от ломающихся волн.

– Вырос на Майорке.

– Так ты не русский? – я нервничала от тянущейся тиши-

ны и обрадовалась любой возможности завести разговор, – Я Ася.

– Эдгар, – ответил он с ударением на первом слоге, – Русский из Петербурга. Родители переехали. Когда было пять, – ему с трудом давались фразы длиннее нескольких слов.

– Билингв? Как интересно. – на это он растянул сомкнутые губы в саркастической гримасе и промолчал.

Я почувствовала себя болезненно глупо и протянула руку за косяком. Передавая мне покоротевшую сигарету, Макс ободряюще ухмыльнулся. Что им ни скажешь, все звучит по-идиотски, подумала я. Впрочем, нельзя сказать, что меня исключали из разговора. Разговора как такового не происходило. Изредка Вардан, Макс или Влад перебрасывались парой слов, в основном бессмысленных, или шуткой. Большую же часть времени каждый был погружен в свои мысли и в созерцание разгладившейся поверхности реки. Это сильно отличалось от привычного мне общения, когда в любой момент времени кто-то говорил или слушал, когда делились историями, планами или сплетнями.

Любого из присутствующих здесь могло бы и вовсе не существовать, и вряд ли остальные обратили бы на это внимание. В то же время из-за такого равнодушия создавалось – вероятно, ложное – впечатление, что собравшиеся были по-особенному близки, как будто участвовали в заговоре.

Мы простояли на мосту около получаса, хотя казалось, что прошли дни и недели.

Возвращались, гуськом ковыляя через предрассветные поля, пошатываясь от травы и сонливости, проваливаясь ногами в кротовьи норы.

Для того, чтобы стать здесь своей, нужно просто все время молчать, думала я, цепляясь за Макса, чтобы не упасть. Зная свою неуклюжесть я боялась шлепнуться в воду – страх оправданный, но навязчивый и тошнотворный. В следующие месяцы я часто слышала, что боязнь воды – чуть ли не первый признак наркомании – практически любой. По вечерам в Оксфорде можно увидеть молодых людей, в панике жмущихся к перилам мостов, не в силах сдвинуться с места. Мне хотелось увидеть в своем страхе какую-нибудь метафору, но мысли разбегались и я решила, что все обдумаю завтра.

Уходя от Вардана – было уже почти совсем светло – я взяла со стола карточку-ключ.

Воспользоваться ей мне удалось только через несколько дней. Я не хотела возвращаться в одиночестве, а Макс уехал в Лондон на выходные. Когда он вернулся, я позвала его выпить с твердым намерением выпытать все, что он знал о Вардане. Мы отправились в «Белую лошадь» – один из самых больших и самых уютных оксфордских пабов.

– Что именно тебя интересует? – спросил Макс по дороге.

– Всё.

Я ничего не знала о Вардане, даже не слышала, и у меня не было почвы, чтобы задавать вопросы.

– Он тебе что, понравился? – кажется, Макс действительно удивился.

– Он странный.

– Да уж. Ты, кстати, ему очень не понравилась.

– Почему?

– Не знаю. Он так сказал.

– Да ладно тебе, должна быть причина. Я всем нравлюсь.

Макс пожал плечами и затоптал окурок.

– Мы знакомы пару лет, но никогда особенно не дружили. Рассказывать-то нечего. По паспорту американец, приехал сюда лет в двадцать. Торгует наркотой. Травой, коксом, экстази, какими найдет таблетками – это точно, про остальное не знаю. Он и сам раньше употреблял все подряд, пока не доигрался до передоза.

Я сделала большие глаза.

– Ну-ка поподробнее.

Макс сам был свидетелем этой сцены, и рассказывал все в таких подробностях, что не было причин ему не верить.

Прошлой зимой они праздновали окончание первого семестра. Было много народу, но все они остались в клубе. К Вардану поднялись четверо: сам хозяин, Влад, Макс и его тогдашняя девушка, Маша. Они все много и беспорядочно пили в тот вечер, а те, по выражению Макса, «двое нариков», несколько раз бегали в туалет «на дорожку». Наверху лежали запасы таблеток и концентрированной экстази. Влад сразу заснул, а Вардан хотел до утра работать. Он несколько но-

чей подряд не ложился, и никак не мог довести себя до того лихорадочного состояния, в котором это не составляло ему труда. Макс клялся, что не знал, сколько тот отсутствовал, но когда они с Машей, собравшись уединиться, заметили, что дверь в ванную заперта, это их насторожило. Они открыли дверь и нашли Вардана сидящим на полу.

– Вроде он даже выглядел как обычно, только дышал как-то странно. Мы с ним разговариваем, а он вообще как не слышит.

Макс растолкал Влада и после недолгих колебаний они вызвали скорую.

– Я никогда так, блин, не пугался. Они может и едут, а у него губы цвета как мои джинсы. И вот что делать? Вот ты бы знала?

– Нет.

Приехавшая скорая одновременно успокоила их и напугала. Оказалось, передозировки как таковой не было. Это означало, что не будет долгих и, возможно, опасных разбирательств, разговоров с полицией и принудительного лечения. У Вардана был сердечный приступ. А это, в свою очередь, значило, что он мог умереть.

–...По-настоящему! – Макс посмотрел на меня, видимо, оценивая, прониклась ли я серьезностью ситуации, – От наркотиков не умирают. То есть, может, и умирают, но очень, ну очень редко. А вот от сердечных приступов – каждый день.

Я задумалась. Безразличное и болезненное лицо Вардана

не выходило у меня из головы. И мне все казалось, что я вижу в нем позерство, интересничание, погоню за интригой. Я ловила себя на мысли, что – искренне и начистоту – люди не бывают такими. Такими бывают герои фильмов и романов, но вот живые люди – никогда.

Мы пришли. «Белая лошадь» была нашей с Максом штаб-квартирой. Это был большой и шумный паб, и поэтому наиболее располагающий к анонимности. Он стоял слегка за городом, на перекрестке двух дорог: одна вела к трассе на Лондон, другая к оксфордской окружной. Естественно, что паб был всегда набит. Перед квадратным одноэтажным домом стояли несколько длинных деревянных столов, выкрашенных в темно-коричневый цвет, а задняя дверь паба выходила на стоянку машин на пятнадцать, тоже вечно полную. С двух сторон его территорию ограничивали улицы, а еще с двух – густой ивовый молодняк. Как-то ночью после особенно веселых посиделок, мы с Максом сделали вылазку в эти заросли. Мы с полчаса продирались через хлесткие ветки по еле заметной слякотной тропинке, но так и не выяснили, куда она ведет и где заканчиваются ивы.

Внутри «Белая лошадь» представляла собой большую квадратную комнату, ярко освещенную оранжевым светом и заставленную рыжими столами и красными потрескавшимися креслами. Большие зарешеченные окна уже к началу вечера запотевали от пивных паров, и наблюдать в них можно было только за тем, как крупные мутные капли стекали на

покрытые плесенью подоконники и собирались в лужицы.

Зато в зале предметов для изучения хватало. В одном углу стояли автоматы: пара игровых и три или четыре музыкальных – лысый бильярд, кривой пинг-понг и стол для шахмат. Фигур не было.

В другом углу, за стойкой, кипела жизнь, разливались и проливались напитки, орали пьяные болельщики и околачивались мрачные панки. Между двумя этими форпостами не было ничего, кроме столов и людей. Курили в «Белой лошади» на ступеньках у входа, поэтому протиснуться туда было особым испытанием. И там всегда – хочешь того или нет – можно было встретить знакомых.

Вот и сейчас за бильярдом скакал Эдгар, угрожающе размахивая кием, который был в буквальном смысле длиннее него. Он напоминал скорее прыгуна с шестом, чем игрока в пул. Он казался полностью увлеченным своей партией и спором с высоким испанцем, которого называл Роберто, и мы решили его не беспокоить.

Но стоило нам усесться, он сам подскочил и затараторил:
– Ребят, хотите травки на сегодня? У меня такая партия есть, я сам охренел, когда попробовал, она реально с этой... как ее... blueberry.

Я заметила, что его русский стал значительно лучше с нашей последней встречи.

– Ты что, совсем мозг продул? – спросил Макс, со смехом заглядывая ему в глаза, – С какой радости нам у тебя брать?

Иди вон норвегам свой газон толкай.

И пояснил для меня:

– Этим вообще по барабану, что курить. Они у тебя и чай скупают. Обалденная нация.

Эдгар оскорбился.

– Не хочешь как хочешь. Потом пожалеете, отвечаю.

И ушел, задевая кием стулья.

– Его Вардан на работу не взял, поэтому он считает своим долгом повыпендриваться, – сказал Макс, когда Эдгар отошел достаточно далеко, – Фишка в том, что Вардан все делает сам: и растит, и фасует, и продает. А Эдгар такой предложил, чтоб типа у клубов стоять, по колледжам, ну по мелочи барыжить. И себе сколько-то там снимать. А Вардан его послал, так что Эдгар нашел каких-то испанцев и теперь с ними тусуется.

– Клиентуру переманивает?

– Ну, это он так думает. Ты вообще пробовала его дерьмо?

Я покачала головой.

– Попробуй как-нибудь. С одного раза не умрешь. Хотя голова потом дико раскалывается.

В тот вечер Макс был в плохом настроении. Совесть не позволяла ему расстаться с девушкой, которая ему надоела.

– Ну кто ж знал, что я у нее первый, – сокрушался он, – Вообще о таких вещах предупреждать надо. А то теперь, видите ли, я со всех сторон говнюк. Через сколько будет прилично ее бросить?

– Через пару недель, наверное. Где-то так.

– Зашибись.

– Объясни мне, какая по сути разница, обидится она или нет, если ты все равно с ней расстанешься?

Я знала эту девушку, неумную и некрасивую, с длинными волнистыми волосами цвета соломы, широкими бедрами и рябым лицом. Она хотела, чтобы ее считали «интеллигенткой», не пила, не курила и с ошибками цитировала Блейка и Маяковского. Она была олицетворением безвкусицы и безвкусоности, от нее разило спальным районом уездного города, убожеством и ложным чувством собственного превосходства. И все-таки мне было ее жаль. Я видела, с какой преданностью она смотрела на Макса. Мне самой он не казался привлекательным. Меня отвращала его безответственность, его эгоизм, его перепады настроения. Он мог намеренно и нагло обидеть, тут же об этом забыв, он никем и ничем, кроме себя не интересовался и никого больше не любил. Но он мог быть очаровательным и веселым, мог с такой же легкостью говорить теплые и искренние комплименты. Он пожимал половине Оксфорда руки, второй половине не пожимал по какой-нибудь хитрой причине, уходящей корнями в прошлогоднюю интригу. Он хорошо дрался и делал это более чем охотно. Он стильно одевался, коротко и страстно увлекался всем на свете и умел развеселить кого угодно. В него влюблялись. И эта девушка, конечно, в него тоже влюбилась. «Боже мой,» думала она, «почему он обратил на меня вни-

мание? Популярный, острый на язык красавчик, а со мной он такой нежный, такой добрый, такой домашний. Он, наверное, и правда ценит меня.»

Мне стало тошно. «Он твою заботу ценит, дура», мысленно ответила я противной блондинке. «Ему мамочка нужна.»

– Бросить ее завтра, что ли?

– Брось, – злобно сказала я, – Отправь СМС-ку.

– А можно? – спросил Макс с надеждой.

– Можно.

Мы посидели еще с полчаса. Соскучившись и разозлив друг друга, решили пойти к Вардану.

Кухня встретила нас запахом курева, орущим Gogol Bordello и еще большей толпой, чем в прошлый раз. Только теперь Вардана среди них не было. Вместо него в центре внимания находились трое: Влад, Яна и Чингиз.

– О, смотри-ка. Свита играет короля, – сказал Макс.

На Яне был ярко-оранжевый свитер, она была катастрофически пьяна и сидела на коленях у Влада. До меня неожиданно дошло, что Влад и был тем самым парнем, который приезжал за ней в «Зигги» и о котором она без умолку трещала, стоило ей оказаться в чисто женской компании. Я вспомнила вещи, которые она рассказывала, и заулыбалась. Каждая ее история заканчивалась одинаково:

– Я ОЧЕНЬ его люблю. Очень. Сильнее, чем что угодно на свете. Сама удивляюсь, – и видно было, что она говорит искренне.

– Где Вардан? – спросил у Влада Макс.

– Да я хрен знаю. Ушел, – саркастично ответил тот и, разведя длинными руками, опрокинул чье-то пиво, – Ох ты ж... Вставай, зая, – обратился он к дремлющей Яне, – потоп.

Он произносил слова с сильным украинским акцентом, гхэкая и окая, и это придавало всему, что он говорил, особенное очарование. А еще он абсолютно всегда улыбался. Я видела его в третий раз в жизни, и мне уже казалось, что я знаю его вдоль и поперек.

– Ты откуда? – спросила я.

– Чернигов. Эх, хороший город!

– Да?

– Ну да. Уж лучше, чем тут.

– А почему ты тогда здесь?

– Дык, – он показал на Яну, – куда ж я ее брошу.

Я мысленно с ним согласилась.

– Ты работаешь?

– Тип' того.

– На Вардана?

Влад смерил меня оценивающим взглядом и пожал плечами.

– А шо?

– Да нет, просто интересно.

– К ментам пойдешь?

– Да ты что!

– Ну да, тип' с Варданом.

– А что вы делаете?

Влад поправил сползающую со своего плеча голову Яны.

– Ну так... Как те' сказать.

Да, подумала я, это просто чудо, что Влад еще не попался полиции.

– Я тип' географ.

– Кто?

– Географ. Ну тип' строю курс. Ну, типа куда пойдём и как бы всё такое.

Великолепный словарный запас, мысленно съязвила я.

– Ну типа знать, где сколько народу – ну, по клубам – где собаки, где менты, где какая гопота... Ну да.

У Влада зазвонил телефон.

– Да? Ладно. Мы на кухне, подходи. Ну на кухне. У Вардана на кухне, блин, не тупи. Да. Да. Давай.

– Эдгар, – сказал он мне, – помнишь, такой мелкий хрен? Родненький, давай по домам, а? – это уже Яне.

Яна смешно и сладко хрюкнула и проснулась.

– А?

В это время дверь открылась и зашел Вардан. Впечатление от нашей первой встречи уже осело и поблекло, и теперь я заново поразились тому, как странно и мрачно он выглядел.

Серая безжизненная кожа в ранках и морщинах, громадные мешки под глазами, только отчасти закрытые стеклами очков, кривой нос, кривой рот, кривая, тяжелая, покачивающаяся походка, как будто он чуть прихрамывал на обе ноги.

Он был в джинсах, черном свитере и черном пальто. Бледные отёкшие руки в пигментных пятнах, как у старика, заметно дрожали, пока он шарил в карманах, ища сигареты.

– Привет, – сказал Влад.

Вардан кивнул.

– Привет, – сказала я.

Вардан отвернулся и обвел комнату странным и обманчиво рассеянным взглядом.

– Сколько за сегодня? – спросил он у Влада.

– Четыреста, – сказал Влад, – Ну нормально так.

Вардан снова кивнул.

– У меня нет сигарет, – равнодушно заметил он своим бесцветным, вкрадчивым голосом. Мне было необъяснимо приятно его слушать.

– Сходи, – тихо велел он Владу, протягивая ему двадцатку.

– У меня паспорта с собой нет. Не продадут...

– Сходи? – сказал Вардан, обращаясь ко мне.

– У меня тоже нет.

Вардан вздохнул, развернулся и вышел.

– Мне тоже нужно в магазин, – придумала я на ходу, догоняя его в коридоре, – Можно я с тобой?

Он пожал плечами, не глядя на меня, и стал спускаться по лестнице.

Мы вышли и пошли рядом. Мы были одного роста; Вардан сутулился и косолапил.

– Макс сказал, что я тебе очень не понравилась. Это правда?

Никакой реакции.

– Почему?

Молчание.

– Что, сложно сказать?

Мы свернули в переулок и Вардан ускорил шаг.

– Ты продаешь наркотики?

– Нет.

– Врешь же.

– Помолчи, пожалуйста.

Я замолчала. Мы дошли до магазина, где Вардан купил нам по пачке «Парламента». Я вернула ему деньги. На обратном пути мое терпение лопнуло.

– Слушай, а у тебя есть девушка?

Он наконец удостоил меня взглядом и движением губ, которое, видимо, служило ему улыбкой, но все равно смолчал. Я сдалась.

– Вот ты шибанутый, – заметила я, когда мы поднимались.

Вардан снова полуулыбнулся.

– Вот ты зануда, – выговорил он, и добавил после паузы, – Молодец.

Вместо того, чтобы вернуться на кухню, он достал ключ и стал отпирать другую дверь.

– Что там?

– Моя комната.

– Можно?

– Нет, – и скрылся за дверь.

Мне не оставалось ничего другого, как присоединиться к компании. Эдгар уже был там, зато Влад и Яна ушли. Обязанность играть короля лежала теперь на Максе и Чингизе. Макс вещал для толпы:

– Два грамма – двадцать фунтов. Стандартная цена, не надо мне тут выпендриваться. Спайс по десять, соль – пятьдесят за грамм. Спида отдаю по пятнашке. Только Ворду не говорите, – смеялся он, – MDMA по двадцать пять. Горячие пирожки, горячие пирожки, – паясничал Макс, стоя на стуле, как во время новогоднего утренника, и явно наслаждаясь вниманием, – На-алетаем!

И они налетали. Макс, смешливый и простой, с теплыми руками, искрящимися глазами, карманами, полными конфет и наркотиков, покрасневший от духоты и скрываемого возбуждения, Макс был замечательным зрелищем и замечательным лотошником.

– Где главный? – подошел ко мне Эдгар.

– Вардан? У себя. Вон Макс стоит, если что.

– Нет, мне с Варданом надо.

Я поймала себя на том, что по-Вардановски безразлично пожимаю плечами. Его прохладное высокомерие оказалось заразным.

– Ну иди. Ищи.

И он ушел.

3. Секреты престижитаии

В ту же субботу я приехала в город позже обычного. Город, или Сити, как гордо называют это место водители автобусов, высчитывающие тариф, состоит фактически из двух пересекающихся улиц и четырех кварталов, прилегающих к ним. Самая многолюдная – пешеходная мощеная Корнмаркет – достаточно широкая, чтобы вмещать воскресные празднующиеся толпы, и достаточно узкая, чтобы даже ранним утром производить впечатление оживленной.

Когда, расталкивая растерянных туристов, я наконец выбралась из давки, все четыре улицы, отходящие от башни Карфакс, были полны народа. Эта суббота обещала быть последним теплым днем осени, и легкий ажиотаж висел над Сити, распространяясь вместе с толпой в колледжи и парки. Косые лучи искрились на золотистом известняке стен, и клубящийся пенный свет как будто заполнял осенний воздух. Все в таком освещении мерцало изнутри.

Я выходила из большого канцелярского магазина, когда из толпы вынырнули прямо на меня знакомые темные очки. Мы несколько напряженно поздоровались. Вардан выглядел значительно лучше, чем я запомнила. Круги под глазами сгладились, из-за ветра и солнца он уже не казался таким бледным. На нем была бледно-голубая рубашка. И еще, он был значительно дружелюбнее. Видимо, ему удалось наконец вы-

спаться.

– Ася! Я даже помню, как тебя зовут, – сказал он тоном, который предполагал безграничное восхищение своей памятью, – Ты куда сейчас?

– Выпить кофе.

– Отлично, я с тобой.

Меня несколько покоробил его утвердительный тон, но искушение узнать о нем побольше было слишком велико, чтобы протестовать.

Мы сели на втором этаже. Огромные стекла плотно запотели, и по ним сбегали ручейки влаги. Было удушающе влажно, как в ванной.

Вардан подождал, пока я выберу стол у окна, и пошел за мной, по пути захватив сахарницу. Он и так попросил кофе с сиропом, в тепер ь у меня на глазах отмерял еще несколько ложек.

– Глюкоза! – сказал он, салютуя мне сахарницей, – Наше все!

Его приветливость показалась мне просто-таки неправдоподобной.

– Ты что, проспорил что ли?

– Я просто настроение-зависимый.

– Ты вообще, похоже, зависимый.

Вардан рассмеялся.

– Я всегда говорю, лучше быть наркоманом, чем растаманом.

– Почему?

– Наркоман предполагает личность, – он так яростно стучал ложкой о фаянс, что из воронки в его чашке во все стороны летели брызги кофе, – А растаман – только любовь к Бобу Марли. Такая же разница, между прочим, как между иммигрантом и гастарбайтером. Вот ты гастарбайтер?

– Нет, я иммигрант.

– Вот! – сказал Вардан с торжествующим видом.

Мы замолчали. Я почувствовала приближение неудобной тишины и слишком быстро спросила:

– На кого ты учишься?

Он посмотрел с недоумением.

– Кто тебе сказал, что я вообще на кого-то учусь?

– Ты сам.

– Да? – не похоже было, что он особенно удивился, – Ну нет, я уже давно не студент. И слава богу.

Он поднял чашку. Я заметила, как дрожала его рука.

– А ты где учишься?

Я рассказала. Сначала в общих чертах, боясь показаться не к месту говорливой, потом, в ответ на его вопросы, более подробно. Рассказала о неумных преподавателях и бездарных студентах. Это была неиссякаемая золотая жила. Вардан слушал с неожиданным любопытством, прохладно и внимательно, как будто рассматривал музейный экспонат.

– Ну а ты? – спросила я, когда мне стало совестно сплетничать.

– Нет.

– Что нет?

– Говорить о себе – это грязный наркотик. Слишком много рисков, и слишком мало кайфа. Я его не юзаю.

– Ишь!

Меня рассердило, что он как будто бы обманом заставил меня разговориться. Я тоже решила схитрить.

– И почему?

– Все очень просто. Двое людей встречаются. Говорит тот, кому нужно рассказать, кто не выносит тишины, кому нужно отражаться в других. А молчание – это отсутствие отражения. Рябь, перелив, возможность, власть. Отсюда и вывод: чем больше ты знаешь о человеке, тем меньше он знает о себе. Не нужно никому ничего рассказать только тому, кто все рассказал уже себе сам.

– Ты понимаешь, что сейчас говоришь о себе?

– И что? – совершенно невозмутимо ответил Вардан.

– Железный аргумент.

Зал наполнился и снова опустел. Заиграли «Битлз». Мы перешли на музыку.

– Тебе не кажется, что это некоторый моветон – слушать Битлз в Англии? Какой-то перебор получается, как кофе с сахаром и сиропом.

Вардан еле заметно улыбнулся и картинно отхлебнул страшное варево.

– Битлз или Роллинг Стоунз? – спросила я.

– Разумеется, Битлз.

– Но почему?!

– Потому что только полные идиоты спорят о музыкальных вкусах. Вообще говоря, только полные идиоты обсуждают музыку иначе как в шутку.

Я проглотила возмущенный протест. Вардан вздохнул.

– Ну хорошо. Мне больше нравятся Битлз потому что... Дай подумать... – он циркачески закатил глаза и пустился в пространные и совершенно бессмысленные рассуждения. Они были такими абсурдными, что их нельзя было воспринимать всерьез.

Легкость, с которой Вардан поддерживал беседу, была почти неестественной. Приходили на память чопорные салоны позапрошлого века, ни к чему не обязывающие споры, заранее продуманные переливы тем. Я была благодарна ему, но в то же время ожидала подвоха. Видимо, моя настороженность бросалась в глаза, потому что после очередной паузы Вардан спросил:

– Что, странный я?

– Не то слово.

Вардан хмыкнул. Смеялся он тоже необыкновенно, не ртом и не голосом, а как будто животом, слегка кашляя и встряхивая плечами. Смех совершенно не уживался с ним. Видно было, что хотя он искренне потешается надо мной и над разговором в целом, ему не было весело; скорее он вел себя так, будто радовался, что оправдались его самые мрач-

ные догадки.

– Самодовольный.

– Что?

– Ты не просто странный, ты самодовольный сверх меры.

– И? – неторопливо спросил Вардан, отворачиваясь к окну, – В чем твоя проблема?

Я отметила, что он снова точно скопировал на русский раздраженное английское «what's your problem?»

– Я не люблю самодовольных людей.

Вардан устало и хрипло вздохнул. Прочертил серым пальцем несколько пересекающихся линий на стекле. Отпил кофе. И ответил, как будто разговаривал с наскучившим ребенком:

– Все любят самодовольных людей.

И, помолчав, добавил:

– А в первую очередь те, кто говорят, что не любят.

Я попыталась заглянуть ему в глаза. Он беспричинно нравился мне, нравилось его безразличие и мрачный, оригинальный ум. Вардан смотрел в окно.

Я проследила за его взглядом. Внизу, посреди улицы, стояли два ряженных, два актера в средневековой одежде, их плащи развевались на ветру. Они кричали, зазывая туристов в «любимый паб Вильяма Шекспира» и в Оксфордские подземелья. Вокруг них кружились полугнилые листья и обертки из МакДональдса.

– Холодает, – изрек Вардан, – «А к середине ноября все

они ненавидели Оксфорд...»

– Что ты цитируешь?

– Книгу.

– Какую?

– Обо мне.

– О тебе есть книга?

– Еще нет. Но будет.

Я не могла понять, шутит он или нет.

– Книга оправдывает все на свете. Любая, даже самая тупая мысль становится важной, если ее записать. Поэтому единственная цель, которую стоит ставить себе в жизни – это стать героем книги.

Я кивнула, не сообразив, что он смотрит в окно и не видит моего согласия. Впрочем, теперь я начинала сомневаться, что он заметил бы его, даже если бы увидел.

– Если про тебя написали книгу – все, ты герой. Mission accomplished. И все такие офигели.

Я рассмеялась.

– То, что ты персонаж книги, еще не делает тебя героем. Рокантен, например, какой же он герой. Или Обломов. Или...

– Я не знаю, кто это. Но не важно. Раз написали – значит ты достаточно занимателен, чтобы о тебе писать, логично?

– Бесплатные наркотики на год и я напишу о тебе книгу, договорились? – предложила я. И тут же удивилась своей наглости. От него, что ли, набралась?

– Только трава.

– Тогда книга будет плохая.

Он покачал головой и улыбнулся.

– Только трава.

Я подумала, что торговаться бессмысленно.

– Окей.

Мы посидели еще с полчаса, уже молча. Я боролась с желанием уткнуться в телефон, Вардан смотрел в окно и слегка кивал головой к такт музыке. Потом он встал и пошел к двери.

– Пока! – крикнула я ему вслед.

Он обернулся.

– Заходи, – и скрылся за поворотом лестницы.

Разумеется, я стала навещать его кухоньку каждый вечер. Сначала мне приходилось сидеть одной. Все вокруг, казалось, знали друг друга, если не по именам, то в лицо, и я чувствовала себя среди них остро чужой. Это ощущение становилось еще более тягостным от того, что мои попытки завязать разговор неизменно оказывались неудачными.

Зато я много курила, много пила и много слушала. Вардана не любили. От него всегда ожидали какой-нибудь каверзы – насколько я могла судить, опасения вполне оправданные. О нем часто говорили, но эти сплетни не несли ничего нового и все были похожи одна на другую.

– Вардан совсем сторчался. Он вообще вечно в неадеква-

те. Видели? – начинал кто-нибудь.

– Да?!

Далее следовал рассказ, где роль Вардана сводилась к тому, чтобы с отсутствующим видом сидеть в кресле и игнорировать, в зависимости от рассказчика, полицейских, оргию или отключившегося друга.

– Он вообще жутко странный, – галдел внешний круг обкуренного планктона.

– Он колется?

– Не знаю, наверное.

Те, кто были поумнее или знали Вардана поближе, любили рассуждать о его зарработке.

– Ну вот сколько он продает в месяц?

– Чего, травы?

– Ну давай травы.

– Килограмм пять?

– Да ты что, мне кажется, больше.

– Если хотя бы пять, то в месяц уже... Пятнадцать тысяч фунтов! И это на одной траве!

Никто не знал настоящих цифр, и все предполагали разное.

Почти все – и не без причин – считали его хамом, хитрецом и подлецом. Всем этим он, безусловно, был, но так искренне, что это вызывало скорее любопытство, чем отвращение.

Он никому не вредил нарочно. С другой стороны, он ни-

когда никому не помогал. Попросить его об услуге было как-то абсурдно и совершенно некстати. Ему даже не нужно было никому открыто отказывать, его попросту не просили. Наркотики “за спасибо”, практика, которую вовсю использовали все остальные торговцы Оксфорда, с ним была совершенно немыслима. Он не угощал сигаретами, не подавал через стол лежавший рядом с ним предмет, не уступал диван целующейся парочке, не пропускал никого вперед и не улыбался знакомым. Даже если он сидел ближе всех к телевизору, его никогда не просили сделать погромче.

В то же время он не был ни ленив, ни жаден. Он с легкостью давал в долг – даже Макс, который был должен всем русскоязычным Оксфорда и из которого приходилось месяцами вытрясать деньги, которые он и не помнил, что брал. Однако было немыслимо просить Вардана о помощи. Он поднимал на просившего свой безразличный и вязкий взгляд, и тот как-то сразу тушевался и понимал, что перешел границы дозволенного. Это было таким же нарушением правил этикета, как пытаться поцеловать прохожего незнакомца.

Иногда мне казалось невероятным, что над ним не издевались, ведь все, что он делал, было на грани фола, за секунду, за одно слово до смешного. Возможно, потому, что смеяться над ним не имело смысла. К злословию он относился так же пренебрежительно, как к моему наивному интересу.

Так, должно быть, смотрели на своих крестьян средневе-

ковые короли – без злобы, без заботы и совершенно без презрения, как на привычный предмет мебели. Он как будто принадлежал к другой касте.

Ему легко – слишком легко, подозрительно легко – удавалось оказывать влияние на людей. Абсолютное большинство тех, в ком я прежде встречала такую властность, или наигрывали ее, или долго и заботливо выращивали, а в конце концов все равно писали ее на себе красками слишком яркими и неестественными, как грим. Они размалёвывались под безразличие, влезали в свою влиятельность, давились мрачностью.

Из Вардана она выплескивалась с естественной неумолимостью. В его прохладном безразличии было что-то заманчивое. Более того, что-то гипнотическое.

Невозможно было находиться рядом и не заразиться его настроением, каким бы оно ни было. Даже молча, своей позой и выражением лица, он влиял на атмосферу в комнате больше, чем все остальные, вместе взятые.

Обычно он сидел в кресле или на столе нога на ногу и, склонив голову набок, с выражением отсутствующей внимательности обводил комнату глазами. Когда он смотрел вверх, поднимая брови, на его лице появлялось изумленно-презрительное выражение. На несколько секунд задерживая взгляд на ком-нибудь, он устало прикрывал глаза, опускал свои тяжелые, всегда воспаленные веки, и смотрел куда-то вниз и вбок, как человек, не замечающий ничего, кроме своих мыс-

лей.

Затем выбирал следующую жертву, с трудом открывал черные глаза с расширенным зрачком и все повторялось. Это был его обыкновенный вклад в общественную жизнь. Новички тушевались под его взглядом, шутили, задирали его, пили, курили и смеялись в два раза больше обычного. Как будто его подчеркнутый нейтралитет заставлял их изо всех сил демонстрировать свою увлеченность. Но они зря его опасались. Он не оценивал, не издевался, не сочувствовал, он просто созерцал. Причем замечал подчас вовсе не то, что казалось любопытным мне. Он мог пропустить совершенно мимо ушей громадную ссору Влада и Яны и удивлялся, обнаружив наутро, что они не разговаривают, хотя скандал разворачивался на его глазах.

Он игнорировал самые злободневные шутки, самые неожиданные интрижки, самые дорогие и красивые вещи. То, что ему нравилось, не поддавалось логике.

Еще одной удивительной его чертой было то, что он никогда не выражал неприязни, будь то к людям или неодушевленным предметам.

Если человек был ему неприятен, Вардан просто молчал. Собственно говоря, молчал он и если испытывал к кому-то симпатию. Он никогда не вступал в споры о политике, образовании, моде, музыке – вообще ни о чем, о чем принято говорить и спорить. Имея по поводу каждой мелочи свое мнение, и мнение горячее, противоречивое, наглое, мнение,

которое он долго выработывал и, закончив, очень ценил, он вовсе не стремился им делиться.

Он закрывал и открывал глаза, пил, курил свой дорогой «Парламент» и слушал.

Он был, безусловно, тщеславен до крайности. Но это была амбициозность иного уровня и иного характера. Он не искал ничего, чего искали тогда мы все: дела, денег, восхищения, себя. Все было ему скучно.

Он имел больше денег, чем мог тратить, не привлекая к себе внимания. Он всегда был одет в дорогие вещи, которые на нем приобретали удивительную безликость. Синие джинсы, черные свитера, бледно-голубые рубашки. В холод – пальто. Он носил кольцо с черным ониксом – «дедушкино», – что-то вроде талисмана, и черные очки с зеркальными стеклами. Больше ничего. Все вещи на нем блекли, теряли свою индивидуальность. Его манера движений, выражение его лица производили такое впечатление, что даже набитый глаз не отличил бы дорогую вещь от дешевой, будь они обе на нем. И это строгое, почти скучное постоянство его внешности еще больше подчеркивало неуловимость его настроений.

Все в нем текло и менялось ежеминутно.

Он бывал очень тихим, говоря негромким голосом и двигаясь так, будто его могло с минуты на минуту стошнить. В такие дни все в нем становилось выразительным, каждое движение имело свой смысл. Он мог передать что угодно

только открывая и закрывая глаза. Движения век и бровей, выражение взгляда вообще были его излюбленным способом выражения чувств. Влад и Макс шутили, что он перенял это от китайских курильщиков опиума, у которых, дескать, был разработан свой мимический язык.

Полулежа в кресле, накачанный нитрозепамом, совершенно неподвижный, он приподнимал веки, тягуче смотрел на меня и потом два раза быстро моргал, как будто стращивая увиденное с ресниц.

Впрочем, никогда нельзя было угадать, принимал ли он наркотики и если да, то какие. Он мог беспричинно и истерично хохотать без травки, быть лихорадочно возбужденным без MDMA и апатичным без седативных. Он мог судорожно и радостно веселиться без кокаина, слышать то, чего не было, и, наоборот, игнорировать все происходящее.

В то же время часто казалось, что наркотики на него не действуют вообще. Это происходило по двум причинам: во-первых, потому, что благодаря привычке и уверенности, с какой он вертел своим сознанием, ему всегда нужно было больше, чем всем нам, а, во-вторых, потому, что, по правде говоря, никто не знал, какое его состояние считать нормальным.

Иногда на него находили приступы радостной лихорадки. Он мог сутками не есть и не спать. С утра до вечера и с вечера до утра он вертелся на своей кухне, менял музыку в подключенных к айподу колонках, вытряхивал пепельницы,

продавал экстази, кипятил чай, рассказывал анекдоты.

Его анекдоты все были старыми как мир, и такими же смешными.

– Русские – удивительный народ. Знаете, что говорят про армян? Ну вот дескать приходит армянин к торгашу, и спрашивает, трава-то сегодня есть? Тот ему – нету. А армянин: совсем нету?

Все засмеялись.

– Так вот это армяне. А русские еще хуже. Говоришь им – нету, они тебе: «совсем нету?», ты им – совсем. А они потом еще обязательно спрашивают «Что, вообще совсем?»

Второй раскат хохота.

– Я вам клянусь. Каждый раз.

Когда ему становилось совсем весело, он выбирал случайного подданного и играл с ним в шуршафчика. Игра заключалась в том, что Вардан подсаживался к жертве, которую он считал достаточно обкуренной, приобнимал ее за плечи и заводил тихим и дрожащим от сдерживаемого смеха голосом:

– Говорят, у тебя есть шуршафчик. Покажи.

– Чего?

– Ну ладно тебе, ну покажи, – Вардан тянулся к его сумке или карману.

– Не покажу, – инстинктивно реагировал несчастный.

– Да ладно, покажи.

– Не покажу.

– Нет, ты покажи!

– Не покажу.

– А ты все-таки покажи!

Как-то раз такой диалог длился больше часа. Вардан довел растерянного мальчика до слёз.

Он говорил мало, плавно и негромко, и каждую фразу, которую он произносил, хотелось повторить, запомнить, записать.

– А давайте выйдем на свет и все дружно плюнем? – предложил Макс, когда мы в очередной раз возвращались из полей. Макса почему-то очень занимало то, как выглядит слюна обкуреного человека.

– Да, Макс. Давай. Это будет абсолютно адекватно, – сказал Вардан. И это его «да, Макс» каким-то образом распространилось по всему Оксфорду. Люди хохотали до слёз и повторяли, подражая его устало-ироничному тону: «да, Макс», «да, Макс».

Макс бесился, но смеялся громче всех.

В другой раз Вардану захотелось рассказать нам о горячем шоколаде. По его собственному утверждению, больше всего на свете он любил две вещи: фокусы и горячий шоколад. И профессионалом себя считал именно в этих двух областях.

– Нужно чтобы в большой кружке, не в стекле, с молоком, конечно, и обязательно с зефирками. Но зефирки кидать в последний момент, тогда они таят не полностью, и их можно вычерпывать ложкой. Есть люди, которые любят, чтобы зефирки запеклись сверху, как корочка, но тогда шоколад не

дышит, он получается слишком сладкий, а то и кислеет, это очень плохо.

– Ты как ребенок, – умилилась Яна.

– Дело не в этом. Правильным горячим шоколадом можно вылечить что угодно. Любой эффект, который тебе не нравится. Если перебрал и офигеваешь – не надо всех этих примочек, нужен просто сахар, глюкоза, и все пройдет. Это как тормоз, как ручник. Горячий шоколад так устроен, что в нем есть все, что нужно организму, чтобы прийти в норму, правильное сочетание белков, жиров, углеводов, витаминов, что там еще есть. Похмелье, панические атаки там, депрессия, ажитация – от этого всего горячий шоколад.

– Правда? – Доверчиво поинтересовался Эдгар.

– Ну я ж живой.

– Логично.

Фокусы были его страстью, а Гудини – почти что богом. Удивительно, но Вардан почти никогда не фокусничал сам, предпочитая все свободное время посвящать разгадыванию шедевров мастеров. Он часами таращился на старые записи, пытаясь уловить, как фокуснику удастся тот или иной трюк. В его любимом фокусе, как он любил повторять, все дело было в дыме и зеркалах. Зеркала, поставленных по кругу под определенным углом так, что изображение несколько раз преломлялось, создавая у зрителей ощущение обычной картины. Так, сдвинув зеркала, Гудини удалось «растворить в воздухе» слона с арены полного шапито.

В первый раз оказавшись в его комнате, я поразилась царившей там атмосфере стройного беспорядка художника. Весь стол Вардана был завален чертежами головоломок и оптических иллюзий. Пришпиленные к стенам, разбросанные по ковру, сотни и сотни схем, алгоритмов, хитростей и объяснений. С поразительной скрупулезностью он отмечал красными и зелеными чернилами разные стадии фокусов, переписывал и совершенствовал инструкции, зарисовывал на салфетках, руках, сигаретных пачках, а порой и на стенах неожиданно пришедшие ему в голову решения.

Кроме стола в узкой комнате были только кровать, комод, сейф с кодовым замком и три книжные полки. Дверь направо вела в ванную, окно выходило в переулок. Не было даже стульев, при необходимости их приносили из кухни. Необходимость возникала редко – обычно небольшая группа тех, кого Вардан считал достойными оказаться в своем личном пространстве, рассаживалась прямо на полу, на пышном синем ковре, сплошь покрытом старыми пятнами и звездочками прожженных дыр.

На всем в его комнате лежал отпечаток его характера. Здесь, в отличие от кухни, всегда было тихо и полутемно. На полках в понятном ему одному порядке лежали царапанные диски, которые он брал напрокат под огромные по нашим меркам залого и никогда не возвращал (он особенно любил «Шерлока Холмса» Гая Риччи – этот фильм имелся у него по меньшей мере в четырех экземплярах – и старые амери-

канские комедии и боевики), растрепанные бульварные детективы и деревянный крестик, связанный из двух веточек.

Даже коврику не удалось избежать Варданова клейма – прямо перед дверью зияла огромная грубо вырезанная дыра. Через нее проглядывал старый паркет.

– Это вообще как вышло? – На третий день изучения загадочного дефекта я наконец набралась смелости поинтересоваться.

Макс широко ухмыльнулся и охотно рассказал.

– Ну, сидим, значит – в том году дело было – с народом, нюхнули, бухнули, еще нюхнули, ну короче Пете – тусовался тогда с нами такой – заплехело, он кричит, сейчас блевану, а в ванной кто-то был, и дверь заперта. Мы ему орем, ты выйди в коридор хоть, засранец, не погань ковер. А он давится как последняя сука, но такой хера ли я должен выходить, там люди, бабы, зачем мне надо у них на глазах-то выворачиваться? Ну и угадил в общем он нам пол, от всей души так. Воняло неделю, честное слово. Чем мы только не терли, суровый был чувак, видать, ядреный. Ну Вардан психанул и говорит, да ну в задницу этот ковер, взял и вырезал ножом весь кусок. Престижжигитация, блин.

– Что такое престижжигитация?

– Быстрое движение, – ответил Вардан, – быстрое, незаметное движение фокусника. Ловкость рук. Основа основ.

4. Кухня чудес

Постепенно меня приняли в свиту. Я узнала больше об обязанностях и привилегиях каждого, кто находился в ближайшем к Вардану круге. Это были Влад, Макс, Яна, Чингиз и отчасти – в основном в силу своего упрямства – Эдгар. Несмотря на то, что все работали и отдыхали вместе, в свите царила строгая иерархия и разделение обязанностей.

Влад, по его собственным словам, был географом. Именно он обычно определял курс компании на вечер, и он же отвечал за безопасность.

– Безопасность, – как объяснил мне Макс, – это знать, в каком клубе сколько народу, и куда именно этим вечером идут другие, подобные нашей, компании. С коллегами мы стараемся не сталкиваться, потому что это будет означать неудачный вечер как для них, так и для нас.

Еще в компетенцию Влада входили разборки с британской гопотой, которым Вардан ничего не продавал из принципа, и информация о полицейских облавах. Телефон у Влада не замолкал ни на минуту.

У себя в Чернигове он был довольно крупным торгашом, и опыта общения с неприятными людьми у него было больше, чем у любого из нас. Ходили даже неподтвержденные слухи, что дома на Украине он нарвался на проблемы такого свойства, что его переезд в Англию был во многом вынуж-

денной мерой.

– Самое неприятное, что может случиться, – рассказывал мне Влад, пока мы сидели в пабе в ожидании остальных – и чего нужно стараться избегать – это полицейские с собаками. Обычно по вечерам работает одна команда, в пятницу и субботу их может быть больше. Обычных полицейских можно не бояться, потому что обыскивать на месте они не имеют права.

Об их перемещениях от клуба к клубу Владу сообщал загадочный Саймон, но к большим барам мы подходили все равно не сразу. Вперед Владик высылал кого-то чистого, обычно Чингиза, кто проверял обстановку и убедившись, что все спокойно, подзывал остальных.

Чингиз был единственным, кто пытался жить правильной жизнью. За это над ним издевались при каждом удобном случае, но в глубине души любили за наивность и прилегающее к ней благородство. Он упрямо приглашал девушек на свидания, которые заканчивались обычно катастрофически, когда ничего не подозревающая студентка неожиданно оказывалась в компании мрачного Вардана, сосредоточенного Владика и откровенно потешавшегося над ней Макса. Чингиз не курил, но пил (за что его презрительно называли алкоголиком), хотя делал это с кислой миной и явно без удовольствия. Он трусил, спотыкался о собственные ноги и судорожно пытался сохранить лицо, обычно прикидываясь грубее, чем был на самом деле. Он громко и вульгарно ругался, со

всеми спорил и ввязывался в драки, которые неизменно проигрывал, если за него не заступался раздраженный Макс.

Макс следил за хранением и развесом, что делало его еще и мастером примешивать к наркотикам то, чего там не должно было быть. Марихуану разбавляли травяным чаем, сушеным укропом и спайсом – легальными благовониями, которые, будучи выкуренными, вызывали сильный, но противный эффект, паршивое “похмелье” и серьезно вредили здоровью. Кокаин мешали с мукой и тальковой присыпкой из ближайшей аптеки.

У Макса была и еще одна, не менее важная обязанность – быть всеми любимым. Братишка и кореш, он одинаково легко сходиллся с самыми непохожими людьми, с парнями и девушками, с халявщиками и отличниками. Простак, шутник, зачинщик, куда более рассудительный и ловкий, чем он любил казаться, он играл в свите жизненно важную роль. Самым интересным в нем была совершенная искренность и прямота, редкая для профессиональных любимчиков общества. Да и любовь эту он завоевывал честно, всем помогая, всех утешая, всех смешивая. Он занимал и одалживал деньги с ужасающей легкостью, он носил на руках перебравших, он следил за неопытными, он убирался, улыбался, со всеми пил и ни на кого не срывался. Прозрачность его характера была во многом обманчива, а вот желание помочь просто потому что так надо, и тщательно скрываемая ответственность были реальны и совершенно незаменимы.

Вардан питал к нему беспрекословное уважение антипода, подкрепленное абсолютной верностью Макса и искренним его нежеланием занимать в свите хоть сколько-то привилегированное положение. Они обнимались при встрече и все, кроме заработка, делили строго пополам.

Дела же самого Вардана были скрыты от всех. Узнать о них что-то можно было только по оброненным в разговоре замечаниям и понятным ему одному шуткам. Наркотики он покупал партиями у кого-то очень серьезного, чьи контакты никому не доверял, и он же перепродавал их мелким распространителям в клубы.

Макс проболтался, что Варданов контакт предлагал ему героин, но тот отказался («Нахера мне эта карусель? Что угодно, кроме чернухи.»), чем неожиданно вызвал к себе уважение, которым теперь пользовался, чтобы пробираться в злачные места, куда более опасным личностям вход был заказан.

Большая часть наших вечеров начиналась в пабе напротив кухни, где за пивом и текилой компания решала, куда мы идем. Иногда мы возвращались к Вардану, где к полуночи собиралась оголтелая толпа, а иногда начинали свое ночное путешествие по клубам. Оксфорд – город небольшой, и все клубы в нем похожи один на другой. Везде голые трубы вентиляции – особый английский шик –, кошмарно дорогой алкоголь и одинаковая ритмичная музыка. Ближайший из них, называвшийся «Камера», располагался в том же до-

ме, где жил Вардан. Это было одновременно безыскусное и притягательное заведение, без окон, с отливавшей серебром барной стойкой и тесным танцполом, набитым выряженными как на маскарад студентами «лучшего университета Европы». Второй крупный клуб, «Бридж», находился, как ни странно, на мосту. Он был чуть чище, чуть тише, но настолько же безвкусным.

В оба заведения нас, разумеется, пропускали без очереди. Нигде мы особенно не задерживались. Вардан отдавал менеджеру траву и таблетки, взамен получал деньги и бутылку какого-нибудь крутого виски. Напитки – комплимент от заведения. Можно было пить что угодно и в любом количестве, но Вардан брезговал всем, кроме простых и крепких коктейлей, а все остальные подражали ему. Дальше кто-то от неведомого Саймона толкал дурь в клубе с громадной наценкой, но это уже нас не интересовало.

– Кто такой этот Саймон? – Смущенно спросила я Макса.

– Владелец.

– Чего?

– Клубов. «Камера», «Бридж» – это его заведения.

– И он сам продает там дурь?

– Через нас. Типа он и не при чем.

Саймон звонил часто, обычно Владу, и просил нас прийти. Мы приходили, но никогда не видели его лично.

Если заказов не было, мы шлялись по улицам, на ходу скручивая косяки, или шли в парк любоваться на лебедей.

Теперь там стало совсем темно и пустынно. От нас шархались редкие велосипедисты, проезжавшие вдоль реки. Я, кажется, ни разу не бывала там при свете дня, да и не уверена была, что хочу.

– Надо попробовать морфий... – задумчиво сказал Вардан, уставившись в беспроглядную темноту. В зарослях дикой малины жалостливо ухало что-то невидимое.

– Может, сразу героин?

– Ты опять все путаешь, – с легким раздражением отозвался Вардан, – Героин – гастарбайтер, морфий – иммигрант.

В паре шагов от нас присевший на корточки Макс крошил одурительно пахнувшие соцветия между двумя острыми камешками.

– На кой бес?

Вардан пожал плечами.

– Да чисто выпендриться.

Мы были втроем – сосед Влада уехал, и они с Яной пользовались редким уединением. Чингиз напивался в каком-то грязном пабе на окраине, а я, увлеченная своим исследованием, как могла старалась не выпускать Вардана из виду.

Все впечатления от их общества, весь открывавшийся мне новый, странный мир были так невозможны, так гротескны, что казалось, месяц назад их просто не могло существовать. Все произошло неожиданно и стремительно, как будто кто-то сменил декорации. Меня, хорошистку и интеллектуалку,

обходили на улице школьники.

Я никогда не курила так много. У меня кружилась голова, разбегались мысли и слова, все было сбивчиво, спутано, один вечер перетекал в другой, и дни заполняли, нежно и деликатно, мысли, которые было удивительно легко и приятно думать, разглядывать, доводить до конца. Каждая секунда представляла будто под увеличительным стеклом – текучая, изящная, полновоздушная арабеска.

Макс считал, что я «залипаю».

– Не тормози! – Орал он мне в ухо, – Съешь шоколадку!

Отношение к Вардану и его свите сложно было описать словами.

Это была совершенно безумная смесь ужаса, восторга и какого-то слепого доверия.

– Как иначе будешь относиться к людям, которым доверяешь ни много ни мало свою жизнь? – С неожиданной пронизательностью заметила Яна, когда я поделилась с ней своими впечатлениями.

Именно доверие поражало меня больше всего, детское или щенячье, с широко раскрытыми глазами. Они ныли, кланчили, плакали, корчились и льнули к нему как котята. Это было необъяснимо и жутко. Это была власть в кристально чистом виде: не власть политиков, философов или экономистов, а совершенно как будто бы случайная и, кажется, абсолютная.

Во взгляде, каким он смотрел на дергающиеся толпы в

клубе, не было совершенно ничего: ни пренебрежения, ни отвращения, ни радости, ни жалости, ни жадности. Ничего, что было бы для этих людей унижительно, и ничего, что бы им польстило. Только непроницаемое спокойствие. Ему, казалось, было безразлично, что они существуют на свете.

И те взгляды, которыми смотрели на него из толпы. Контраст заключался именно в том, что в их отношении к нему было место всем чувствам, которые можно себе представить, взвинченным до предела страстности. Все то, что можно испытывать к живому человеку, и еще немного того, чего к живому человеку испытывать нельзя.

Они как чешуйками были окружены легендами и сплетнями. Стоило нам зайти в бар, паб, клуб, все сейчас же оборачивались на нас со смесью опаски и любопытства. Вардана знала в лицо большая часть города. На него показывали пальцем.

Идти с ним ночью по улице было похоже на прогулку по аквариуму. Рыбы тарасились как будто из-за стекла, боясь подойти, и под их взглядами каждый из нас чувствовал себя высшим существом. Многие здоровались, задавали вопросы. “Главное – тихонько проинструктировал меня Макс – ни с кем особенно не разговаривай.”

– Эй, ты встречаешься с Варданом?

– Слышь, угости косячком?

– Воу, воу, смотрите, подстилка пошла!

– Красавица, а красавица, а где это твоего парня носит, а?

Ну-ка дай-ка я поговорю с ним по-пацански.

Новости в Оксфорде разносятся с пандемической скоростью, и спустя несколько дней все заинтересованные уже были в курсе моей причастности к свите.

Кое-кто кричал мне вслед оскорбления. Но большинство, казалось, готовы были идти за мной куда угодно за одну только надежду быть поближе к необыкновенной магнетичности Вардана и его психотропным запасам. Наслаждение от этого было настолько же острым, насколько оно было непривычным.

Как-то раз я пришла в «Камеру» чуть раньше остальных. Я думала, меня разорвут на части. Музыка еще не было, и та тишина, которая там повисла, была одновременно самым страшным и самым восхитительным, что мне доводилось испытывать. Я шла, как будто в облаке звукоизолированной ваты, а за моей спиной смыкались шепотки. Я села, попросила вина, и вокруг меня собралась настоящая толпа. Всем обязательно хотелось на меня посмотреть и меня потрогать, как будто они сомневались в моей настоящести. Они лезли ко мне как пауки из банки, часть – знакомые, но большинство я видела в первый раз. Я так и не поняла, чего они от меня хотели, но в те пятнадцать минут я передумала, кажется, все мысли, которые были у меня в голове.

А там был одновременно и ужас, и желание убежать, и даже какое-то странное ликование. Я чувствовала их беспомощность, и радость, и драйв, и чуть ли не преклонение, и

совершенно не знала, как на это реагировать. Мне казалось, что я упаду в обморок от того напряжения, с каким на меня уставились. Когда пришли Макс и Вардан, мне стоило больших трудов не броситься им на шею.

– Как ты это переносишь? – Спросила я, когда мы наконец оказались на свежем воздухе.

– Что?

– Их всех.

Вардан пренебрежительно повел плечом.

– И что мне надо было делать с ними всеми?

– Ничего.

Мне было одновременно так тошно и так весело, что в тот вечер я, казалось, растворилась и кристаллизовалась кем-то другим.

Милая женщина, у которой я снимала комнату, предупредила меня не гулять допоздна. А чего мне было бояться, думала я с плохо скрываемым от самой себя восторгом. Все боялись нас.

В другой вечер мне представилась редкая возможность увидеть рассерженного Вардана.

Около одиннадцати зазвонил телефон. Вардан, который сам не пользовался мобильными, звонил с номера Макса.

– Сейчас к тебе приедет этот дебил, – быстро сказал он, – разберись с ним.

– Кто?

– Дебил.

Я сделала вывод, что речь шла о Максиме.

– Придурок подрался с Чингизом. Вернее, Чингиз работал грушей... – из трубки раздался довольный смех стоявшего рядом «придурка», – и заработал сотрясение. Или что-то такое, ходить он не может.

Вардан ехал довести пострадавшего до дома, а Макса посылал ко мне. Я возмутилась, и предложила свалить заботу о пьяном забияке на Влада.

– Влад там с кем-то трахается, – отмахнулся Вардан.

– Может, я здесь тоже с кем-то трахаюсь? – Съязвила я.

Вардан фыркнул и бросил трубку. Через полчаса затрещал дверной звонок. Вместо Максима на пороге стоял Вардан.

– Хотелось бы сообщить тебе лично – прошипел он, – Да пошла ты.

Я засчитала это происшествие как свою маленькую победу.

Тяжелее всего было вести двойную жизнь, совмещая учебу, прилежных одноклассников, которые спрашивали у меня домашнее задание и хихикали при слове “пиво”, будучи совершенно уверенными, что я, как они, ложусь спать с десятью, мечтаю о Джонни Деппе и больше всего на свете боюсь экзаменов, и жизнь настоящую, жизнь в свите. Разница между мной и законопослушным обществом, и раньше-то громадная, стала теперь смехотворно непреодолимой. Я удивительно быстро освоилась. И нашла способ успевать все, кро-

ме сна. Все знают ощущение, когда мир будто бы внезапно становится серым. Я не догадывалась, что бывает еще и обратное явление. Мой мир флуоресцировал, все бросалось в глаза, все переливалось, мерцало, все было живым и ярким и прекрасным, и как будто только вымытым, свежим, чистым.

– Избалованная дура, – вздохнул Вардан, передавая мне косяк, – Знаешь, почему я тебя терпеть не могу?

– Почему?

– Потому что тебе талант некуда девать. А ты сидишь и...

– Это самое приятное, что я когда-нибудь слышала, – расстрогалась я.

– Я ж говорю, избалованная дура, – кивнул Вардан.

Дни плелись нерешительно, как лишённые кофе обыватели. В промозглую осеннюю погоду не хотелось и не ждалось ничего, кроме вечера, спертого воздуха клубов и моей новой роли. Я начала кривиться на чужаков.

На второй месяц моего знакомства со свитой Чингиз привел свою очередную пассию. У привязавшейся к нам девушки не было шанса: она думала, что мы идем в клуб, а мы шли «по клубам». На ней были каблуки невероятной высоты, тонкие черные колготки, шелковое предельно короткое платье, укладка и макияж. Она, конечно, очень хотела нам понравиться, но это сложно было сделать любому чужаку, а чужой девушке – почти невозможно. А ее капризы, под которые она пыталась замаскировать желание пофлиртовать, только провоцировали всех на издевки. Мне стало ее жаль.

– Ты вливаешься в эту компанию только если тебе действительно плевать на них, – посоветовала я ей, пока никто не слышал.

Ей явно было не плевать. Она посмотрела на меня с недоумением.

– И чего мне не хватает?

Ах, этот омерзительный юношеский интерес, какая дрянь, на зубах скрипит. Я честно ответила:

– Ума.

Она сглотнула.

– А ещё стиля, вкуса и таланта. Ты бездарная актриса, до мозга костей обыкновенная, и, наверное, поэтому такая... облезлая.

Подражая Вардану, я чувствовала себя выше правил этикета. Она сказала, вероятно, с иронией, которую я намеренно не стала брать в расчет:

– Да, мне твою мудрость и опыт перенимать и перенимать.

– Конечно. Но не расстраивайся, большинству тех, кто со мной общается, стоит перенять у меня мудрость и опыт.

Больше мы ее не видели.

...Вардан достал из холодильника прозрачный пластиковый пакет. Субстанция, покачивающаяся внутри, выглядела как недельные выделения не слишком здорового человеческого тела.

– Фу! – сказала Яна, – а посимпатичнее никак?

Вардан посмотрел на нее своим отсутствующим взглядом, еще более оскорбительным от того, что в нем было искреннее безразличие, и пожал плечами.

– Что это вообще? – осторожно спросила я.

– Наш личный рецепт. Ты что, нам не доверяешь? – это Влад.

– Не настолько. Из чего оно? И что с этим делать?

– Это надо есть, – жизнерадостно сообщил Макс, доставая веерок чайных ложек.

– Буэ, – сказала Яна, – Да меня же вытошнит.

Макс и Влад довольно заржали. Вардан моргнул и отвернулся.

– Так, Ася, я могу сказать, что тут точно есть, – Влад заглянул в пакет и демонстративно принюхался. У него был вид увлеченного химика. Его большой пористый нос на фоне резко пахнувшей жижи действительно производил гнетущее впечатление.

– Тут точно есть гашик и мускатный орех. И дочерта кофеина. Это то, что я сам клал. Ну и тайный ингредиент, конечно.

– А орех-то зачем?

– Да ты что, орех – самое главное!

– Да ладно.

– Не веришь мне, спроси интернет.

Я смолчала, боясь показаться уж совсем некомпетентной. Позднее сеть подтвердила, что мускатный орех в больших

дозах действительно был сильным психотропом.

– Ну ладно, – кокетливо сказала Яна, выбирая ложку по-чище, – Но если я откинусь, это будет на твоей совести.

– Да не кипяшуй ты, – на букве «я» был особенно заметен Владов украинский акцент, – Откачаем.

Ну да, подумала я, с тоской вспоминая о курсах скорой помощи, которые проходила той весной. Официальное время ответа – семь минут. Что, в конце концов, может случиться за семь минут.

Жижа была такой горькой, что меня передернуло как от крепкого кофе. Макс разлил по рюмкам текилу. Мы выпили. Алкоголь на гашиш, отчетливо звучал в голове голос, похожий на мамин. Отличное, зрелое решение.

– В покер? – предложил Вардан, когда все отдышались.

– Да ты ж всех обмухлюешь! – возмутился Макс.

– А мы не на деньги.

Все перешли в комнату и расселись кружком на полу. Парни шутили и смеялись, рассказывали истории о том, кто, где и как напился, накурился, устроил дебош. Вардан действительно выигрывал с подозрительным постоянством.

После четырех конов все еще ничего не происходило.

– По-моему, меня не взяло, – Взрыв хохота. Макс обнял меня за плечи.

– Ну наконец-то! А я думал, никто сегодня не скажет. Асенька, это волшебная фраза. Ее обязательно кто-то должен произнести, иначе вечер не вечер.

Мы сыграли еще пару раз.

– Наркотики – вещь тонкая, – задумчиво заметил Влад.

Тут даже Вардан засмеялся:

– А ну раскрой?

– К приходу нужно относиться с уважением. Это вообще, между прочим, типичная ошибка новичков. Они все куда-то спешат, чего-то ждут. Не нужно так... – его голос соскользнул в шепот и он закрыл глаза.

Макс толкнул его локтем.

– Чувак, ты с нами?

– А вы куда-то собрались? – спросил Влад, вскидывая голову.

– А, ну тут всё.

– Минус один.

Я вдруг заметила, что у меня бешено колотится сердце, как будто я пробежала несколько километров. Я закашлялась, хватая ртом воздух.

– А давайте выйдем на улицу? – сказал Макс с неожиданным энтузиазмом.

– Как ты себе это представляешь? – лениво спросил Вардан, выразительно обводя комнату глазами.

Влад так и сидел с картами в руках, задумчиво глядя в пол. Яна положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Свет моргнул, задрожал и загорелся чуть ярче.

– Ой, что это? – спросила я, посмотрев на потолок, – Проводка?

От их смеха мне заложило уши.

– Что «что это», солнышко?

– Свет мигает, нет?

– Минус два, – сказал Вардан.

– А давайте, кстати, погасим свет.

– Давайте, – донеслось откуда-то издалека, – Кто встает?

Никто не встал и все замолчали.

Мягким веером по капиллярам разбежалось оранжевое тепло. Я тихонько выскользнула из себя, пробежала у себя под рукой, и шлепнулась на прохладный серебристый лёд. Бесконечная, блестящая ледяная горка, плавное скольжение и чувство бесконечности. Я была в пустом белом поезде. Кругом шуршала и покачивалась свежая светлая зелень, мы ехали через лес. Блики на полу, колыхание пятнистой тени. Потом появились люди. Мятое загорелое лицо стареющего Пикассо, одинаковое со всех сторон. Снова легко тюкнуло в затылок, я почувствовала, что падаю спиной в мягкие и теплые розовые перья. Я глубоко вдохнула. Где-то в спине было ужасно горячо, и не хватало воздуха. Прямо передо мной полыхнул яркий зеленый свет. Я зажмурилась. Отвечая вспышке, перед глазами одновременно возникла стайка разноцветных взрывчиков. Звездчато-искристые фейерверки вспыхивали и гасли. Мне стало интересно, о чем же я думаю сейчас. Почесывая руку, я размышляла о том, что больше всего мои мысли занимает как раз необходимость следить за своими мыслями. Моргнув, посмотрела на руку. Ног-

ти скребли кожу до крови, ладонь пересекли ярко-красные полосы царапин. Боли не было. Я охнула и опустила руки. С трудом сглотнула. Взгляд не хотел фокусироваться ни на чем, но я выбрала Вардана и уставилась на него. Он сидел, прислонившись спиной к стене и сложив ноги по-турецки, абсолютно неподвижный. Рисунок его растянутого свитера показался мне особенно интересным. Я смотрела на него, смотрела, и не могла оторваться. Мне хотелось, чтобы он тоже смотрел только на меня. Сердце билось где-то в животе и мысли замкнулись в тускло поблескивающее кольцо.

– Эй, ты как? – Максим пихнул меня локтем в бок.

– Мне не хватает слов.

– Наконец-то, – сказал Макс.

– В кои веки, – лениво изрек Вардан, не поднимая головы.

Видения, которые он было спугнул, постепенно возвращались, смывая реальность как лёгкие речные волны смывают замысловатые песочные строения у самой кромки воды. Капли песка. Жидкий песок. Я никого не люблю и никого не ненавижу, смутно и уверенно думала я. Моя жизнь – это шесть вечера в ноябрьской Москве. Небо от лимонно-желтого до серо-синего, много огней, холодные сумерки. Синяки облетевших деревьев, радио, неуверенные еще новогодние гирлянды. Бесконечное и монотонное движение человеческих потоков.

Стало совсем темно, и ужасно хорошо. Все заботы выкачали из меня, как грязную воду из бассейна. Осенние листья

кружились перед глазами и опускались в теплую и мутную жидкость. Кровь? Я выныривала из нее и снова погружалась, строгая ритмика дождевых капель стучала в ушах. Сладко чвакнула и зашуршала об иглу пластинка, голубые лужи и свечки каштанов замелькали перед глазами. Стало тепло и сладко.

Я с трудом встала и сделала пару шагов. Упала на кровать, поджала колени и закрыла глаза. А вынырнув в следующий раз, почувствовала рядом с собой свернувшегося в клубок Вардана.

Я подняла руку. В темноте от кисти исходило красноватое свечение. Я смотрела на нее, наверное, целую вечность, пока Вардан с тихим и раздраженным стоном не опустил свою руку на мою. Я ему мешала, но ничто не стоило слов.

Теперь все мое сознание сосредоточилось на запястье. Я пыталась почувствовать каждую фалангу его пальцев. Его рука прорастала в меня, и я не помнила времени, когда мы не были одним существом. Мне стало любопытно, почувствует ли он то же. Я положила руку ему на плечо. Это стоило таких нечеловеческих усилий и заняло так много времени, что я не помнила уже, зачем. Я попыталась окликнуть его, но это было бесполезно. Я замолчала.

Мы все лежали не шевелясь. Время от времени кто-то прерывисто и шумно ловил ртом воздух – так они смеялись. Мы с Варданом лежали обнявшись, не шевелясь, в темноте я отчетливо различала контуры его тела: ключицу, шею, под-

бородок. Если бы я не чувствовала его дыхания, я бы решила, что он умер. Если бы не мое дыхание, я бы подумала, что умерла я. Я сосредоточилась на мягком хрипе, с каким он выпускал воздух из легких, и, наверное, заснула.

Когда я проснулась, дождь прекратился. Отдельные капли с грохотом падали на карниз. Вардан лежал лицом ко мне, приподнявшись на локте и упираясь ладонью в щеку, и будто бы смотрел в потолок. Глаза его были закрыты. Было темно и очень тихо.

Я с удивительной ясностью осознала, что все мое существование находится именно здесь, в этой темноте и в этом тепле. Кроме этой комнаты не было ничего.

Мы разделись. Каждый предмет одежды давался с трудом и, казалось, весил несколько килограммов. Кровь бежала по всему телу, колко билась на кончиках пальцев, гулко стучала в горле, колотилась в голове. И так же отчетливо, как шум собственной крови в ушах, я слышала стук его сердца. Абсолютно везде, в каждой секунде моего бытия билось ощущение пронзительного счастья, как будто вместе с ним в меня проникала вся сладость мира. Я не могла думать ни о чем, кроме этого счастья, а воздуха катастрофически не хватало. Я услышала свой кашель и голос Вардана:

– Э, э, ты дышать-то не забывай. Дышать полезно.

– Кислород – это яд. И мы все... Сгораем живьем... Только... очень медленно.

Пауза.

– Да ты что? Не может быть!

Пауза. Я набрала побольше воздуха.

– Издеваешься, тебе не интересно что я говорю.

Какое-то время до Вардана, видимо, доходил смысл моих слов. Потом он откинулся на спину, поджал колени и захотал.

– Ой, – причитал он, хватаясь длинными кривыми пальцами за свои и мои волосы, – Ой я не могу. Ой не могу...

Когда я в следующий раз открыла глаза, в комнате было светло. Косые солнечные лучи лежали на стене и столе. Вкусно и по-утреннему пахло смесью гари, ментола и жареного хлеба. В ярком свете клубилась мелкая поблескивающая пыль.

Вардана я заметила не сразу. Он сидел вне поля моего зрения, на подоконнике, свесив ноги в открытое окно, и курил. Ментоловый запах исходил от его свежевывбритых щек, дымный – от привычного «Парламента». Я отметила, что рассказы про татуировку на плече в виде узорчатого монстра, которую он якобы сделал в прошлом году, увлекшись демонизмом – неправда. В солнечном свете его кожа, кажется, стала еще тоньше.

С гулкой улицы внизу доносились звуки открывающихся и закрывающихся дверей, разговоры и смех. Я посмотрела на часы. Восемь. Прислушалась к себе. Голова на болела, но и не работала. Попыталась представить себе, как выгляжу. Протерла глаза, как могла расчесала пальцами волосы и по-

звала:

– Доброе утро!

Вардан кивнул, но не обернулся.

Я влезла в джинсы, один носок нашла на стуле, второго не было. Осмотрелась кругом, пошевелила одеяло, заглянула под кровать. Пыль, окурки, – надо же! – презервативы, сомнительного вида таблетки, но нет носка. Мне снова стало смешно.

– Можно в душ?

По движению его затылка я поняла, что Вардан кивнул.

Когда я вышла, он уже слез с подоконника и раскуривал косяк.

– Не рановато?

– Самое как раз.

– Я потеряла носок.

Вардан моргнул и хмыкнул.

– Ты не юзала что ли раньше? Гашик. Чистый в смысле.

– Ну как, – приготовилась пыжиться я.

– А в школе?

– Я училась в гимназии...

– А-а, – как Вардан не пытался сдержать улыбку, уголки его губ поползли вверх, – Ну если в гимназии...

– Самое лучшее в том, чтобы обдолбаться и потрахаться – это обдолбаться и потрахаться, – поприветствовал меня Макс, когда ближе к полудню я приплелась в «Белую ло-

шадь», спотыкаясь и жмурясь на белесые облака.

– Угу.

– Ну давай, скажи, – хихикнул Макс, угощая меня сигаретой.

– Что?

– «Больше никакого гашиша».

– Больше никакого гашиша.

Гашиш случился на следующий же день.

5. Дым и зеркала

– Пойдешь с нами в кино? – спросила я Вардана однажды в пятницу.

– Вы – это кто?

Я перечислила подруг, ни одну из которых он, естественно, не знал.

– Нет.

– Мое дело предложить.

Мне и в голову не приходило, что он может согласиться.

Вардан сидел на полу по-турецки и считал деньги. Справа от него лежали в беспорядке разноцветные груды. Больше всего было голубоватых двадцаток. Попадались и пятидесятифунтовые бумажки, и мятые десятки. Слева красовались стопки расправленных купюр, сложенных в пачки по двадцать штук. Прямо перед Варданом стояла счетная машинка.

Он ненавидел это занятие. Оно раздражало его до глубины души. К деньгам он относился со спокойствием человека, который никогда не испытывал острой в них необходимости, со спокойствием, граничащим с брезгливостью. Они его не трогали, как не трогает современных мужчин эротика прошлого века. Он привык к гораздо более грубому и одновременно глубокому проявлению своей власти. Он не понимал, зачем они нужны.

– Я сегодня в «Лаве», – сказал он, видимо, дойдя в своем занятии до некой круглой цифры, – Приходи после кино, – и, увидев, что я колеблюсь, добавил, – С Саймоном познакомишься.

Саймон был в Оксфорде фигурой почти такой же легендарной, как сам Вардан, но гораздо менее известной. Он владел всеми четырьмя крупными танцполами города. Саймон закрывал глаза на наркотики, и в его клубы всегда стояла очередь. Ему было чуть за тридцать, и с Варданом их связывала если не дружба, то взаимная симпатия коллег и соучастников.

Предложение оказалось заманчивым, фильм плохим, и в одиннадцать я уже стояла в длиннющей очереди, чтобы пробраться в «Лаву». Охранник приветливо помахал рукой и сделал вид, что углядел меня в каком-то списке. За спиной недовольно фыркнули школьницы.

Вардан сидел за баром со стаканом пива, на почтительном расстоянии от него толпилась привычная кучка подлиз. Напротив Вардана, за стойкой, стоял высокий улыбчивый блондин в изысканно потрепанной футболке, и, перегнувшись через зеркальную столешницу, что-то негромко рассказывал.

Беседа шла по-английски.

– ...Не пойми меня неправильно, чувак, – говорил Саймон, – я не утверждаю, что ты при чем. Но это становится просто невыносимо.

– И? – Нетерпеливо огрызнулся Вардан, – и?!

– Ну у меня-то есть вон охрана, для меня проблем нет, а другие ребята очень недовольны. Народу и так мало, и...

– И чем я могу помочь?

– Не знаю, чувак, не знаю, ну я думал может ты знаешь кого...

– Чтобы сделать что, конкретно?

– Ну поговорить... Убедить... Договориться...

Вардан оторвался от созерцания оседающей пены и ода-рил Саймона одним из своих внимательно-презрительных взглядов.

– Я никого не знаю. Извини. Разбирайтесь сами.

– Да ты ж пойми, я к тебе просто как к нормальному чуваку обращаюсь, я же знаю ты нормальный, серьезный чувак... Вдруг что...

– Я понимаю, – отрезал Вардан, – Извини.

– Ну может быть ты знаешь кого-то, кто мог бы помочь?

– Я что, гангстер?

– Нет, что ты, просто...

Вардан несколько раз моргнул. Для него это выражало смесь раздражения с крайним недоумением.

– Я правильно тебя понимаю, – тягуче начал он, – Ты хочешь, чтобы я разогнал твоих торчков?

– Они не только моя проблема! – Тон Саймона стал оборонительным – Они всем мешают! Найди хоть одного серьезного человека в этом городе, кому бы они не мешали!

– Послушай, чувак, – с едва заметной издевкой продол-

жил Вардан, – Если к тебе ходят потусоваться гребаные героинщики, позови гребаную полицию.

– И какой смысл? – Горячо возразил хозяин.

– Саймон, я не полезу в твои разборки с компашкой проширявших мозги головорезов. Во-первых, мне это не выгодно. Во-вторых, ты, видимо, плохо себе представляешь, чем я занимаюсь. Я не бандит. У меня нет на примете парочки кровожадных поляков. Были бы, я бы с радостью их тебе одолжил.

– Эти суки, чтоб их, вместе со своим чертовым Джонни, мне по полклуба за вечер разносят! Пугают нормальных ребят! Твоих, между прочим, клиентов!

– Не моя проблема.

– Скоро будет твоя, – едко заметил Саймон.

– Вот тогда и буду разбираться.

Вардан отодвинул пиво и поднялся.

– Прости, чувак.

Саймон скривился.

– Пару унций мне подгонишь на сегодня?

– Вот это другой разговор. Это всегда пожалуйста.

Оба нехотя улыбнулись. Вардан снова сел.

– У нас с тобой симбиоз, чувак. Не надо его поганить.

Я решила, что серьезный разговор закончен, и теперь самое время влезть. Занимательнее всего было сделать вид, что я принимаю Саймона за обыкновенного бармена.

– Привет. Нальешь вина?

Тот форсированно закивал.

– Красное? Белое?

Политика тотального невмешательства, которую проводил Вардан в отношении всего на свете, допускала, впрочем, некоторые исключения. Ближе к Рождеству произошло событие, раскрывшее для меня еще одну сторону его философии.

Около полудня Влад прибежал к нам в крайнем возбуждении. Забывшись, он споткнулся о дыру в ковре и громко выругался. Отдышался и сообщил:

– Объявляется выходной!

– Что такое? – Спросил Вардан, не отрываясь от очередного фокуса.

– Облава! Менты предупредили Саймона, Саймон предупредил меня. В «Камере», с собаками, со всеми делами.

– Просьба всем оставаться на своих местах! – Прорекламировал Макс – И сохранять полное спокойствие!

Потом подумал и обратился к Вардану, уже гораздо серьезнее.

– Слушай. Есть мысль.

– Пусть она будет не такая же тупая, как обычно, – взмолился тот, неохотно поднимая на Макса воспаленные глаза.

– Не, она умная. Смотри. У нас же есть конкуренция, так? Ну например тот же Эдгар. Он между прочим на норвегах с мексиканцами страшные бабки рубит. Ну мы ж кореша с

ним. Давай я ему скажу, типа сегодня в «Камере» глушняк, у тебя перебои там с поставками или еще чего, пусть придет нарвется.

– Нет, – отрезал Вардан, – Это тупая мысль.

– Почему?!

– Потому что.

– Да нормальная мысль! Гениальная, я бы даже сказал.

Выпишут ему предупреждение, люлей раздадут в колледже, он обделается по полной программе, и вот тебе минус конкурент.

– Нет.

– Ты что, шибко благородный что ли?

– Да при чем тут? – Возмутился Вардан, – Стратег хренов... А Эдгар, – протянул он, снова погружаясь в созерцание смирительной рубашки Гудини, – делает копейки. На крохах никому не нужного дерьма. И сам скуривает половину. А первое правило адекватного человека – Don't get high on your own supply.

Макс пожал плечами. По дороге домой он упрямо мотнул головой и вернулся к своему коварному плану. Мы сидели на втором этаже автобуса, задрав ноги на спинки кресел впереди и крутили косяки.

– Я все-таки скажу Эдгару.

– Да зачем?!

– Выпендривается больно много.

– Может не надо?

– Надо, Федя, надо.

Я колебалась до последнего. Эдгар мне не нравился, и хорошенько проучить его не казалось такой уж плохой идеей. Да и подставлять перед Варданом доверившегося мне Макса не хотелось. Только поздно вечером, когда свита в полном составе – все без единого грамма запрещенных веществ – расселась на скамейках напротив «Камеры», с любопытством наблюдая за шныряющими тут и там терьерами, я решилась рассказать Вардану о выходке его предпринимательного шута. Вардан был совершенно не удивлен, только раздосадован.

– Может, пронесет? – Понадеялась я.

Стоило мне договорить, как Эдгар появился из-за угла и едва не вприпрыжку направился в клуб и напрямиком в лапы полиции. Вардан протянул в мою сторону ладонь. Я не поняла.

– Дай телефон.

По памяти набрал номер. Эдгар скрылся в дверях.

– Вали оттуда, – сказал Вардан в трубку, – Пошустрее давай.

Прошла пара секунд и заметно напуганный Эдгар снова показался на улице. Теперь стало отчетливо видно, что в его руке дымится подозрительно длинная самокрутка. Следом неспешно вышагивал полисмен.

– Твою ж мать, – прошептал Вардан.

Эдгар со скучающим видом остановился у входа в паб и

сделал вид, что изучает вывеску. Полицейский неумолимо приближался.

– Выкидывай! – Все так же шепотом посоветовал Вардан.

Эдгару ужасно не хотелось расставаться с косяком. Теперь не оставалось сомнений, что полицейский идет к нему. Мы замерли.

– Выкидывай, идиот, хуже будет!

Эдгар все еще колебался.

– Ну все, теперь уйти по-тихому уже вообще никак, – тоном спортивного комментатора провозгласил Влад.

Эдгар присел на корточки и сделал вид, что завязывает шнурки, точь в точь отлынивающий горе-спортсмен на физкультуре. Когда он распрямился, доблестный представитель закона уже возвышался над ним, приветливо улыбаясь.

Яна охнула и закрыла рот рукой. Их разговор мы слышать не могли, но отчетливо видели, как изображающего возмущение Эдгара вежливо но решительно отконвоировали к стоящей неподалеку машине.

Вардан накинулся на Макса.

– Скажи мне, – сказал он сквозь зубы, – у тебя мозги вообще где?

– Да вот именно там, – съязвил Влад.

Макс приготовился спорить.

– Что такого? Что такого-то?

– А я тебе объясню, что такого. Во-первых, если никого не поймают, облав будет меньше. Раз клуб чистый, но зачем

туда соваться. А теперь они знают, что кто-то там торгует, и будут искать новых, кто появится вместо Эдгара. То бишь нас. Во-вторых, зачем наживать врагов там, где этого можно избежать? Или по-твоему Эдгар не поймет, что ты его подставил?

Макс молчал.

– Меня и так, к твоему сведению, половина Оксфорда терпеть не может. А теперь к ним добавится Эдгар и все его дружбаны. Ради чего, ради сотки в неделю? Я тебя умоляю! Вот уж эпическая победа! Не надо, не надо, не надо лишних врагов наживать. Не надо!

Вардан плюнул и энергично зашагал в сторону дома. Мы смущенно переглянулись.

Тем временем Яна изучала вход в паб, у которого так неудачно пытался притвориться незаметным наш горе-конкурент.

– Народ, – нерешительно позвала она, – Смотрите.

В сточной канаве, закрытой мелкой решеткой, что-то белело. Макс подковырнул грязные прутья и выудил внушительный пакет.

– Ни черта себе, – он облегченно выдохнул, – Да тут целая унция.

– Скинул-таки! – С непритворным уважением воскликнул Влад.

– Умница!

Эдгара отпустили на следующее утро, а мое уважение к

Вардану за этот вечер возросло в разы.

У него был удивительный ум. Ум невероятно одаренного человека, который никогда не читал. Раньше я не встречала ничего подобного. Он говорил горячо и уверенно, иногда слишком, доказывая банальные, порой абсурдные вещи, но с такой оригинальной, дикой, ни на что не похожей аргументацией, что его собеседники, из которых я была далеко не самой начитанной, прислушивались к нему как к остряку и интеллектуалу. Его способ мыслить был необъяснимо живым, и даже когда он, сам того не замечая, почти дословно цитировал писателей и философов, ему удавалось каким-то образом сохранить иллюзию оригинальности. От его рассуждений, как от желез животного, исходил отчетливый запах его личности, его жизни и опыта. Он, правда, часто говорил глупости, но, надо признать, и студенты лучших университетов говорят их не реже.

Во время одной из наших дискуссий я заметила:

– Ты говоришь как Камю.

– Кто? – презрительно переспросил он.

Мы сидели на полу у него дома, на часах начиналась суббота. Позади была рабочая неделя, пятничная давка в пабах и больше косяков, чем я могу вспомнить. Говорили, конечно, о самоубийстве.

Оно занимало в наших обсуждениях важное место, оно было мотивом и рефреном, во многом по моей вине. Я бес-

конечно возвращалась с нему в своих мыслях и, неизбежно, в наших разговорах. С любым другим человеком подобная настойчивость была бы провокацией. Попробуй обсуди с другом вполне приземленную возможность собственного самоубийства. Подозрительность, сочувствие, ирония, в лучшем случае – насмешливость к тому, что кажется уловкой для привлечения внимания, в худшем: обвинения в трусости и «подумай о близких». Вардану было совершенно безразлично, и это делало его самым рассудительным из моих знакомых. И в то же время я чувствовала, что он один воспринимает меня всерьез. Ему одному хватало для этого наглости.

– Я не могу избавиться от ощущения извращенности и ненормальности подобного положения вещей, – монотонно говорила я, глядя в обеззвученный телевизор, – Но проблема в другом: совершенно непонятен желаемый итог. У меня паршивый, злой характер, и я слишком внимательно наблюдала за своей жизнью до этого момента, чтобы сомневаться в том, что произойдет дальше. Я никогда не буду счастлива, потому что за двадцать лет ни разу не была. А дальше что? Дальше хуже.

– Преувеличиваешь, – лениво протянул Вардан, переворачиваясь на живот, – Не двадцать.

Я решила его не слышать.

– А самоубийство – чуть ли не единственная вещь, отношение к которой для меня еще... динамично. Оно не стано-

вится более заманчивым – потому что здесь плюсы и минусы константны – , но более реалистичным, более близким, более объемным и гораздо более понятным. Оно уже не вызывает у меня благоговейного ужаса, или отвращения, я рассматриваю его как... вариант. Сложный, но такой же годный, как любой другой. Важный, но помысливаемый жизненный выбор. Где-то между получением водительских прав и обращением к психиатру.

– В Англии?

– Что?

– К психиатру пойдешь? Потому что если да, я тебе скажу, какое лекарство просить. Загуляем...

Мы истерично расхохотались.

– Нет, ты все-таки дослушай, – сказала я, отдышавшись.

Вардан, вертевший в пальцах самокрутку, чтобы примять в ней табак, поднял на меня свои черные отекающие глаза. Я набрала побольше воздуха.

– Возможность смерти когда захочу и как захочу – это, единственное, придает мне сил. Последнее время так мало что в моей голове находится под контролем, что приятно осознавать, что бессилие тоже конечно. Но зато есть и обратная сторона. Я так жду... так жду ничего, что, если задумаюсь слишком пристально, меня начинает тянуть туда, прямо физически тянуть.

Вардан моргнул.

– Какой-то странный транс. И столько стыда, глубокого,

черного стыда, и еще больше страха, не перед смертью, в том и фишка, а перед отсутствием страха перед ней. Всё – так сложно. А тут: если и не понятно, то как-то... гармонично, что ли. И от этого тоже тошно и гадливо, и опять страшно...

Вардан аккуратно облизывал край косяка.

– Спасибо за внимание, – обиженно закончила я.

– Убить себя – это признать...

– Поражение? Фи.

– Не заканчивай за меня! – злобным шепотом прошипел

Вардан, – Не поражение, а что жизнь не стоит жизни. Парадокс.

– Ты говоришь как Камю.

– Кто? – увидев, что я открываю рот, чтобы объяснить, он поспешно сказал, – Да, да, неважно. Суть такая. Ты говоришь: жизнь не стоит того, чтобы жить. С точки зрения здравого смысла – и любой религии – этот аргумент – дерьмо, потому что иначе жизни бы не было. Откуда она ни взялась – из эволюции или из бога.

– Жизнь в целом – вероятно. Но моя жизнь – это симбиоз Жизни и моей собственной личности. Жизнь в целом – это прекрасно. Нельзя ненавидеть мир, я и не ненавижу. Я себя что-то не очень люблю.

– А какого это хрена, интересно, твоя личность – это не часть мира?

– А?

– Тебе не кажется, что любить мир и ненавидеть себя –

это парадокс?! Или мир – отдельно, а ты – отдельно?! И это у меня еще самомнение, ха!

– Я – это, конечно, часть мира, но еще и часть своих предков, и своих родителей, и своей школы, и своей компании... Я вообще много чего часть.

– А они типа – не часть мира?

– Есть же тупиковые ветви эволюции. И вообще, мы подразумеваем под миром разные вещи.

– Ах вот оно что. Я подразумеваю всё.

– А я имею в виду некую сущность сверху всего.

– И в чем принципиальная разница?

Я замялась. Вардан постукивал пяточкой сигареты по ладони, чтобы лучше распределить табак и траву.

– Седьмой, – выразительно сказал он, глядя на косяк, – И я очень надеюсь, что ты, наконец, заткнешься.

Щелкнула зажигалка и поднялся язычок голубого пламени. Там, где он касался бумаги, голубой и белый сливались в теплый оранжевый.

Затыкаться с не собиралась.

– А еще меня злит, как много в моем окружении воинствующих атеистов. Они все носятся как ужаленные, кричат на каждом углу о коррупции в церкви, об абсурдности таинств, о бессмысленности Бога...

– А тебе не кажется, что ненависть к религии – это закономерная реакция авторитарного общества? Вас настолько достают правители на земле, что иметь еще и небесных...

– Общество в России? Патриархальное, сексистское, агрессивное – вероятно. Но авторитарное? Ты преувеличиваешь.

– Наши СМИ утверждают, что еще какое авторитарное.

– А наши СМИ утверждают, что у вас американцев нет души. Откуда тебе знать, ты в России десять лет не был.

Он задумался. «Один-один», – с удовольствием отметила я.

– Контроль, – наконец произнес Вардан, – Любая душевная боль – вообще, любая боль – это неправильное сочетание страха и контроля. Слишком много одного и слишком мало другого. Или наоборот, – закончил он, поднявшись на четвереньки и с трудом заползая на стул. Он старался не подниматься в рост без крайней необходимости, – У нас у всех много страха и много контроля. А все, что нужно, чтобы быть настоящим фокусником – правильный баланс.

– Ой, не смейся, – я чувствовала необходимость противоречить.

– Все очень просто. Есть страх – всегда. Все великие фокусы устроены на страхе, страхе исчезнуть без следа, страхе ничего не понять, страхе понять слишком много, страхе, что произойдет что-то, что не должно произойти. А в жизни всегда происходит именно то, что не должно происходить. Поэтому что жизнь, что фокус – неважно. Если нет контроля – ты как слепой котенок бродишь, шарахаясь от теней, ты лежишь под жизнью, под гнетом своего сознания, под игом

своего я, и умоляешь, задрав кверху лапы – не бейте меня. Ты роняешь карты, ты путаешь шляпы с зайцами, ты знаешь, где подвох – по правде сказать, ты знаешь, что подвох везде – и не можешь этого скрыть. Ни от аудитории – что делает тебя хреновым фокусником, ни от себя – что делает тебя жалким человеком.

Я с тоской понимала, что он мне нравится, нравится именно из-за той власти, которой он обладал над людьми. Его наркотики, его молчаливость, его перепады настроения – все это служило созданию образа, который мне так нравился и который теперь, от этих объяснений, угрожал рассыпаться на глазах. Он говорил что-то беспредельно глупое.

– Это если нет контроля. А что если нет страха?

– А если нет страха, то одно из двух. Первый вариант – ты идиот. Или торчок. Или офисный работник. Или самоубийца – это все одно и то же. Второй вариант – ты все такой же плохой фокусник. Если у тебя нет страха – как ты увидишь его в других? Как ты будешь знать, на чем играть? Как ты будешь знать, чем жонглировать? Где ты возьмешь желание жить, желание действовать, где ты возьмешь волю, и вдохновение, и наглость, если у тебя нет страха?

Это все глупо, мысленно возмущалась я, нельзя все на свете объяснять так просто. Я умнее его, думала я грустно, образованнее, веселее, нормальнее. В конечном итоге буду, наверное, богаче. Физически он не намного сильнее меня. Нет ничего, тревожно и быстро скакало у меня в голове, нет

ничего, что бы оправдало его. Он весь – фокусы и иллюзии, дым и зеркала.

– Может, заткнешься уже? – спросил Вардан. Только тут я поняла, что все это время говорила без умолку.

– Выдохни, – повторил он, – И заткнись, пожалуйста. В ушах звенит.

– А с каких это пор ты мне указываешь? – краем глаза я заметила, что Вардан снял и крутит на столе своей ониксовое кольцо, – Что, нервы? Я даже родителей не слушаю. Давай еще по косяку и спать? А то завтра...

Вардан размахнулся и ударил меня по щеке открытой ладонью.

Я была до того ошарашена, что даже не отдёрнулась.

В сознание, как испуганные птицы, кинулись мысли, все, сразу, и очень быстро.

Он рехнулся? была первой. Сразу за ней: Я брежу?

Не видит ли кто?

Мне больно?

Обидно?

Страшно?

Что теперь делать?

Он всерьез?

Что за бред? Я выгляжу как полная дура.

Я отмахивалась от них всех. Потом мысли ушли, осталась одна: меня ни разу не били. Никто. Никогда. Потом и она пропала. Вардан ударил неудачно, чуть слишком снизу. От

неожиданности я прикусила себе щеку, и теперь она болела остро и гадко. Во рту было сухо, горячо и кроваво. Но – против своих собственных ожиданий – я молчала.

– Все очень просто, – тихо и веско сказал Вардан, – Страх и контроль. Дым и зеркала. Не надо недооценивать иллюзии, не надо недооценивать ожидания, делай что хочешь и молись, чтобы быть единственным, кто знает себя.

Мы снова помолчали.

– Чем чаще я смотрю на часы, тем сильнее хочется спать, – задумчиво и вымученно заметил Вардан.

Я с трудом поднялась на ноги. Все тело было невыносимо тяжелым и ныло, как натянутая струна. Даже в душе отдавалось что-то скрипичное, тоскливо-напряженное. Я молча вышла и спустилась по лестнице, обращая какое-то болезненное внимание на звук собственных шагов в мглистой влажности подъезда. Как всегда моросил дождь. Я поехала домой.

Жизнь постепенно входила в привычную колею. По утрам я училась, а по вечерам крутилась на кухне, помогая Макс и Владу создавать радостный ажиотаж, или сидела у Вардана в почти непрерывном молчании, пока он разгадывал свои головоломки, варил шоколад или полулежал на подоконнике в кажущейся прострации, лениво переводя свои блестящие черные глаза с одного прохожего на другого.

Неожиданно настала зима. Она чувствовалась везде, в разреженном холодном воздухе, высоком сером небе и бес-

сильно струящемся через облака вылинявшем свете. Моим любимым временем стала дорога домой. Темный, сонный, влажно-глянцевый Оксфорд, пустой вечерний автобус, ветреные ночи и белесые дни, все похожие один на другой, неизменный запах марихуаны и жареной картошки, мандариновые пятна фонарей на мокрых плитах домов и тротуаров, мое окно с цветастыми занавесками. Долгие отрезки тишины и люди, все различия между которыми стерла ночь. Общее для всех, единственное оставшееся желание попасть домой. Блики проносащихся фар, опущенные головы, натянутые капюшоны, скупые движения уставших.

Часто я сталкивалась со знакомыми, или с теми, кого встречала на кухне Вардана. Почти все и почти всегда были пьяны. Обыкновенно мы доходили до закрывающегося уже паба, но, поскольку выпивать больше никого не тянуло, просто покупали сигареты и садились у заправки на самом ветру. Я так привыкла к постоянному молчанию, что теперь сама с недоумением смотрела на людей, которые порывались со мной заговорить. Я перестала запоминать их имена и истории.

Все говорили об одном и том же. О том, что настала зима. Об одиночестве, о бессилии, о безнадежности обретения надежды.

– Вчера была осень, а сегодня уже зима, – сказал Чингиз, теперь тихий и злой, непрерывно кашляя, – Дело в зимней определенности. Осень – это еще хоть что-то, зима – это все.

Приехали.

– Вчера даже холоднее было, – возразил Влад.

– Ну и что? – Огрызнулся Чингиз, – Вчера была осень, а сегодня уже зима.

– Зима – это ночь года. А ночь – это то, что накапливается в нас за день. И потом прорывается, когда нет больше сил терпеть, и тогда настает ночь. Рано утром ночи мало, ее почти не видно, а потом становится все больше и больше, и наконец она заполняет все, всюду проливается...

Макс фыркнул. Проследил за парочкой, появившейся из дверей туалета на заправке.

– Интересно, они там трахались или ширялись?

– Макс!

– Что?!

6. «Стоунхендж»

Через улицу Корнмаркет протянули гирлянды в виде снежинок и велосипедов. Ночь огней, в которую мэр должен был торжественно зажечь рождественские украшения, ожидалась в первую субботу декабря.

За ночь выпал снег. Правда, немного, по северным меркам, но достаточно, чтобы ввергнуть англичан в состояние паники, в котором они не чистили дороги и не выпускали детей из дома.

Влад и Вардан уехали в Лондон за теплой одеждой. («Ну шо за?..» – сокрушался Влад, чавкая талым снегом в тонких дермантиновых ботинках, – «Не, мне в натуре подзатариться надыть»). Макс пропал где-то в лихорадочной тревоге, которая нападала на него с приближением конца семестра, переписывал пропущенные лекции и ругался с преподавателями, которые все как один сулили ему недопуск.

Я сидела у окна и любовалась на снег. Темнеть стало совсем рано, сумеречная дымка опускалась на город уже к двум-трем часам, а к четырем Оксфорд погружался в непроглядную туманную темноту. Ветра не было, выпавший снег тут же таял, снова ложился, опять таял, и улицы были похожи на ледяной хамам.

Дерево, чье преобразование я готовилась наблюдать в сентябре, теперь уже больше месяца стояло совершенно голое,

нервно и чувственно покачивая ветвями, и никакой особенной тоски, впрочем, не вызывая. На что действительно было печально смотреть, так это на судьбу фанерного домика, выставленного моими соседями через дорогу на свою невысокую кирпичную оградку. Это было, видно, произведение кого-то из младших членов семьи: выпиленное лобзиком и старательно сколоченное фигурными гвоздиками здание, которое теперь было изгнано во двор с пришпиленной на крыше запиской. На ней значилось: «Free. Please take.»

Домик был вполне хорош, и мог бы послужить замечательным убежищем для кукол, но у меня кукол не было, а дочку людей, у которых я снимала комнату, он, кажется, не интересовал.

Сначала его загадили птицы. Затем фанера взбухла и искаржилась от влажности, и вместо пряничного домика стал больше похож на блинный. Потихоньку дерево начало гнить, под крышей и у стен появились черные подтеки, выжженная резьба расплылась и побурела. Как-то утром я увидела, что из унылого жилища выскочила на свет заспанная белка. К вечеру прежде отполированная фанера была сплошь покрыта следами крохотных коготков.

Теперь домик засыпало снегом по самую кровлю, и я была этому рада: холод и пушистая белая упаковка могли спасти его от дальнейших надруганий.

Неестественно громко зазвонил телефон.

– Привет, – обеспокоенно сказал Янин голос, – Ты мо-

жешь сейчас приехать в город?

– Что-то случилось?

– Ну ты можешь?

– Могу.

– Тогда приезжай, я там расскажу.

Против своего желания обеспокоенная Яниным звонком (мало ли что могло произойти с ней или с ребятами), я быстро собралась и выбежала на заснеженную улицу как была, в теплом свитере и клетчатых пижамных штанах.

Было влажно и непривычно холодно. По щиколотку проваливаясь с жидкую снежную кашу я кое-как доковыляла до остановки. Англичане не убирали снег с улиц, и лучшим определением происходящему на дорогах было слово “коллапс”. Автобуса пришлось ждать целую вечность. Когда он наконец подъехал, под завязку набитый собиравшимся на предрождественскую процессию народом, мне еле-еле удалось втиснуться в празднично наряженную толпу. Окна запотели так плотно, что определить, где мы находились, можно было только по тому, как толпа наклонялась вправо и влево, и вперед и назад, в зависимости от того, поворачивал ли автобус, останавливался или прибавлял ходу. Я с удивлением отметила, что даже вслепую хорошо помню маршрут.

Я вспомнила разговор с Варданом, состоявшийся несколько дней назад.

– У города есть не только свой характер, – задумчиво заметил Вардан, – у него есть своя логика.

Некая причинно-следственная связь пространства и человеческих существований.

– Как тебя не смущает все это? Англия, – спросила я.

– Смущало раньше. А потом она стала моей. И Оксфорд стал моим. Знаешь, когда город становится своим? Когда на каждом логическом пересечении есть ты сам.

– Это как?

– Это просто. Твой город. Всё твоё: дома, магазины, вокзалы. Кто никогда не жил в другой стране, не поймёт. В родном городе ты живешь представлениями о вещах больше, чем данностью. Памятью больше, чем восприятием. Ты знаешь, что ждет за каждым углом, и не только – ты знаешь, что может ждать за каждым углом. Родной город – это я, впитавшееся во все четыре измерения. А когда твоя память становится не нужна, не применима – это называется ностальгия.

– Я замечаю, – отозвалась я, – что нет больше освещений, способных меня удивить. Любая погода, любое время года, любое положение стрелок: ничто не меняет моего сродства с пейзажем.

Я знала, после дождя какой силы образуются лужи, которые было уже не перешагнуть, знала все лоции весенних ручьев, все обыкновенные блики, все возможные эмоции тысяч горожан. Вернее не знала, нет. Это понимание было интуитивным и неосознанным, как ритмичные покачивания людей, на долю секунды предваряющие движения автобуса.

Пробиться к кафе, в котором меня ждала Яна, было це-

лым испытанием. Для парада огней перекрыли все главные улицы, тут и там среди сверкающих бумажных звезд маячили котелки полисменов. Хор мальчиков из ближайшей церкви тянул гимны и колядки, вразнобой кашляя от ледяного воздуха. Мерцали гирлянды и свечи, впереди процессии вышагивали гордые девочки, наряженные снежинками, а за ними спешили мамы, готовые в любой момент подать им теплые куртки и свитера. В сердце парада радостно суетился священник. Он приветствовал толпу, ребячески маша рукой, и помогал то тому, то другому нести тяжелые украшения и еловые ветки.

Обогнать шествие было совершенно невозможно. Пришлось плестись в арьергарде, среди раскрасневшихся от грога бабулек, и терпеливо ждать, пока мэр, тоже подозрительно счастливый, не произнесет пару слов о свете, который дарует нам Рождество в самое темное время года. Поверх голов я смогла разглядеть, как наконец дернули украшенный огромным бантом рубильник, и вся улица засияла голубым, золотым и алым. Толпа захлопала. Снежинки дружным потоком ринулись натягивать шапки.

Яна ждала меня у входа в кафе, судорожно мусоля сигарету и подергивая ногой. Она была обута в что-то совершенно невообразимое, напоминающее одновременно клешню кальмара и покосившуюся романскую арку.

– Скажи?! – Первым делом поинтересовалась она, выставляя вперед ногу.

– Ух ты... – протянула я.

Туфли были безусловно шикарные, хотя и уродливые сверх меры.

– МакКвин! – Гордо проинформировала Яна.

– Ты это показать меня позвала? – Спросила я, несколько раздраженная долгой дорогой и промедлением, которое вызвала процессия.

– Нет конечно, – отозвалась Яна, враз мрачней, – Я о Владе хотела поговорить. Ты ж вроде психолог наш.

– Н-да?

– Он меня бросил, наверное.

Я сочувственно охнула.

– Наверное?

– Ну... Вроде как бросил, а вроде как и нет.

– Это как?

Яна вздохнула и начала объяснять.

– Ну мы с Владиком уже полтора года встречаемся, так? Ну и он, – она запнулась, – ревнует очень сильно.

– Это логично с его стороны.

– Нет! Вообще не логично, правда! Как тебе объяснить-то... Он думает, что я со всеми заигрываю... ну я же заигрываю бывает с кем-то, да? Ну вот он думает, что это потому, что я его не люблю! – Тон Яны был одновременно пораженным и обеспокоенным.

– Это логично.

– Но я же его люблю! Я боюсь оставаться одна! Я же не

умею без него жить! Он же вся моя жизнь! Как я без него буду?! – Из ее глаз покатались слёзы. Она сморщилась и захныкала.

Мне пришлось несколько минут гладить ее по плечу, прежде чем она снова смогла говорить.

– Как мне вернуть его, а?

– А как вообще получилось так, что вы расстались?

Яна уже в открытую рыдала. На нас начали поглядывать.

– Он подумал... Он подумал, что я... а-а... что я целовалась с, с, с Чингизо-ом...

– А ты целовалась с Чингизом? – Уточнила я.

Оказалось, не зря уточнила.

– Ну немножко-о... – нехотя признала Яна.

– Это как так?! При Владе, что ли?!

– Не-ет... Ему кто-то рассказал, наверное... Наверное, Макс! – Злобно и уверенно предположила Яна.

– Ты целовалась с Чингизом при Максе? – Не поверила я своим ушам, – Да ты что, совсем, что ли, с ума сошла?!

– Ну я же не знала-а...

Господи, подумала я, ну как можно жить такой дурочкой?!

– Что сказал Влад?

– Он сказал, что ему нужно, чтобы я решила, или он для меня единственный, или пусть я выметаюсь...

– А он знает, что ты спишь направо и налево?

– Я не сплю направо и налево!

– Хорошо, он знает, что бывает, что ты ему изменяешь?

– Я ему не изменяю!! Он для меня единственны-ы-ый...

У-у... А остальные это так...

– Что так?

– Ну та-ак... Как мне его вернуть?!

Я вздохнула и задумалась. Влад был влюблен в Яну до беспамятства, это знал весь город.

– Извинись? Скажи, что ты любишь его одного?

– Я уже говори-ила...

– А он?

– Он сказал, что не хочет меня виде-еть... И уеха-ал... В Лондон... – Яна вытерла слезы рукавом, – А пойдём дунем? Пока ребят нет?

Мне эта мысль показалась многообещающей.

– А у тебя есть?

Яна приоткрыла сумку и продемонстрировала мне содержимое внутреннего кармана. Там лежали несколько готовых косяков, и пакетик, который, по моей прикидке, тянул по меньшей мере грамм на десять.

– Окей, – с облегчением согласилась я, – Пошли.

– Куда пойдём? В «Стоунхендж»?

«Стоунхенджем» называлась круглая площадка чуть в стороне от Карфакса, засыпанная пыльным гравием и поросшая колючками и мелкими колокольчиками. Их и теперь можно было разглядеть среди снега: понурые обледенело-сизые головки не успевших спрятаться цветов. По периметру

этого круга располагались семь или восемь гранитных блоков, создавая стилизованный амфитеатр из мощных и неизменно мокрых скамеек. Они-то, напоминая своей бессмысленной монолитностью древние дольмены, и дали скверу его прозвище.

С двух сторон «Стоунхендж» укрывали от ветра и взгляда стены громадной многоэтажной парковки. Софиты, установленные на ее крыше, служили заодно и основным источником света. Еще с одной стороны сквер был обсажен густыми и высокими кустами остролиста, а с четвертой тянулась узкая скользкая тропинка, и за ней – канава. Сразу на канавой начиналась череда загадочных и неизменно запертых кирпичных строений – то ли электрических будок, то ли городских сараев, то ли гаражей.

Таким образом увидеть, что происходило внутри, было невозможно, если только не забраться на высоченную парковку и не выглянуть вниз, перегнувшись через перила. Это мало кому, кроме охранников стоянки, могло прийти в голову, а доблестные сторожа обычно рано ложились спать, поэтому “Стоунхендж”, если в нем особенно не шуметь, считался одним из самых безопасных и удобных мест Оксфорда для торговли наркотиками.

С наступлением темноты туда начинал стекаться народ. Сначала постепенно и как будто бы случайно. Присаживались на гранитную плиту, закуривали сигарету и делали вид, что изучают колокольчики. По мере того, как вечер перете-

кал в ночь, и улицы пустели, в “Стоунхендже” становилось многолюдно, крикливо и весело. Уже почти не прятались, а кое-кто особенно наглый, вроде Чингиза, любил приходить с огромным строительным фонарем, к которому тут же слетались бледные и мохнатые ночные мотыльки. Другие подсвечивали сделки телефонами, зажигалками, а то и фосфоресцирующими браслетами из ближайшего клуба.

В занятые ночи, по вторникам и пятницам, на каждую плиту приходилось по два-три мелких торговца, которых называли толкачами, копируя английское pusher. Получалась своеобразная ярмарка, где вместе с вещами в продаже иногда появлялись телефоны, цепочки, фирменные кошельки и прочий краденый хлам. Правда, большинство толкачей все же считали воровство ниже своего достоинства, и особой популярностью побрякушки не пользовались.

Как-то Эдгар даже притащил туда кальян. Кальян купили на четвертую ночь за семь фунтов – втрое меньше, чем он получил бы у индийцев. Зато Эдгара все запомнили как “парня с кальяном”, что он счел наикрутейшей маркетинговой победой.

Продавали почти все, кроме самого тяжелого и самого дорогого. У каждого была своя тактика: кто-то бессовестно завышал цены, направляя покупателей к соседу, и получал за это от того секретный процент. Те, кто собирались уезжать, или, испугавшись облав, хотели скинуть большую часть товара, распродавали его скандально дешево, подрывая таким

образом весь шаткий рыночный баланс. Поэтому подставлять друг друга было невыгодно и не принято. Особой вражды между конкурентами не было.

Все собиравшиеся в легендарном сквере бизнесмены условно делились на «травников», «химиков» и «медиков». Медики воровали рецептурные лекарства из аптек и больниц. Среди врачей, конечно, таких хитрецов находилось мало – слишком высоки для них были риски. Но в Оксфорде базировались, помимо государственной системы здравоохранения, несколько добровольческих медицинских организаций, которые впускали в свои ряды почти всех желающих. Стоило всего лишь проработать там, не вызывая подозрений, пару лет, чтобы получить допуск к «интересным» веществам вроде мощных седативных, антидепрессантов, антипсихотиков... Сиделки, предоставляемые с отличными рекомендациями такими компаниями, частенько воровали у своих пациентов обезболивающие «третьей ступени» – то есть основанные на морфии – и прочие недоступные простым смертным препараты.

Людей, специализировавшихся на «химии» – искусственных психоделиках типа экстази, амфетаминов или кислоты – было мало. Сказывалась мода: век клубов и рейвов неумолимо отдалялся, расширение сознания ни во что хорошее для большинства экспериментаторов не вылилось, а производить большую часть подобных продуктов было сложно, дорого, и попросту опасно.

«Травников» было больше всего. Они делились на гроверов – тех, кто сам растил, собирал и сушил марихуану – и посредников, обычно получавших товар от каких-нибудь больших шишек в Лондоне или Бирмингеме. У последних братья было дешевле, но по-своему неприятно. Они мешали траву со спайсом, табаком или даже чаем, от чего цена падала почти вдвое, а приход становился порой даже интенсивнее, но вот голова на следующее утро болела убийственно, а постоянных их клиентов мучал удушливый кашель, головокружения и тревога.

Из гроверов самым известным был англичанин с испанскими корнями, по имени Алекс Мэнди, и по прозвищу Черника. Черникой его звали за то, что он растил особенный, изысканный сорт, Blueberry Haze, который оставлял во рту вкус черничного варенья.

– Не... – лениво протянула я в ответ на Янино предложение, – В «Стоунхендже» сейчас холодно...

– Пойдем хотя бы заглянем?

Я пожала плечами.

Зимние гуляния захватили весь город. Всё кругом светилось и переливалось, студенты с бутылками сидра, запрятанного в бумажные пакеты, покачиваясь, лениво передвигались от одного праздничного ларька к другому, выбирая пахучие свечи и украшения из серебряной проволоки.

Когда нам наконец удалось пробиться к «Стоунхенджу», на гранитных плитах оказалась целая толпа посетителей, по

большей части китайцев.

Китайцы были необычным народом, который даже в условиях вынужденного соседства всегда держался особняком. У них были свои торгаши, своя трава, отличавшаяся от нашей, и свои правила поведения. С ними, несколько смущенный, сидел Чингиз, и еще один парень, которого я не знала.

Мы вежливо поприветствовали их и уселись в стороне. Закурили. Один из китайцев поднялся со своего места и подошел к нам.

– Привет, девчонки, – его голос расслабленно плыл и прерывался в соответствии со скакавшими мыслями обладателя, – Давайте к нам?

– Нет, спасибо, – отозвалась я.

– К кому это к вам? – Спросила Яна.

– Меня зовут Боб, – с готовностью откликнулся ободренный китаец, – Это мои друзья, Ян, Джо и Ник.

Все китайцы в Оксфорде брали себе европейские имена, выбирая наиболее созвучные родным, чтобы облегчить общение. Это было разумно.

– А этот чувак, я думаю, русский – добавил китаец, подозрительно поглядывая на Чингиза.

– Привет, Боб, – улыбнулась моя легкомысленная спутница.

– Яна! – Возмутилась я.

– Ну лучше же с ними, чем вдвоем сидеть? – Шикнула на меня рыжая бестия.

Я неохотно прошла за ней несколько метров, разделявших наши тумбы, и плюхнулась рядом с незнакомым русским на обледеневший гранит.

– Привет, – тут же сказал парень по-русски.

– Привет, – сказала я, краем глаза отмечая, что Яна уже всю хлопает ресницами, обсуждая с Чингизом рождественскую церемонию.

– Меня Петр зовут, – представился тот, – Я из Уфы. А ты?

– А я Ася. Москва.

– Ишь, Москва!

– Да, Москва, – неприветливо подтвердила я, – Вы чье дуете?

– Китайцы угостили! Крутая у них шмаль!

– Да?

– Да ваще! В сто раз сильнее нашей! Погоди, я тебе достану, – с этими словами Петя вскочил и направился к Бобу.

После полуминуты ожесточенной жестикуляции Боб сам подошел ко мне и спросил:

– Будешь с нами дуть?

– А у вас что?

– Мощнейшее из возможного!

– Ну давай.

Китайцы, непонятно лопоча, толпой раскурили громадный косяк, и стали передавать его по кругу.

– Давайте играть, – сказал Боб.

– Во что?

– В паровоз. Смотрите. Я затягиваюсь, передаю этому, – он указал на Чингиза, – он затягивается, и пока он не передаст ей, – «ей» была Яна, – я не могу выдохнуть. А он не может выдохнуть, пока она не передаст косяк дальше. Понятно?

– Это «армейка» называется, – прошептал мне на ухо Петя.

– Я ни разу так не делала! – Воскликнула Яна.

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – ухмыльнулся Чингиз.

– Ну давайте?

– Ну давайте.

Когда косяк дошел до меня, я была уже вовсе не уверена, что «армейка» была здоровой затеей. Но я все же глубоко затянулась, и честно задержала дыхание, пока сидевший слева от меня Леша не передал косяк одному из китайцев. Выпуская едкий дым из легких, я надсадно закашлялась. Травя действительно была непривычно едкая, крепкая, горькая. Это было что-то новое. Все внутри чесалось и свербило, голова нещадно кружилась. Почему-то закладывало уши.

– Ну как? – Спросил Петя, – приобнимая меня за плечи.

– Неслабо.

Косяка хватило круга на четыре. К третьему болтовня угасла. На четвертом начались смешки.

– Твою мать... – только и мог пролепетать Чингиз между приступами удушающего хохота, – Это ж нихера себе...

– Давайте еще! – Пыжился криво стоящий на ногах кита-

ещ, – А то что-то не взяло.

– Маньчжурия – это в Китае? – Спросила я его.

– Чего?

– Ну на сопках там...

– Чего?

– Ой... – мне было непередаваемо лень объяснять, – Ну Мань-чжу-у-ри-я? – Повторила я по-русски.

– Чего? – переспросил китаец, заливаясь неистовым смехом. Он всхрюкивал и трясся, на глазах проступили слёзы.

– Твою мать... – только и мог прошептать рядом со мной Петя, склоняясь до земли в приступе ржания.

Наш дружный хохот отдавался по всей многоэтажной парковке. Я смеялась взвизгивая и плача, было сложно дышать. Самое страшное происходило во рту. Интересно, – думала я, параллельно с неостановимым смехом, – если мне станет совсем плохо, что делать?

Надо подумать еще раз, о чем я думала?.. Я не могла вспомнить, что происходило в моей голове секунду назад. Все было медленно и вязко, как тягучий басистый голос из замедленной диктофонной записи. Почему-то было очень жаль тюленей.

Остается только ждать, когда меня отпустит, – смиряясь, решила я, – Не впадать же, в самом деле, в панику.

– Менты! Менты идут! – Завопил один из китайцев, ломанувшись в кусты.

– Какие менты, дебил?! Это люди просто.

Диалог вызвал очередной приступ смеха, затянувшийся на несколько минут. К концу его мы все забыли, над чем смеялись, и продолжали трястись просто по инерции.

– Твою ж мать... – продолжал отчаянно ругаться Чингиз, – Ух твою же ж мать...

– Что-то холодно, – выговорил наконец Петя, покатываясь в истерике.

– Дико холодно, – согласилась Яна.

Китайцы рядом давились и гоготали о своем, перекидываясь редкими репликами, которых мы не понимали.

– Пошли куда-нибудь?

– Так нас не пустят никуда, – резонно заметил Чингиз сквозь слезы.

– Пошли ко мне?

– У тебя соседка.

– О, пошли к Владу! – Решила Яна, – У меня есть ключ!

– Что, реально?

– Реально. Только ехать... Долго...

– А я накурился под завязку, – ни к селу ни к городу заявил Петя.

Я не помню ни как мы мы дошли до остановки, ни как сели в автобус. Сознание снова проклюнулось по дороге, когда Яна больно стукнула меня по ноге.

– Прекрати ржать!

– Я не ржу... – сказала я, краем рассудка отмечая, что очень даже ржу.

Автобус поворачивал в один из пригородов Оксфорда.

– Заткнитесь! – Шипели нам с Чингизом Яна и Петя.

– Я не могу... – простионала я, продолжая заливаться.

Я подняла глаза. На нас тарачился весь ночной автобус.

– Вы что, охренели?! Нас заберут сейчас!

Рядом со мной Чингиз закрывал лицо и чуть не плакал, стараясь сдержать смех.

– Ну в натуре! – Нервничала напуганная Яна, – А вдруг менты?

– Мадам, это измена.

– Сам ты измена, мужик-дурак вшивый! – Завопила Яна на весь автобус.

– Э, ну матом-то зачем? – Обиделся Чингиз.

– А что вы тупые такие?! – Продолжала кричать Яна.

Я снова провалилась в свои мысли, а вынырнув, обнаружила, что рядом никого нет.

– Эй! – Вопили они мне откуда-то издалека, – Ася, давай к нам!

Я огляделась. Мы сидели в самом конце, и, чтобы спуститься, нужно было пройти половину салона, лавируя между рядами кресел. Голоса доносились от выхода.

Я встала и начала путь.

– Давай, Ася, ты сможешь! – Орали от дверей, – Мы верим в тебя!

Автобус стоял, терпеливо ожидая, когда мы соблаговолим слезть. Я сделала шаг. О Боже, там была ступенька. На меня с

ожиданием устали все пассажиры. Кто-то качал головой, многие смеялись.

– Давай! Немного осталось!

Я потеряла равновесие и врезалась в кресло. На мое счастье, в нем оказался доброжелательный молодой англичанин. Он показал мне оттопыренный большой палец и, взяв за плечи, развернул к выходу. Я снова пошла вперед. От сознания всей абсурдности ситуации меня разбирал хохот. Каждые пару шагов я останавливалась, чтобы вдоволь отсмеяться, прежде чем продолжить путь.

– Ася! Мы здесь! Иди к нам! – что есть мочи голосил Чингиз.

Наконец я была у дверей. С невероятным облегчением оставляя позади смешки и советы обитателей ночного автобуса, я выпала в грязную снежную лужу.

Еще с полчаса ушло на обсуждение моего приключения.

– Почему вы мне не сказали?! – возмущалась я.

– Что?!

– Что вы выходите!

– Так мы пытались!

Наконец, мы были у Влада дома. Я успела заметить, что там все было синее: ковер, обои, занавески. Мы упали на спины поперек односпальной кровати – Яна ближе всех к окну и изголовью, Чингиз рядом с ней, дальше Петя, и, у самого изножья, я. Комната Влада располагалась на первом этаже, и в большое окно можно было наблюдать любопытное

зрелище. Подсвеченный фонарем снег как раз на уровне нашего взгляда таял, и продолжал свой путь до земли уже в виде дождевых капель. Они стучали по карнизу и клумбам снаружи. Какое-то время я рассматривала их, погруженная в свои мысли. Снова придя в себя, я обнаружила, что Чингиз и Яна бесстыдно и горячо целуются.

– Ну? – Как могла громко подумала я, обращаясь к Пете, – И?

Спустя приблизительно вечность он меня услышал, и, поёрзав на иссиня-сером покрывале, вытянул руку, так, что она как будто бы случайно оказалась на моем плече.

– Ну вот, – мысленно одобрила я, – другое дело.

Все эти мимолетные «отношения», завязывающиеся под травой, безразлично рассуждала я, пока теплый и насквозь пропахший косяками Петя целовал мою шею и грудь, это все бессмысленно и смешно, и напоминает школьные влюбленности, незрячие и бездейственные, как инвалиды, головокружительные в своей однообразности, как будто кто-то размахивает перед глазами пестрой тряпкой. Секс под наркотиками лишен всего ценного, взрослого, чуткого, это сплошная водянистая искрящаяся зыбь впечатлений и недомолвок, и, по большому счету, безразличия. Человек нечеток, преувеличено ярок, раздробленный и искаженный во взгляде через грань хрусталика. Все в детстве любили хрусталики. Мушкины глаза. Расторможенность движений, рассеянность и туманность мыслей, тотальное и категоричное невнимание ни

к чему, кроме себя и своих ощущений – это все на любителя. Муть, рябь, рассыпающаяся мозаика.

Я так и не смогла вспомнить, и так и не могу, чем закончились наши с Петей судороги на кровати. Яна и Чингиз сонно сношались в паре футов от нас, в комнате концентрированно и головокружительно пахло марихуаной, влажной землей, чем-то гнилым и сладким. Мягкая Петина рука беспощадно потела, на подоконник капало, перед глазами плыла зелень и синь, круги и квадраты.

Я проснулась от многоэтажного мата. На пороге стоял Влад.

– Вот мы попали, – успела подумать я, прежде чем Яна, стремительно вскочив, не утянула с собой покрывало, и мы все не грохнулись на пол.

Чингиз продирает глаза. До него, кажется, только начинало доходить, что он стоит перед нами совершенно голый и ослепший от внезапного пробуждения, и нещадно трет кулаками красные веки и опухшее лицо. Петя на четвереньках отполз к окну и там тихонько поднялся на ноги, всем своим видом выражая совершенную непричастность к происходящему.

– Это что за?.. – Спросил Влад вполголоса.

Яна молчала.

То, что говорил Влад, было не просто непечатно, это было в пять, десять, сто раз сильнее и выразительней, чем «непечатно». Первой цензурной фразой, слетевшей с его уст, бы-

ло:

– Да вы все... Да чтоб я... Ах ты...

И он продолжил свою матерную тираду.

– Я... – слабо начала Яна.

Первым из комнаты под шумок выскользнул Петя. Ему повезло – он был относительно одет. Забыв сумку и на ходу застегивая брюки, он проскользнул мимо бушевавшего Влада в прихожую. Послышался грохот и скрежет, пока он боролся с входной дверью. Через пару секунд он уже, прихрамывая и пошатываясь, улепетывал в сторону автобусной остановки. Мы с Яной вжались в противоположные стены и благоразумно молчали.

Влад направился к Чингизу.

– Ты шо творишь, сука? – грозно поинтересовался Влад.

– Ты что орешь? – слабо оборонялся Чингиз, – Да ничего не было, да я что, мы дунули с девками, легли спать, что ты орешь?!

– Трындец – одними губами прошептала мне стоящая напротив Яна.

Я вдохновенно закивала. Ситуация становилась все неприятней с каждой секундой.

– Ты какого рожна ко мне в дом этих... – он назвал нас пренеприятным древнерусским словечком – привела?! У тебя вообще совести нет?

Она открыла рот, но Влад не дал ей продолжить.

– Да... трахайся ты с кем душе угодно, меня это вообще

ни в коей мере не... колышет, но чтоб эти... дряни у меня в доме были!.. Это вообще уже... конец!

– Э! – Возмутилась я.

Влад обернулся ко мне, и я тут же пожалела, что издала хоть звук.

– Ты вообще!.. Ты вообще, это без комментариев. Вали отсюда к чертовой матери, давай, иди, гуляй!

Я нервно дернулась, но оставлять Яну в такой щекотливой ситуации мне казалось неблагоприятным.

– Пошли давай, – громко шепнула я в сторону Чингиза.

Тот вытаращился на меня.

– Ну давай, пошли!

– Стоять! – рявкнул Влад.

– Ты что надрываешься? – как могла спокойней выпалила я, – Что такого? Мы дунули вчера, у меня дома соседка, у него – у махнула рукой в сторону Чингиза и вовремя осознала, что понятия не имею, где и с кем он обитает, – у него что-то там тоже... Нам хата была нужна, мы Яну попросили...

Чингиз смотрел на меня круглыми глазами, и, слава Богу, молчал.

– Чо, в натуре? – Обратился Влад к Яне.

Она судорожно кивнула.

– А этот... чувак что здесь делал? Это вообще кто? – Пробурчал Влад, вспоминая о вовремя слившемся Пете.

– Да хрен его знает, – многозначительно и безразлично отозвалась я, – Мы его в «Стоунхендже» встретили вчера, он

нас травой угостил...

Злобная паника Влада, кажется, слегка улеглась, хотя он продолжил кричать по инерции, чтобы сохранить лицо.

– Валите отсюда давайте! – Рыкнул он на нас с Чингизом. Мы как могли быстрее собрали пожитки и вывалились в хрусткий предутренний холод.

– А ты! – снова разбушевался Влад, на тонкой стеной – а ты вообще стыд потеряла? Ты еще из моей комнаты траходром устрой, ага!

Когда мы доплелись до автобусной остановки, на ней все еще стоял Петя. Это был неприятный сюрприз.

– Чуваки... – растерянно протянул он, – Я там сумку забыл... Документы, деньги, всё такое...

Чингиз никак не мог оправиться от неожиданной сцены, и поэтому ответил коротко и откровенно:

– Ты знаешь, меня это ни в коей мере не...

– Нет, я понимаю, – продолжил наш ночной знакомец, – Но мне что, вернуться туда, или как?

– А я как знаю?! – заорал на него Чингиз, – Ты вообще что за хер такой?! Хочешь – возвращайся, не мое дело!

И, закутавшись в пальто, он быстрым шагом удалился в рассветные сумерки. Спустя несколько секунд до меня запоздало дошло, что автобусы в такую рань еще не ходили, и стоять на остановке было бессмысленно. Я кинулась вдогонку. За мною, к моей досаде, ломанулся Петя.

– Ты что за нами ходишь?! – сорвалась я.

– Ты совсем?! Я не за вами, я домой!

Дальше всю дорогу до ближайшего перекрестка мы прошагали молча. Там мы с Чингизом, вся фигура которого, даже его спина, выражали крайнее раздражение, повернули налево, а Петя отправился правее, к центру города.

– Крантец, – отметила я, карабкаясь посреди проезжей части на крутой холм, за которым я жила. Белые линии разметки мелькали под ногами. Стремительно светало.

– Да полный, – согласился Чингиз.

– Влад теперь думает, что я переспала с тобой.

– Ну да.

– Это хреново.

– Почему?

– Потому что он скажет Вардану.

Чингиз закивал. Ему было очень невыгодно злить своего работодателя и поставщика.

– Давай скажем, что никто ни с кем не спал?

– Это неправдоподобно.

Мы вздохнули. Ледяной воздух резал легкие. Нам послышался пронесшийся в паре футов одинокий автомобиль. Мой телефон во второй раз за день напугал меня внезапной и резкой трелью.

– Здравствуйте. Прошу прощения за беспокойство, – произнёс строгий и доброжелательный голос коренной англичанки, – Это?... – она назвала моё полное имя.

– Да, это я.

– Я звоню по поводу Эдгара. Он указал Ваш телефон...

– А-а... – протянула я, – Окей... А что случилось?

– Боюсь, Эдгар попал в дорожное происшествие. Он сейчас в больнице Черчилля, его состояние не опасно, хотя наблюдается перелом правой голени...

Я громко присвистнула.

– Фигасе...

– Вы сможете его забрать?

– Эм... Э... Нет... К сожалению нет, я сейчас не в Оксфорде... Но... эм... я навещу его... Честное слово, – зачем-то добавила я.

На том конце повисла неловкая пауза.

– Не посоветуете, кто бы мог помочь ему добраться до дома?

– Э... – я покосилась на Чингиза и прошептала ему, прикрывая микрофон рукой (непонятно с какой целью, все равно женщина наверняка не знала русского), – Ты не хочешь забрать Эдгара из Черчилля?

– А что с ним?

– Ногу сломал.

Чингиз яростно замотал головой.

– Шесть утра как бы. Спать пора.

– Да, – громко сказала я в трубку, – Да, конечно, наш общий друг эм... Пол... Сейчас... – я на ходу выдумала десять цифр, – вот его номер, я уверена, он сможет помочь...

Женщина на том конце вежливо поблагодарила, и обеща-

ла держать меня в курсе. Мы попрощались. Мне стало стыдно. Я отключила телефон.

На следующий день, как следует выспавшись (уже снова смеркалось), я отправилась навестить Эдгара.

Эдгар обитал в общежитии посреди уютной буковой рощи. После краткого препинания со строгой консьержкой, я поднялась по старой деревянной лестнице на второй этаж и постучала в дверь с крупными черными цифрами 17-1.

– Quien esta ahi?

– Свои.

– Come in!

Я потянула дверь на себя. Она приоткрылась и застряла. Я заметила самодельный железный крючок, одним концом примотанный к ручке, а другим крепящийся к гвоздю на дверном косяке. Скинула его и зашла.

В комнате было на удивление пусто и прохладно. Несколько книг, скейтборд и постер с голыми девушками. Когда я вошла, Эдгар лежал навзничь на кровати и, видимо, был очень далеко.

Я села на стул у окна.

– Что с ногой?

– Авария.

– Тебя сбили?

– Я на велосипеде ехал.

Как я поняла из его путанного рассказа, у Эдгара обнару-

жился перелом со смещением. Ему наложили гипс и позволили вернуться домой. Чтобы избавиться от боли он не переставая ест гашиш (курить в комнате ему невозможно) и валяется на кровати.

Роберто, его сосед, уходя, запирает Эдгара в комнате – очень разумная мера предосторожности, учитывая способность последнего вечно нарываться на неприятности. Эдгар бесился, но никаких попыток побега или бунта пока не предпринимал.

Он показался мне напуганным. Похоже, происшествие произвело на него большее впечатление, чем он хотел признавать.

– Как вообще так получилось?

– Ой... – неохотно начал Эдгар, – Long story.

– Да я вроде не тороплюсь.

– Я на измене был. Конкретной.

– Под травой?

– Не.

Он умолк.

– А под чем?

– Вардан подогнал... MDMA. Ты пробовала?

– Нет.

– Ну очень крутая штука, очень. Ваще столько сил, я чуть в Лондон на велике не рванул.

– Вместо этого попал под машину.

– Ну меня как-то догнало... Я подумал, а чо, интересно же

сдохнуть-то было бы. Новый... это... experience. И так это, – он показал, как крутанул рулем в сторону проезжавшей машины.

– Ты совсем?

– Ну. Я же очень смерти боюсь, – сообщил он как нечто само собой разумеющееся.

– Да?

– Да я всего на свете боюсь, – продолжил он с нервным смешком, – Очень боюсь от рака умереть. Чуть с ума не сошел в том году.

– Почему?

– Я в Санкт-Петербург поехал... К дедушке, он умер уже.

– От рака? – догадалась я.

– Легких.

– Извини.

– Да ничего, он старый был. Но я чуть с ума не сошел. Один, без солнца, без Майорки. Без травы. Так-то дунешь и отпускает. А тут никого не знаю в Питере, где взять – непонятно. Помню очень хорошо – лежу в кровати, смотрю в окно на фонарь, там снег идет, и я так себе отчетливо осознаю, что не доживу до утра.

Я подумала, что тоже, бывает, боюсь не дожить до рассвета. Есть в этом что-то символическое.

– С тех пор очень боюсь.

Я кивнула.

– Даже к психологу ходил.

– И что он?

– Она. Хорошая тётка. Помогла. Только это никому.

– Да, конечно. Извини, что я тебя вчера не забрала. Я накуренная была.

– Да нормально. Я так и понял.

– Как ты добирался?

– Роберто приехал. Матерился как на последнего урода, но приехал. Я совсем в неадеквате был. Рак – это очень страшно.

– Ну да. У меня тоже дедушка умер.

– А, ну тогда ты понимаешь.

– Я маленькая была.

– Болеть вообще очень страшно, – заметил Эдгар, глотая очередную ложку зеленовато-коричневой жижи, – Никакого контроля, все разваливается. Жизнь разваливается.

– Ты зря так боишься.

Эдгар хмыкнул.

– Знаю, что зря. А что делать?

– Чего ты боишься больше всего?

– Сочувствия. Что все будут ходить и ныть. Ой ты беденький, ой ты несчастенький. Родители. Как Вардан поживает? – Неожиданно спросил Эдгар.

– Нормально.

– Вы с ним трахаетесь?

– Нет, – соврала я, – мы друзья.

– Но он хочет тебя трахнуть?

– Не знаю, не думаю.

– Просто странно... Друзья и...

– Ну ты же не хочешь меня трахнуть, – возразила я, пожившись.

– Я другое дело.

– Почему?

– Я слишком ценю дружбу с тобой. И я все-таки думаю, что вы встречаетесь.

– С Варданом... С ним не хочется снять сережки.

– Чиво? – Не понял Эдгар, – Я что-то пропустил?

– Мой бывший, когда мы оставались на ночь вдвоем, всегда просил меня снять все украшения.

– Зачем?

– Вот то-то и оно. Он считал, что если женщина снимает сережки, то она действительно доверяет всему вокруг, доверяет мужчине, и чувствует себя как дома. Это не так далеко от правды, – заметила я, поймав ироничный эдгаров взгляд.

Я вспомнила, какими странными затуманенными глазами тот смотрел, как я снимаю кольца и браслеты. Какой смешной и трогательной казалась мне тогда его манера обращать такое пристальное внимание на то, чего я даже не замечала. В искусственных сумерках задернутых занавесок он мог несколько минут смотреть, как лежит на одеяле моя рука. Таким же потерянным, внимательным взглядом он наблюдал, как я умываюсь, расчёсываюсь, ем.

Когда я не могла заснуть, он рассказывал мне сказки, где

все было значительно, все прекрасно, сотканное из тончайших, насыщенных оттенков алого, золотого, лазури.

– А у той птицы, – говорил он ровным голосом, как будто читал молитву, – крылья были цвета гибискуса, и когда на закате она поднималась в небо, глубокое как море и холодное как земля, целые города замирали в восхищении, потому что им казалось, что далеко вверху рубин слился с сапфиром, как в короне древнейшего из царей.

Иногда он запинался, и тогда я понимала, что он ищет английское слово для того, чего попросту не существовало в их языке.

Тогда мой мир состоял из мелочей. Прекрасных, полнозвучных, пышных мелочей. Теперь все в моем мире было мелочью.

– Эй, ты о чем думаешь? – Спросил Эдгар.

Я моргнула, но видение не пропало. Я вспомнила, как мы катались по полу, кусаясь, царапаясь, не в состоянии отпустить друг друга. От остроты, с какой пульсировала во мне тогда эта высокочастотная энергия, хотелось умереть. Теперь тоже хотелось, но совсем по другим причинам.

– О бывшем, – ответила я.

Трахались ли мы с Варданом? Хороший вопрос. Да. С Варданом мы именно трахались. И, как я ни старалась, я не могла прогнать память о том, как было совсем недавно, как было, когда в моей жизни не было наркотиков, не было ночных странствий по чужим домам, не было Вардана, не было

бессмысленности и отчуждения.

– Алё, – позвал Эдгар.

– С Варданом очень одиноко, – неожиданно для самой себя призналась я, – Очень одиноко. Он и есть одиночество.

Эдгар испуганно глянул на меня.

– Ой, родная, ты только не загоняйся.

7. Ветер дураков

– Пошли в Святую Марию?

Вардан имел в виду большую ухоженную церковь чуть в стороне от нашего привычного компанейского маршрута.

– Зачем?

– Ты не ходишь в церковь?

– Ты ходишь??!

Вардан посмотрел на меня своим вязким и прохладным взглядом.

– Конечно.

Я остолбенела.

– Хорошо. Пошли.

Он узко открыл тяжелую дубовую дверь. На нас налетел пронзительный сквозняк. Внутри никого не было.

Вардан пробежал неф, толкая стулья и спотыкаясь о неровно выложенные плиты с именами старых архидьяконов, добрался до ступеней, ведущих к алтарю, и полу-опустился полу-упал на колени.

Я стояла в стороне, ошарашенно наблюдая за его религиозной эскападой.

Вардан склонился на бок, одной рукой обхватив колени, а другой закрывая лицо, и тихонько застонал. Под готические арки глухо разлетелось придушенное эхо. Он лежал на холодной мраморной лестнице в позе эмбриона, скуля и шепча

что-то, чего я не могла разобрать, легко и неритмично ударяясь виском о край стесанной ступени.

Я присела на скамью. Пахло цветами и влажным камнем.

– Господи прости, – тихонько выл Вардан, жмурясь на лампадки и белесые лица статуй, – Господи прости, Господи прости и помилуй.

Я чувствовала себя неудобно, как будто стала свидетельницей чего-то дурного и запретного. Его истерика отдавала эксгибиционизмом. И всё же, всё же она была совершенно, абсолютно искренней.

За последующие месяцы я не раз в этом убеждалась. Он действительно бездумно и страстно любил церкви. Его тянуло к ним чем-то отличным от веры, но почти столь же сверхъестественным. Стоило ему выпить, он принимался колотить в двери церквей и будил весь квартал. Как только заспанный батюшка открывал ему – в Оксфорде община маленькая, и священники серьезно относятся к своим обязанностям – он врывался и падал на колени.

Он не веровал. Он даже не верил. Церковь доставляла ему чувственное удовольствие, молитва была больше похожа на пьяный угар. Он плакал и смеялся, и корчился на каменных плитах без единой мысли о Боге. Запах лилий и ладана приводил его в исступление, в котором посторонние предполагали восторженный экстаз.

Сначала я чуралась его привычки.

– Ты же врешь. Бог совершенно не трогает тебя.

– Наоборот. Я – единственный, кто ведет себя честно. Пусть я действительно не верю, но религия – религия – это совершенно другое дело. Я вообще не понимаю, какое отношение церковь имеет к вере. Ты думаешь, кто-то искренне верит в дяденьку на небе? Нет, всем просто спокойнее думать, что другие верят. Все верят в силу свечек, и икон, и священников. Это совсем другое, – и повторил с несвойственной ему горячностью: один я не вру.

После того, как мне несколько раз довелось сопровождать его в эти еретические паломничества, я смирилась с ними. Поход в церковь стал казаться мне таким же естественным, как прогулка по парку. Более того, я заразилась его чудачеством. Я стала плакать под звуки органа. Сила ритуала, сила древности, все, что современные атеисты знают и ждут в церкви, все это открылось мне с новой, нездоровой и магнетической силой. Все это проявилось, как невидимые чернила, проступило и развилось.

Вардан умел с ювелирной точностью управлять своим восторгом и своим цинизмом. Он жонглировал ими, он всегда был на новой, другой грани, и всегда был честен. Церковь, алкоголь, музыка – были для него равнозначны. Они предоставляли тот толчок, тот минимальный вброс энергии, который был ему нужен, чтобы, войдя с ним в резонанс, подняться по спирали до нервного напряжения, в котором он существовал. Амплитуда была громадной. Для него не существовало нормы.

Он чувствовал притягательность такого существования своим чутьем фокусника и толкача. Но его собственная дилемма и его собственная трагедия были в том, что ему было мало себя. Эта мысль пришла мне в голову после одного из наших походов в Святую Магдалину, когда, сидя на полу в его комнате, я пыталась привести к общему знаменателю все его странности и причуды. Я удивилась, как это не додумалась до этого раньше. Его нечеловеческая любовь к власти была простой необходимостью. Он знал себя вдоль и поперек, он умел за секунды дойти от апатии до паники, от отчаяния до восторга. Он крутил свою душу как калейдоскоп, с любопытством наблюдая бесконечность узоров. Но в любом калейдоскопе рано или поздно темнеют зеркала, и ему было себя мало. И он страстно искал средство, которое дало бы ему такую же власть над другими.

Пока однажды, сама собой ему не подвернулась удача.

Поднимаясь по лестнице к Вардану, я обратила внимание на странную тишину. Не было слышно ни голосов гостей, ни телевизора, ни музыки, которую он обычно включал, когда оставался один.

Мне всегда казалось, что это ужасно банальное выражение страха, слишком дешевое для него: мне хотелось, чтобы он умел оставаться наедине со своими мыслями. Он, очевидно, не считал это необходимым.

В комнате было холодно и влажным мерзлым воздухом

веяло от только что закрытого окна. Вардан стоял посреди комнаты, засунув руки в карманы. Вместо обычного свитера на нем была неожиданно тонкая голубая рубашка. В сравнении с ней его лицо, и обычно-то бледное, казалось желтовато-серым и странно напряженным, как будто бы он сдерживал улыбку.

За круглым столом у окна сидел незнакомый человек, лет около сорока. Смуглый и опрятный, он был в костюме и при галстукe. Заботливо прикрытое галстуком цвета красной рыбы, на ремне лежало небольшое растущее брюшко. Против света я не могла различить ни черт лица, ни выражения, но вся его фигура вызывала смутную симпатию. Он напоминал какого-то провинциального дядюшку и одновременно одного из тех некрупных преуспевающих бизнесменов, которые в обеденный перерыв бегут в остроносых туфлях из офиса в ресторан, на ходу шелкая серебряной зажигалкой и заигрывая с прыщавыми секретаршами. Я посмотрела на его туфли. Остроносые, черные, чистые.

– Хэлоу, – сказал человек у окна, вставая. Его ужасающий акцент был очевиден даже в приветствии.

– Мне уйти? – обратилась я к Вардану по-русски, – ты занят?

– Нет-нет, – ответил человек, подплывая ко мне с протянутой рукой, – Очень приятно, Михаил.

К моему удивлению, акцент сохранялся у него и в русском. Вместе с горбатым носом и плавностью движений это

окончательно подтверждало мою мысль о дядюшке.

– Здравствуйте, – ответила я, пожимая ему руку, – Аня.

Это была совершенно бесполезная ложь, но театральность сцены оказалась заразительной. Я взглянула на Вардана. Он медленно прикрыл веки, кивнув мне глазами. Он не возражал.

– Ах, насколько же больше уважения я питаю к молодым людям, когда у них такие очаровательные спутницы, – проворковал дядюшка, через плечо поглядывая на Вардана. Я ожидала, что тот рассмеется и возразит – все кругом знали, что мы не «спутники». Вардан промолчал и даже улыбнулся. Улыбка была широкой и радостной, и выглядела бы совершенно искренней, не зная я наверняка, насколько неестественно для него так улыбаться.

Тем временем лососевый джентльмен поцеловал мне руку и отплыл обратно к столу.

– Выпьете? – предложил он, старомодным жестом указывая на стол. Бутылка коньяка и лимон. Ну разумеется, чего еще ожидать.

Вардан кинул быстрый взгляд в окно. Я приняла его на свой счет.

– О, нет, спасибо, – сказала я самым кротким голосом, какой у меня вышел после наблюдения за легкой нервозностью Вардана, – не хочу мешать.

– Да оставайся, – сказал Вардан; и, подыгрывая «дядюшке», – Всегда приятно отложить дела.

Эти «дела» произвели на меня неожиданно угнетающее впечатление. У Вардана был такой настороженный и несчастный вид, а я так привыкла доверять его интуиции, что мое отношение к новому знакомому изменилось почти мгновенно. Я упрекнула себя за такую зависимость и села.

– Давно ли вы живете в Англии? – поинтересовался Михаил, плеснув мне коньяка. В бокале расцвела гвоздика из бликов.

Надо отдать ему должное, он был мил и спокойно корректен. Его галантная официозность распространялась даже на Вардана. Атмосфера в обществе, где находился Вардан, редко определялась чем-то иным кроме его настроения. Если ему было весело, невозможно было не смеяться. Если он был недоволен, все становились раздражительными и переругивались между собой, стараясь его не беспокоить. Когда он был спокоен, все вокруг погружалось с блаженное умиротворение. Без кокона его привычного влияния, в комнате было неуютно. Все казалось странно чужим.

– Около двух лет?.. – я снова взглянула на Вардана. Он стоял у окна, пар от его спокойного глубокого дыхания мерными волнами ложился на стекло. Он внимательно слушал наш разговор и вежливо улыбался.

– Вам нравится?

– По-разному. Здесь много хорошего. Но люди... – я изобразила многозначительный взгляд, который должен был дать собеседнику повод для следующей реплики. Он воспользо-

вался им, быстро и понимающе посмотрел на меня и горячо закивал.

– Да-да, конечно, очень много двуличных, подлецов, да и просто дураков много. Я сам из Еревана, – сообщил он как будто по секрету, – Мы с родителями этого замечательного молодого человека были практически соседи. Земляки.

– Прошу прощения, никотиновая ломка, – неожиданно сказал Вардан, отворачиваясь от окна, – Я вас оставляю.

– Подожди, я с тобой, – я схватила с кровати пальто. Из карманов посыпались обрывки бумаги, монетки и наушники. Я бросилась поднимать их,

– Ах, а я-то надеялся, такая красивая девушка не курит, – сказал чужак, наклоняясь, чтобы помочь мне собрать мелочь.

Вардан вышел не дождавшись меня, и я догнала его на лестнице. Спускались мы в молчании. Выйдя на улицу, он прислонился к стеклянной двери и шумно выдохнул. Вздох получился прерывистым, как у плачущего ребенка.

– Ну? – спросила я, – Что это за кадр?

– Ты не знаешь, где Макс? – Вардан то ли проигнорировал вопрос, то ли вправду не услышал его за своими мыслями.

– Понятия не имею. Позвонить?

– Позвони.

Я набрала Максима.

– Да Ась, привет, скажи Вардану, я еду, – сказал он на одном дыхании, и, секунду подумав, добавил, – Пять минут,

буквально. Денег на телефоне нет, – и повесил трубку.

Мы ждали его внизу. Мои попытки ластиться к Вардану не производили никакого впечатления и я их бросила. Он молчал, я молчала, мимо шли возвращающиеся домой школьники. Напротив нас меланхолично посасывал самокрутку индеец из местного магазинчика, с неба по обыкновению осылаемо падала дождевая дымка. Вардан в тонкой рубашке вздрагивал, когда капли с козырька падали ему на плечи.

Макс выбежал из переулочка своей гарцующей походкой, запыхавшийся и страшно довольный собой, стащил с головы огромные наушники и коротко пожал Вардану руку. Мы поднялись. Войдя первой, я увидела, что лососевый сидит на том же месте, закинув ногу на ногу.

– Добрый день, – обратился он к Максиму.

– Здравóво! – отозвался тот. Я в который раз порадовалась его совершенной неспособности улавливать атмосферу.

– Михаил. Коньяку?

– О, отлично! – довольно хмыкнул Макс, – Вот это я понимаю, армяне! – он бросил Вардану быстрый веселый взгляд. В комнате как будто начало теплеть.

Церемония взаимных комплиментов, обсуждения двуличности англичан и любви москвичей к армянскому коньяку заняла у них еще минут десять. Потом Вардан отошел от окна, опустился на стул напротив гостя и осторожно положил обе руки на стол ладонями вниз. Было что-то пианист-

ское, фокусническое в этом жесте.

Макс переместился за его кресло и скрестил руки на груди, весело подмигивая мне своими кошачьими глазами. Михаил, со своей стороны, тоже улыбнулся и, запустив руку под стол, достал черный кожаный портфель. Не знаю, что я приготовилась увидеть. Что-то страшное и удивительное одновременно. Оружие, наркотики, украденную египетскую мумию? А достал он несколько пусть и неожиданных, но вполне обыденных предметов. Вначале появился шейный платок в сине-серую сдержанную полоску (его он убрал обратно), затем бухгалтерский калькулятор, недорогой и некрасивый «Паркер» и стопка чистой бумаги.

Вардан сидел совершенно неподвижно. Даже когда несколько листов, выскользнувших из общей кучи, волна воздуха положила на его ладонь, он не шевельнулся.

– Ну что же, – сказал Михаил, – давайте посчитаем, мой дорогой.

Меня затошнило от выпитого коньяка и я как можно тише вышла из комнаты.

О чем они говорили, я узнала не сразу. Всю следующую неделю все было тихо и по-старому. В Оксфорде установилась удивительная погода. Ветер, ветер, дул без передышки днем и ночью, с пролива и с океана, кружился, бился, менял направление. Казалось, что выходишь в хлесткую бесснежную выюгу. Макс сказал мне, что это особенное атмосферное

явление, не слишком редкое, но все-таки не ежегодное. Его еще называют «ветер дураков». Считалось, что это самое сумасшедшее время в году.

И действительно, все уже которую неделю ходили смурные, ругались, визгливо хохотали и рыдали без повода, жалуюсь на бессонницу и мигрени. Даже люди, гордящиеся своим здоровым образом жизни, со вздохом заглывали кофе и успокоительные.

Макс нашел девушку и при первой возможности убежал к ней в Лондон. Влад и Яна ругались, Чингиз психовал, я готовилась к экзаменам, и прогулки по клубам шли своим чередом. Все бы казалось неизменным, если бы не нервный, взъерошенный Вардан.

Он на все пожимал плечами и не требовал от нас ничего, кроме тишины. У него болела голова.

А ветер дул, шелковистый, свежий, пахучий, с континента и с востока, встречался с влажным и колючим западным, с одинаковой легкостью продувавшим насквозь людей, живые изгороди и дома и разбрасывавшим по улицам микроскопические кристаллики соли.

По городу разлилось необыкновенное вдохновение. Облака неслись по небу как пушистые болиды, сталкиваясь и обгоняя друг друга. Зацветали первые цветы. Начало стремительно теплеть.

По мере того, как цифры градусника щелкали от нуля до пяти, а потом и до десяти, Вардан становился все молчаливее

и раздражительнее.

На любые мои попытки завести разговор он только огрызался, а то и вовсе уходил. Наконец, мое терпение лопнуло. Я выбрала время, когда мы остались одни, и спросила напрямик:

– Что тебе сказал твой Михаил? Он же твой поставщик травы, да? Твой начальник?

Вардан замялся, прежде чем уже привычно отмахнуться.

– Да ничего такого, а что?

– Ой, ну вот только не свисти.

Он обреченно вздохнул.

– Михаил... очень вежливо попросил. Очень вежливо и настойчиво попросил помочь ему еще кое с чем.

Я сама не поняла, как угадала, о чем шла речь.

– Продавать что-то тяжелое? Героин? Откажись. Ты же уже отказывался.

Вардан молчал так долго, что я решила, что он решил меня не слышать. Наконец, слегка скривившись, он ответил.

– Не то что у меня есть выбор.

Я напряглась. Задумчивость и непривычная раздражительность Вардана нравилась мне все меньше.

– Почему? – Осторожно спросила я.

– Потому что.

Снова затянулась тягостная пауза. Вардан слегка покачивал ногой, склонив голову набок. Его взгляд сосредоточенно шарил по пустой стене.

– Потому что ему невыгодно иметь в одном городе двух людей. Двое на городок вроде Оксфорда – это излишество. Больше забот, больше рисков.

– То есть сейчас на него работаешь ты и кто-то еще, кто продает героин и тому подобное?

Вардан утвердительно прикрыл глаза.

– А если ты откажешься? – Продолжала допытываться я, – Что будет?

– Ничего хорошего. Он найдет кого-то еще, кто будет не против заниматься и травой и тяжелыми штуками.

– И ты останешься без работы?

– И я окажусь в оппозиции.

– Это плохо?

– Очень.

Вардан поджал ноги и закурил сигарету.

– И что теперь делать? – решила я на еще один глупый вопрос.

– Ничего. Соглашаться и надеяться, что пронесет.

– А в чем, по сути, разница, что продавать?

– В тюремном сроке, дура.

Я замолчала.

– И еще много в чем. В людях, например. Траву кто дует? А экстази? А кокос? Маменькины сыночки, богатые, умные, счастливые, кому не нужны проблемы, а нужно расслабиться перед контрольной. А кто торчит, ты вообще себе представляешь?

– Слабо, – честно ответила я.

– Люди, которым уже на все насрать. Они убьют тебя и глазом не моргнут. Или стукнут полиции, просто чтобы от тебя избавиться, если им что-то не понравится, или откажутся платить, или... – он махнул рукой, – Люди, с которыми я абсолютно, абсолютно не горю желанием общаться. Денег с них считай нет, а вот геморроя...

– И к тому же, – неожиданно растерянно добавил Вардан, – Это гадко. Просто по-человечески гадко.

– Так уезжай? Переезжай в другой город, начинай все сначала.

– Все сначала? – Саркастически переспросил он, – Так будет все то же самое.

Он тяжело встал, потушил истлевший окурок и пробормотал, обращаясь, видимо, больше к себе самому, чем ко мне:

– Ладно. Посмотрим, что будет. Посмотрим.

С тех пор все начало постепенно, но неумолимо меняться. Сначала перемены почти никому не были заметны. Влад напряженно созванивался с Саймоном, Макс хохотал, Яна уединялась со всеми встречными и поперечными. Постепенно, однако, на кухне стали появляться странные, нервные люди. Вместо привычного запаха еды, табака и мыла, в коридоре чувствовалась гнилостная вонь грязной одежды и человеческих испражнений. Кое-кто из самых брезгливых перестал захаживать к Вардану, стараясь встречаться с нами на нейтральной территории, в клубах, пабах и на улице. Это бы-

ло неудобно, непрактично, и попросту опасно. Влад ворчал.

С кухни исчезла плошка с ключами, пепельницы и стаканы. Потом Макс и Вардан перетащили остатки того, что можно было вынести и украсть, к Вардану в комнату. Как-то вечером мы обнаружили там незнакомую грязную женщину с мутными глазами. Она лежала на полу, спрятав лицо в ладони, и тихонько выла. Вардан стал строже следить за тем, чтобы запирает свою дверь.

Тяжелее всех приходилось Максусу. Ему никак не удавалось подружиться с пришельцами, и он, привыкший к веселью и гулянкам, чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, мы все чувствовали себя не в своей тарелке. Большинство наших новых клиентов были англичанами, большинство приходили и уходили в молчании.

На кухне стали случаться стычки, и мы радовались, если дело обходилось синяками и не доходило до кровопролития. Почти у всех были с собой ножи, из тех, что можно купить в охотничьем магазине, грязные и царапанные от частых заточек. Почти у всех из карманов торчали гнутые ложки. Почти всем было абсолютно плевать, что происходит вокруг.

Мы молча сносили неожиданные перемены, пока назревшее отвращение пополам со страхом не нашло выход в самом непосредственном члене свиты. У Яны случилась истерика.

– Я больше так не могу! – Кричала она, трясясь всем телом, – Это что за дерьмо? Вардан! Что это за дерьмо?!

Вардан тихо и отчетливо сообщил ей, куда она может направиться, и вышел, со всей силы шарахнув дверью.

Влад попытался обнять Яну, но она скинула его руку и продолжила, обращаясь на этот раз к оторопевшему Макс.

– Что вы творите?! Это вообще что?! – Она давилась слезами, – Нам ведь было так здорово! Все ведь было так хорошо! Зачем вы все портите!! Почему вы всегда все портите?!!

Макс округлил глаза и бросил на меня умоляющий взгляд. Я покачала головой. Я была очень рада, что Яна кричала не на меня, и хотела, чтобы так оно и оставалось.

– Родная, ну что ты... – начал Макс.

– Дебил! – Взвизгнула Яна, – Все вы дебилы! Сволочи, ненавижу вас, ненавижу, ненавижу!!!

– У тебя не ПМС ли случаем?

Яна взвыла что-то очень грубое и разрыдалась.

– Я больше не могу, я больше не могу, – причитала она сквозь всхлипывания, – Я реально больше не могу...

Постепенно она успокоилась. Влад отвел ее на улицу, чтобы выкурить косячок, и обратно они не вернулись. Мы с Максом остались одни на кухне, где теперь стало пусто, тихо и одиноко. Макс упрямо молчал, и я заговорила первая.

– Что ты обо всем этом думаешь?

– О Яне? Да ПМС у нее.

– Макс. Серьезно.

– Я думаю... – начал он, – Я думаю... что это конец.

– Конец чего?

– Кухни. Свиты. Вардана. Нас?

Заметив, что я удивленно смотрю на него, Макс спросил:

– А что, ты так не думаешь?

– Нет. Он что-нибудь придумает.

– Ну-ну, – протянул Макс.

А пока Вардан думал, мы терпели. Хуже всех был Джонни. Тот самый Джонни, который чуть было не разгромил «Зигги», тот Джонни, на которого жаловался Саймон. Он был предводителем торчков, самым громким, самым жалким, самым грязным и самым наглым из них.

Это был худой, высокий и злобный англичанин лет тридцати пяти, который, видимо, еще до становления героинщиком, был уже отвратительным человеком. Судя по его жилистой фигуре, бритой голове и привычке всегда носить армейские штаны и ботинки, он когда-то был военным. Теперь он скитался по заброшенным домам и крытым галереям, бездомный, обтрепанный, грубый, всегда готовый затеять драку ради очередной дозы, всегда голодный, с сумасшедшими глазами наркомана. Он ошивался под нашими окнами и орал на всю улицу:

– Чува-ак, у меня есть деньги!! Чувак, я достал деньги, спускайся!! Накорми папочку!

Денег у него никогда не было, но всегда был нож в кармане и отчаяние на лице.

Сначала Вардан игнорировал его, как игнорировал всех нежелательных клиентов. Но это не сработало. Джонни ста-

новился все настырнее с каждым днем. Если ему удавалось пробраться в подъезд, он творил все вообразимое и невообразимое, пытаясь привлечь внимание Вардана. Он гадил в коридоре, он расписывал стены кухни непристойными словами, он бил и ломал все, что попадалось ему под руку, все это в безумной надежде, что Вардан отдаст ему наркотики задаром, просто чтобы отвязаться.

Вардан упрямо не обращал внимания на его немислимые проделки, но это было неважно. Джонни не понимал слов, не принимал договоров, не заботился ни о чем, кроме героина. Как-то раз Вардан попытался прогнать его, пригрозив полицией. Джонни инфернально расхохотался и сообщил, гадко подхихикивая, что в таком случае сообщит господам офицерам, чем занимается «мистер Уорден», и тогда «мистеру Уордену и его шайке» придет безвременный конец. Вардан презрительно отвернулся, но я успела заметить легкий испуг на его лице.

В городе к весне подстригали деревья. Огромные зеленые ветки кленов тяжело падали на землю, как подстреленные животные, и оставались лежать, конвульсируя на ветру, до следующего утра, когда за ними приезжал грузовичок и увозил их, еще свежие и пахучие, на свалку. По всему городу, как капли крови, лежали кленовые листья. Ветер носил их по улицам и с упреком кидал в лица прохожим.

Джонни постоянно околачивался у дверей. Он старался быть как можно ближе к Вардану, наверное, на всякий слу-

чай. Больше его нигде не ждали.

Но он не сидел тихо, о нет. Он выл и визжал, как будто его каждую секунду убивали. Когда я оставалась на ночь, он не давал нам спать. После нескольких таких ночей стало ясно, что он делает это нарочно, надеясь, видимо, что меня разжалобить будет проще. Через неделю его вопли стали мне сниться. Я просыпалась посреди ночи, так резко, как будто кто-то толкал меня, тяжело дыша и с колотящимся сердцем.

И я уже не была единственной, кому он действовал на нервы. Проворочавшись с полночи, Вардан вскочил и сбежал вниз.

– Да уберите его кто-нибудь отсюда! Хоть пристрелите, сделайте с ним что угодно, чтобы я его больше не слышал!

Макс замялся, видимо, не зная, насколько серьезно воспринимать такой приказ.

В маленьком городе некуда убежать. Если кто-то хочет вас найти, он найдет. Джонни был везде.

Приблизительно через месяц после начала этой фантасмагории Вардан договорился увидеться в Саймоном в одном из шумных оксфордских пабов. Внутри было жарко. Ярко горели лампы, гул и гам ударяли в голову сильнее, чем пиво. Саймон помахал нам с одного из столов, мы подошли. Я почувствовала легкую, едва заметную перемену в тоне и настроении встречи, какую-то снисходительность Саймона, которая была бы неуловимой, если бы не то удовольствие,

которое он извлекал из нее. Весь его вид как будто говорил «А я ведь предупреждал тебя, а ты не слушал, а я все знал загодя, и все предвидел». Мне это было противно. Я не знала, и до сих пор не знаю, о чем они говорили. Но через неделю Вардан ненадолго отлучился, и вернулся, неся в кармане пальто вещь, подобные которой я никогда раньше не встречала. Это был пистолет. Настоящий, пневматический пистолет, испанская «Астра», которой пользуются полицейские, крупнокалиберная, тяжелая, и невыразимо страшная «Астра».

Как ни хладнокровно относился Вардан к своей власти, он все-таки не смог преодолеть искушения похвастаться пистолетом перед свитой. Это было что-то совершенно непривычное, что-то из фильмов и книг, но никак не из настоящей нашей жизни. Даже для Вардана такое наглое нарушение закона было в новинку.

– Это только на всякий случай, – объяснял он нам, столпившимся вокруг стола, на котором возлежал диковинный предмет, – Я не собираюсь им пользоваться.

Влад смотрел на жуткую железяку с нескрываемым восхищением. Макс – с недоверием, Яна с опаской. Я пыталась воскресить в памяти те крупницы знаний, которыми обладала об оружии. К моему облегчению, специалистов среди нас не было. Все молчали, стесняясь заговорить.

Наконец Яна спасла нас от необходимости самим задать какой-нибудь глупый вопрос. Она сказала:

– А оно стреляет?

Все облегченно засмеялись.

– Очень вероятно, – ухмыльнувшись, ответил Вардан.

– А ты пробовал? – Поинтересовалась Яна, кончиком указательного пальца осторожно потрогав пистолет, как будто опасаясь обжечься.

– Нет, – честно признался Вардан.

– А ты знаешь, как? – Спросила я, вдохновленная Яниным примером, и больше не опасаясь выглядеть дуручкой.

– Я представляю, – уклончиво ответил Вардан.

– Чай не бином Ньютона, – хмыкнула я.

Все обернулись на меня. О биноме Ньютона компания имела не большее представление, чем об огнестрельном оружии.

– А патроны есть? – Спросил Макс, оживляясь.

– Есть.

– А какие?

– Девять миллиметров.

Яна пихнула меня в плечо.

– А девять миллиметров – это длина или ширина?

– Толщина? – Шепотом предположила я.

– А-а...

– А пошли постреляем? – Предложил Макс.

– Что, на улицу?

– Ну нет конечно. В лес куда-нибудь.

– Пойдем, – неожиданно легко согласился Вардан.

Видно, ему было так же любопытно, как нам. Макс бросил в рюкзак пластиковую коробочку с патронами, напомнившую мне новогоднюю батарею фейерверков, Влад выудил откуда-то старую картонку, которая должна была служить мишенью. Мы долго решали, кто же понесет пистолет. С одной стороны, ужасно хотелось пройти по улице города с настоящим оружием в кармане. С другой стороны, всем нам было ровно настолько же страшно, насколько любопытно. Наконец, мы пришли к соглашению, что «Астру» понесет Вардан, в качестве ее (относительно) законного владельца и хозяина.

Он сунул ее во внутренний карман пальто, и мы отправились в лес.

Мы старались отойти как можно дальше от всех признаков цивилизации, но в Англии это сделать непросто. То тут то там из унылых сумерек короткого зимнего дня вырастают дома, изгороди, мусорные баки, проявлялись тропинки и дорожные знаки. Нам все казалось, что мы забрались недостаточно далеко, и мы шли вперед и вперед, петляя по полям и рощам, пока наконец не оказались в приличном удалении от последней прилегающей к Оксфорду деревеньки. Минуло больше получаса с тех пор, как мы прошли последний виденный нами дом, и мы решили, что двигаться дальше не имеет смысла – мы рисковали пересечь необитаемую местность и оказаться в следующем поселке.

Мы свернули с дорожки, прошли несколько сотен метров по редкому полупрозрачному лесу, и остановились на

небольшой поляне.

– Тут? – Спросил Макс.

– Давай тут.

Влад спотыкаясь проследовал на другой край лужайки, чтобы установить мишень. Яна дергалась и заметно нервничала, оглядываясь по сторонам. Мне тоже было не по себе.

– Надо было наверное ночью идти.

– Не, – резонно возразил Влад, – Ночью не видно. Мало ли во шо попадешь.

Ох, думала я, а если нас кто-нибудь увидит? А если какому-нибудь фермеру, или ботанику, или собачнику не сидится дома? А если услышат выстрелы? А если мы, как ни была низка вероятность этого, случайно выстрелим во что-нибудь живое? А если...

Вардану опять предстояло стрелять первым. Он на удивление ловко вынул из рукоятки пистолета магазин; немного покрутив его туда-сюда, он разобрался, как вкладывать патроны – мы все наблюдали на почтительном отдалении – и не прошло и пары минут, как он уже стоял, держа Астру на вытянутой руке и подслеповато разглядывая намалеванные на картонке круги.

– Двумя руками возьми, – посоветовал Влад, правда, довольно нерешительно.

Вардан и бровью не повел. Грохнуло, как мне показалось, на весь лес, и на все окружавшие нас деревеньки. Эхо разлетелось вверх и по сторонам, тревожно завопили перепуган-

ные вороны. Легонько завоняло горелым.

Из пистолета вылетело что-то темное и маленькое, и покатилося по траве.

– Ой, – вздрогнула Яна, – это пуля?

– Наверное, гильза? – Отозвалась я.

– А-а...

Вардан, как выяснилось, даже не промазал мимо картонки. Слегка обгоревшая дырочка виднелась на самом ее краю, но это все-таки было значительно лучше, чем мы ожидали. Следующими стреляли Макс и Влад (оба попали в мишень, хотя и еле-еле), дальше подошла моя очередь.

Я нерешительно двинулась к Максусу, который протягивал мне оружие, держа его, как полагается, за ствол. От необъяснимого страха и предвкушения чего-то необычного у меня зверски тряслись руки.

– Э-э, – покачал головой Макс, – ты меня-то не пристрели, пожалуйста.

Рассматривая пистолет, глядя, как забавляются им другие, я не могла справиться с легким омерзением. Как ни увлекательна было наше новое развлечение, все же «Астра» была оружием, вещью, предназначенной для того, чтобы убивать. Причем вовсе не так благородно и романтично, как, например, клинок, а куда проще, и куда эффективнее. Это была очень страшная штука, и, вместе с любопытством, она вызывала у меня напряженную брезгливость, и то беспокойное чувство, которые англичане называют *unease*, и которое

по сути есть не совсем страх, но скорее нервная настороженность. Я протянула руку и взяла у Макса пистолет.

Он оказался гораздо тяжелее, чем я представляла, и гораздо теплее. Нагретый то ли ладонями предыдущих стрелков, то ли отдачей от недавних выстрелов, он почти что пульсировал у меня в руке, отзываясь на мое собственное возбужденное сердцебиение глухими и гулкими ударами крови о металл. Еще он был ужасно тяжелым, и я подумала, что мои ожидания, наверное, основывались на пластиковых репликах, в которые я без особых раздумий играла в детстве, с гиканьем и воплями носясь по дворам, и выпуская бессчетные пластиковые пульки в птиц и одноклассников. Мне понадобилось с полминуты, чтобы вполне осознать, что я держу в руках не реплику. Я опустила руку, потом снова подняла, и неожиданно для самой себя понюхала ствол. Он пах кисло и тревожно, пах железом, потом, гарью и войной, ужасающе, удушающе.

Я вспомнила, как еще в далеком детстве в канун празднований Дня Победы на всей Тверской, до самой Красной Площади стояли танки. Я была совсем близко от них, и они произвели на меня острое, гнетущее впечатление. Они были страшными, нет, даже Страшными. Они были символом войны, символом горя, не было ничего отвратительней и жутче.

Я положила указательный палец на курок и направила пистолет в сторону едва видневшейся в сгущающихся сумерках

мишени. И тут произошло что-то загадочное, чего я никак не могла ожидать. Мне стало весело. Мне стало тепло, легко и радостно, и как будто бы совершенно спокойно.

– Ух вау, – прошептала я, – держа «Астру» в левой руке, и придерживая ее правой.

Ух вау, скакало в голове с каким-то непередаваемым восторгом, ух вау. Больше не было никаких мыслей. Неожиданно для самой себя я ощутила сладкое и смешливое бие-ние власти в своей руке. Испуг сменился лихорадочной радостью. Пистолет больше не казался тяжелым, он будто бы специально был создан для того, чтобы именно я держала его в своей вспотевшей ладони.

– Уиии, – закричала я, нажимая на курок.

Загрохотало как будто бы даже громopodobнее и дольше, чем раньше. Так аплодисменты тоже слышатся гораздо громче, когда они предназначены именно тебе. «Астра» дернулась отдачей, но я удержала ее и расхохоталась в неимоверном удовольствии и восторге.

– Уиии, – повторила я, поворачиваясь к остальным, все еще держа пистолет в поднятой руке.

– Спокойно, спокойно, – со смехом закричал Макс, – Все свои.

– Я могу вас всех убить! – Воскликнула я с неожиданным злобным вдохновением, – Я могу вас всех убить, прямо сейчас!

Тепло разливалось по телу, как сироп, как первый глоток

вина, отдавалось в кончиках пальцев. Я чувствовала почти сексуальное единение с этим страшным куском железа. Все-силие и наглый авторитет войны, и такая чуждая вещь, сросшаяся с моей рукой, как будто именно здесь было ее настоящее место, все это действовало как наркотик, как любовь, с экстатической мощью и страстью, опьяняюще, всепоглощающе, головокружительно. Ох, как же это было круто, как же это было без слов прекрасно, стоять посреди темнеющего леса, держа в руках горячую, и будто специально для этого родившуюся на свет «Астру», осознавая, что несмотря на всю незаконность, всю глупость нашего с ней положения, мы с ней едины, и мы – самое страшное, что здесь есть, за мили и мили кругом. Держать ее в руке было так же естественно, как есть, спать, разговаривать, жить.

Когда Яна протянула руку, чтобы, согласно очереди, забрать у меня пистолет, мне показалось, что я не смогу разжать жаркие пальцы.

В следующую пятницу среди новичков на кухне появился неловкий растрепанный кореец. Я смутно помнила его по занятиям – кажется, он учился в одном колледже со мной. Он клялся, что нынешний президент Кореи – его дядя. Никто ему не верил.

– У тебя нет экстази? – неуклюже, но бойко обратился он к Вардану.

Вардан удостоил его взглядом.

– Двадцать.

– Дорого как-то?

Вардан дернул плечом и опустил глаза.

– Давай пятнадцать?

Вардан сидел, опустив голову и глядя на пол сквозь расставленные пальцы. Кореец подождал с полминуты. Вардан не шевелился. Видимо, парню надоело.

– Окей, двадцать.

Он сжал таблетки в кулаке, поблагодарил и вышел.

На следующее утро, как всегда, Макс сообщил мне последние новости.

– Джухо умер.

Я охнула и тут же почувствовала облегчение от того, что имя было мне незнакомо.

– Кто?

– Кореец у Вардана.

Я ощутила, как все на моем лице как будто опустилось, когда заинтересованное выражение сменилось испуганным.

– Что случилось?

– Аллергия на MDMA.

– И что теперь будет?

Из всех вертевшихся в голове вопросов я задала самый бессмысленный.

– А что, ничего. Репатриация тела.

– А с Варданом?

– А как теперь докажешь?

Вардан не выглядел ни испуганным, ни опечаленным. Выражение его лица было ближе всего к раздражению.

– Джухо умер, – сказала я с порога, как будто он мог об этом не знать.

– И что? – ответил он с вызовом.

– Жалко.

– Жалко, – согласился Вардан, – И тебя жалко, и меня жалко. Откуда ты знаешь, может, мы еще похуже умрем. Кто нас пожалеет?

– Кто-нибудь пожалеет.

– Замешать ему что-нибудь, чтобы он тоже сдох... наконец... – задумчиво произнес Вардан.

– Кому?

– Джонни.

Как и Макс, я не поняла, шутит ли он.

– Становиться убийцей ради такого выродка? Как-то это... жалко.

– Ты забываешь, я же уже убийца, как бы. Он меня доведет, честное слово. Уже довел.

– Отправь его куда-нибудь лечиться, – неожиданно предложила я.

– Так он же, сука, сбежит.

– Отправь туда, откуда не сбежит.

– Вот мне делать больше нечего. Умер бы он... Всем бы легче стало.

– А мне его жалко.

– А мне нет.

Он действительно не испытывал к Джонни никаких чувств, кроме глухого раздражения. А я не могла смотреть на отвратительного торчка без слез страха и тоски.

– Отправь его лечиться. Для тебя это даже не дорого.

– Да ты достала. Никому нет до него дела, вот и ты прекрати париться. Он не человек даже. Так, белковое тело, которое только и ждет, чтобы сдохнуть.

– Неправда.

– Правда, и ты это знаешь.

– Пожалуйста, – продолжала упрашивать я, – Я из-за него рехнусь.

– Зачем он вообще живет? Ты об этом думала? Убожество и страдание. Какой смысл ему в этом помогать?

Вардан снова отвернулся, увлекшись игрой в наперстки с самим собой. Таким образом он тренировал свою хваленую престижитацию. Я кричала на него так, что заложило уши. Вардан был непреклонен.

– Ты не задумывалась, о скольких, глядя на них со стороны, мы думаем: разве не легче им было бы умереть? Вот ты поразмысли. Люди живут, и их жизнь – это мучения. Непрекращающиеся, убийственные мучения. Неизбывные. Их жизнь – это пытка. И ты хочешь ее длить?

– У меня дедушка такой, – сказала я.

И добавила:

– И дядя.

И подумала:

– И я.

– Ну вот. Чем такой ход событий лучше, чем эвтаназия по психическим показаниям?

Я не знала, что возразить, и ухватилась за самый очевидный аргумент:

– В случае с неизлечимо больными ты знаешь наверняка, что у них не будет больше не одной счастливой секунды. Как ты можешь это гарантировать, например, Джонни?

– Могу. И тебе могу. Ты сама говоришь, что всегда несчастна.

– В целом – возможно. Но ты сознательно лишишь меня мелких радостей. Я не хочу умереть, когда пью утром кофе. Или когда ты меня трахаешь, – сказала я в отчаянной попытке увести разговор в более жизнерадостное русло.

– Я могу убить тебя, пока мы трахаемся, – меланхолично предложил Вардан, – И вообще: «мелкая радость»?!

Мы рассмеялись.

– Убивай. Потом сам будешь моим родителям объяснять ход своих мыслей.

– Мне как-то никогда не приходило в голову, что у тебя есть родители.

– Поверь мне, моим родителям никогда не приходило в голову, что у меня есть ты.

– А я есть? Ты уверена, что это не фокус?

– О, ты есть!

– Расскажи, – потребовал Вардан.

– Ты умный, злой, циничный, гордый, с непереносимым характером.

– Это все не то, я должен быть особенным.

– Все люди особенные.

– Может быть, но одни гораздо особеннее других. Не спорь, это глупо.

Ему не нравилось, что я отказывалась говорить с ним о нем.

Он отвернулся, чтобы положить сахар в кофе, и на этом разговор был закончен.

8. Муравьи под водой

Я сидела у Вардана, совершенно измученная, и пила сок. Под крышкой оказался занимательный факт:

– Муравьи могут две недели прожить под водой, – прочла я вслух, – Не дыша.

Прямо как я, подумалось горько и истерично. Прямо как мы. В комнате никого не было. Голова болела до черноты, до слепоты.

– Breathe under water till the end, – прошептал Моррисон из наушников.

– А-а-а-а, – простонала я самой себе, жмурясь от проникавшего через задернутые шторы света.

Передо мной материализовался Вардан. За последний месяц он похудел и осунулся. Бледные отёкшие руки в пигментных пятнах. И лицо такого странного землистого оттенка, какой бывает у природно смуглых людей, когда они долго не видят солнца. Он расчесывал на руках и лице язвочки, уродливые и плешивые, но хуже всего было то, что он кусал губы. Они, видимо, перестали заживать и выглядели как красно-черное месиво ранок и трещин с белыми лохмотьями ссохшейся кожи.

Он был в черном свитере и джинсах. Ему всегда было холодно по ночам, я прижималась к нему и дышала ему на руки, касаясь губами его пальцев. Они были сухие, шершавые,

во рту оставался солоноватый вкус кожи. Его было непереносимо жалко, как, впрочем, было жалко и себя, и всех нас.

– Смотри что у меня есть, – со слабым оживлением сказал Вардан, доставая из кармана что-то, что я сначала приняла за мятую бумажку. Это был пакет из аптеки. На пакете значилось имя: Роберт Мёрфи, мистер, дата рождения и адрес. Я лениво отметила, что мы почти соседи. Внутри, едва заметная, лежала ампула. А на ней, мелким и отчетливым шрифтом, стояло: Morphine Sulfate, 30mg/1ml, intrav., то же имя, адрес и серийный номер.

– А где Роберт Мёрфи?

– Умер.

Меня передернуло.

– Ты со мной? – Спросил Вардан.

– Не-а.

– Ну, тогда тебе придется мне помочь.

– Как?

– Я не умею делать уколы. Даже в задницу не умею. Ты ведь умеешь?

– Только теоретически.

– Ну, я даже теоретически не умею.

– Даже не пытайся меня уговорить, – запаниковала я, – Я же могу тебя убить! Нахрен, – добавила я, чтобы не звучать, как героиня романа.

Мне одновременно было очень смешно и очень не смешно. Страшно тоже было, да так, как будто он приглашал меня

спрыгнуть с ним с крыши. Отговаривать его я не видела ни малейшего смысла.

– Ладно... – сказала я прерывающимся от волнения голосом, – Ладно...

Найти в интернете инструкцию – что проще?

На видео, которое я внимательно изучила в сети, все выглядело довольно просто. Милая медсестра просила веселого дяденьку поработать кулачком, прежде чем ловко всадить иголку куда-то в сгиб локтя. Смотрите, чтобы в шприце не оставалось воздуха, предупреждала она, глядя в камеру.

Я вспомнила, как бабушка отпиливала ампулам головки белым бриллиантовым кружком. К моему несказанному удивлению, у меня это получилось без особых проблем. До крайности неуверенная, что делаю все как надо, набрала шприц. Дальше было сложнее.

– Ох, – прошептала я, не найдя на Вардановых руках ничего, что, я была бы абсолютно уверена, было веной, а не артерией, – Я не знаю. Помашу рукой, что ли.

– Да давай куда-нибудь, не должно быть сильно сложно, раз кадры типа Джонни умудряются.

– Ты издеваешься?

Я произвела из иголки фонтанчик, как нас учили на курсах.

– Э-э, – возмутился Вардан, – давай-ка без растрат.

– Лучше так, чем воздух, – с неожиданным для самой себя раздражением отмахнулась я.

В тусклом свете потолочной лампы я, кажется, вечность изучала его запястье, перетянутое моей резинкой для волос. Наконец мне показалось, что я вижу что-то слегка голубеющее под кожей. Руки дрожали и тряслись, как старый автобус.

– Так, не шевелись.

Я сглотнула и затаила дыхание. Вардан тоже перестал дышать и застыл. Я ткнула иглой почти наугад и с удивлением почувствовала пустоту. Я не поверила своей удаче.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – Осторожно спросила я у Вардана.

– Нет.

Похоже было, что я все-таки попала в вену. Вспоминая какие-то сто лет назад виденные фильмы, потянула поршень на себя. Жидкость под стеклом закружилась, побурела, потом окрасилась красным.

Вардан вздрогнул и посмотрел на меня с каким-то странным вниманием.

– Ну ладно, – непонятно зачем сказала я и надавила на поршень.

Вардан моргнул. Я едва ли не взмолилась, чтобы все прошло гладко. Сердце колотилось в горле, в глазах, во всем теле. Вынула иглу. Крови не было. Вардан, кажется, не собирался умирать. Я глубоко вздохнула и пообещала себе – больше никогда.

– Ну как?

Вардан чуть улыбнулся и не ответил.

Сама не понимая, что делаю, я набрала шприц еще раз. Теперь стало действительно страшно. На моих белых руках найти правильное место было гораздо проще. Я зажмурилась и представила, что прыгаю в воду с высоченного трамплина. Это не героин, твердила я себе. Это лекарство. Здесь все чисто, никаких убийственных добавок. Ничего страшного не произойдет.

Ничего страшного действительно не произошло. Не стало весело, не стало смешно, не стало плохо. Стало торжествующе, торжественно никак. Сначала прошла голова. Не так, как проходит обычно: когда, отвлекшись, вдруг обнаруживаешь, что она больше не болит. Нет, боль ушла как будто в затылке выкрутили краник. Потом стало стремительно теплеть. Странная ритмичность проклюнулась в жизнь, будто все вокруг подчинялось гармонии и ритму звучавшей в моих ушах музыки. Музыка взвивалась и ликовала фортепианными переливами.

Вначале я падала. И, падая, я слышала звуки. Нет, даже не звуки, а Звук. Я слышала весь звук целиком. Это был один звук, гармоничный, но составленный как бы из всех звуков, которые на данный момент присутствовали в мире. Там было вообще абсолютно всё, и человеческая речь, и музыка – вся музыка, которую я когда либо слышала – и голоса животных, и пение птиц, и какой-то механический скрежет и лязг, и мерные ритмичные удары, и рокот городов, и шум приро-

ды, и вообще абсолютно все звуки, которые можно себе вообразить, только вместе и одновременно. Не очень быстро сменяющие друг друга, нет. И не какофония, в которой ухо выделяет то одну ноту, то другую, а все. звуки. вместе. Это было именно так, совершенно точно и совершенно очевидно так.

А потом настала темнота.

Я проснулась первая. Вардан лежал на боку с закрытыми глазами и не шевелился. Сначала вернулся страх. Я ткнула его в бок. Потом еще раз, посильнее, снова начиная паниковать.

– А? – Сказал Вардан, нехотя открывая глаза.

– Слава Богу, – где-то далеко, снаружи себя, я чуть не плакала. Внутри все было тихо, спокойно и хорошо. Медленно-медленно и как будто нехотя в жизнь возвращались звуки и мысли, муть и тяжесть. И жуткая, жгучая боль, исходящая изнутри, слепящая, ужасная сверх слов, непереносимая боль реальности.

– А-а-а-а, – слабо повторила я.

– Однако, – сказал Вардан, садясь.

Снаружи было совсем темно. Я смутно подумала, что мне надо домой, и тут же отказалась от этой затеи.

Весь следующий день, а потом и день за ним, мы не выходили из комнаты. В основном время проходило в тишине, исключая редкие фразы, которыми мы перебрасывались по мере необходимости.

Вардан почти всегда спал. По вечерам я заталкивала его в горячую ванну почти насильно, он сопротивлялся, как ребенок. На второй день он попросил, чтобы я полежала с ним. Я залезла в обжигающую воду, зеленоватые струи выплеснулись на кафель. Я с недоумением подумала, что знаю наизусть, как откликается на его прикосновения мое тело. Это было как сыграть гамму на пианино, как пьеса, которую вспомнишь всегда без запинки, хоть во сне. Куда-то улетучился весь стыд. Лежать с ним рядом было приятно и непередаваемо грустно.

На третий день я вышла за продуктами. Вышла ночью, чтобы не встречаться с людьми. Добежала до индийского магазинчика, открытого допоздна, купила печенье и мандарины и поскорее вернулась в спасительную темноту его комнаты. Мы шелушили мандарины, скидывая кожуру прямо на ковер, и молчали.

На четвертый день нас нашел Макс.

– Там солнце вообще-то, – с осуждением заметил он, – Весна.

Вардан поморщился от его громкого голоса.

– Пшел вон.

Но время шло, и оставаться навсегда в его темной, теплой и тихой комнате было невозможно. Мне нужно было учиться, Вардану – возвращаться к работе. Мы выбрали понедельник, в который постановили снова родиться, молча спусти-

лись по лестнице и разошлись в разные стороны. Вардан маршировал пить кофе и сводить баланс, я, категорически ничего не соображая, отправилась на лекции. Время, когда я чувствовала себя кругом и всюду своей, неожиданно ускользнуло и окончилось. Теперь я была везде чужая. В колледже приходилось сидеть на задних рядах, чтобы никто не видел, что я плачу. Зато в тишине лекций это было отчетливо слышно, и мне нестерпимо хотелось, чтобы какая-нибудь сердобольная душа обняла меня и пожалела. Меня действительно обнимали и жалели, но всегда не те, и всегда с плохо скрываемым любопытством.

– Что, бойфренда нет? – Сочувственно приставала доброжелательная и поэтому еще более ненавистная мне сокурсница.

Я обдумала вопрос и решила, что, пожалуй, действительно нет.

– Ну ничего, ты же такая умница, обязательно кого-нибудь найдешь!

Я боролась с желанием ударить ее наотмашь по лицу.

Жизнь делалась все непереносимее с каждым днем. Чтобы не думать, я захлеб читала все подряд, почти ничего не запоминая, страстно разглядывала картины, писала вдохновенные и глупые эссе, а думать становилось все безрадостней. Белый мысленный шум глушил связи и рассуждения. Я накуривалась прямо на занятиях, в перерывах, и любая мысль сбивалась на «неважно». Было уже не страшно. Не

страшно за Вардана, не страшно за себя. Я слишком устала, чтобы бояться.

Макс нашел меня в нашей «тайной» подворотне за одним из колледжей.

Я сидела на сложенных в штабеля досках, непонятно откуда здесь взявшихся, и читала первый попавшийся русский детектив.

Макс прогарцевал под арку, щелкая дорогой зажигалкой, и ткнул пальцем в мою книгу.

– Я тоже читал. Фандорин крутой.

– Угу, – хмыкнула я, не отрываясь.

– Будешь? – Поинтересовался Макс, разворачивая шарик из фольги.

– Угу.

Макс ловко смастерил и поджег косяк. Я процитировала:

– «Я к нему в омут не пожелала. У меня свой омут есть.

Не такой глубокий, но ничего, мне с головкой хватит»

– Это что?

– Это из твоего Фандорина.

– М?

– Угу.

– Знаешь, какая у меня проблема? – Спросил Макс.

– Угу.

– Что, знаешь?!

– Я все твои проблемы знаю. Но скажи.

– Я не могу понять, то ли я себя слишком люблю, то ли

недостаточно.

– М?

– Угу, Ась, угу. Слишком люблю – это значит мало от себя требую, так? Жалею себя много. Оправдываю себя много. Дескать, я умный, просто ленюсь. Да херня все это, Ась, все же это понимают. Все это херня, которую учителя говорят родителям, чтобы им не было обидно. Я не очень умный. Я вообще, честно говоря, не умный. Я так, разве что не дурак. Но ничего не добился. И не добьюсь. Потому что люблю себя. Слишком.

Макс замолчал.

– А недостаточно почему? – Спросила я.

– А недостаточно потому что я себя так ненавижу... Что... Что делать ничего не могу. Вот Аня, девушка моя. Я что, ее достоин? Да нет конечно, она умница-красавица, а я траву курю в десять утра понедельника. И так ненавидишь себя, что и делать ничего не можешь. Сидишь и... и... только и знаешь что ненавидишь.

– Это называется гамлетизм, – заметила я.

– Да срать я хотел, как это называется! – Подскочил Макс, – Сверни себе и засунь знаешь куда?!

– Короче, ты Тургенева читал?

– Ась!

Он передал мне косяк.

– Есть два типа людей, – пробормотала я сквозь кашель от затяжки, – одни много делают и вообще не думают, другие

много думают и ничего не делают. Ты каким хочешь быть?

– Которые делают.

– Ну вот. Значит пойдя трахни свою Аню и не загоняйся почему зря.

– Окей, – легко согласился Макс, – Я пошел.

– Ну вот и иди.

– Ну вот и иду.

Он продолжал сидеть рядом со мной на досках.

– Ты прямо так пошел...

– Остановиться бы на пару дней, чтоб ничего не делать. И не мучаться, что ничего не делаешь. И стыдно так за себя! Упёртый баран. Все равно во всем происходящем со мной только я и виноват. Оно же со мной происходит.

– Угу.

– Ну да. А кого еще ненавидеть, кого? Тебя, Вардана, Михаила, кого? Все равно я говнюк, тьфу, отвращение такое к себе, что аж блевать тянет.

– Отвращение...

– Отвращение.

– Передергивает, как будто держу в руках что-то непередаваемо гадкое, как будто мокрицы и черви ползают по мне и забираются в нос, в уши, и я в середине клубка отвратительных насекомых, и я мечусь, иногда и правда вздрагиваю как-то конвульсивно...

– Да!

– Долго мы так, интересно, выдержим?

– Не знаю.

– Все одно.

– Постоянно хочется сдохнуть. Ась, это нормально, что постоянно хочется сдохнуть?

– Нормально. Знаешь, я завидую людям, которые могут не завидовать.

Мы проговорили в таком духе еще с полчаса. Потом закончился обед и нужно было идти на лекции. Макс привычным движением всадил себе в живот инсулиновый шприц, прожевал пару привезенных из Москвы таблеток аскорбинки, и удалился как всегда вприпрыжку.

Я вышла из подворотни на улицу, приобрела до жути полезный сэндвич (все его распрекрасные свойства подробно описывались на упаковке), пластиковый бокал самого дешевого вина (справедливости ради, я купила его в самом дорогом гастрономе города, так что вино было не слишком плохим) и уселась на солнце.

Синее небо, белые стены. Непереносимая яркость бытия.

Я не пошла на лекции. Вместо этого я пошла в свое любимое кафе. Они чуть ли не единственные в городе подавали чай в чайниках, и поэтому считали себя исключительно уважаемым заведением. Один из парней за барной стойкой, пока я стояла в очереди, уже сделал мне горячий шоколад и поставил передо мной прежде, чем я успела открыть рот. Он вот уже год болтал со мной о погоде, и сегодня неожиданно спросил, в порядке ли я, посмотрев с понимающим подо-

зрением. У него была бородка как у Чехова или Дон Жуана, длинные черные волосы он носил с низкий хвост, и кожа него имела необыкновенный цвет красноватой речной глины. Мне все неудобно было спросить, правда ли он индеец.

Я открыла блокнот и задумалась о Максиме.

Да, ему было одиноко. А мне, что, лучше? Я видела в нем свои черты, и боялась увидеть свое будущее. Темперамент? Возможно. Взгляд на мир? Очевидно. Да, оба льстили себе, что умели работать, в глубине души зная, что это не так, что лень, способность бросить еще не начав, нетерпеливость, совершенное отсутствие силы воли – мешают нам жить. Да, мы оба бесконечно мечтали об обновлении, чистоте и простоте. Да мы оба любили жизнь и целом и презирали любое непосредственное ее проявление. Свою амбициозность мы принимали за решительность, свою обидчивость – за гордость, свою лень – за апатию, свое воображение – за талант и свою страшнейшую, глупейшую безответственность – за чувствительность природы. Ничего не учить год потому что «нет настроения», забивать голову книгами и любовями потому что «реальность невыносима», ничего не писать, потому что лень и не получится, и почему-то при этом считать, что настоящая жизнь вот-вот начнется. Это все ложь. Все ваши обещания – ложь, мысленно почти что кричала я себе. Все ваши планы фантомны и обречены на провал. Вы работаете урывками, и с каждым годом все меньше и хуже. И вы бьетесь о свое уныние, и все никак не хотите поверить, что

так будет теперь всегда, что это не время, а дурной характер, и что он ни для чего не может служить оправданием. Вы – бездари и нытики, ипохондрики и фантазёры, черт знает какие эгоисты и, если уж начистоту, то просто дураки. Не надо мучаться. Оно того не стоит. Не надо лишний раз думать, ни о себе, ни о мире. Вы оба как-нибудь без этого обойдетесь.

Не надо себя жалеть.

Не надо себя ценить.

Не надо себя обманывать.

– Так ты еще и левша?

Я моргнула. Напротив сидел тот самый индеец, и с восхищением смотрел, как я пишу.

– Почему «еще и»? – Настороженно поинтересовалась я.

– Ты необыкновенный человек. Загадочный.

Бедный мальчик, подумала я. Это он еще не встречал моего наркоторговца.

– Спасибо.

– Что ты делаешь? – Не унимался бармен.

Я вздохнула.

– Пишу.

– Что?

– “Что-то внутри меня сжалось и горько взвыло таким пронзительным душераздирающим голосом, что пришлось схватиться за ручку, чтобы отвлечься от этой кристаллизованной болезненной ненависти. Уже само движение руки по бумаге, звук, который издает ручка, лучше многих успокои-

тельных. Это невыносимо. Опять, опять не становится лучше. И эта усталость! И эта бессонница! Она хуже всего, она пугает меня, ночами я устаю ужасно, изматываю сама себе нервы. Я не справлюсь, не справляюсь, ничего не могу, даже спать. Больно, больно, некуда деваться. Как все все это бесполезно. И как фатально мое осознание того, что это бесполезно.” – Прочла я, переводя на ходу.

– Оу, – сказал индеец.

– Угу.

– Прости, что помешал.

– Ничего.

Он ушел. Я снова отвернулась к окну. Дождевые капли не сбегали вниз, а, мелкие и темные на фоне белой стены противоположного дома, висели на стекле как звездное небо в негативе. Подозреваю, что неромантичные мойщики окон оставили не смытым щелочной растворитель. Но все-таки это было неожиданно красиво.

По инерции, я читала дальше.

«Уберите меня от себя, я не могу этого уродства видеть. Осточертела себе до того, что жить рядом с собой больше не могу. Какая отвратительная жизнь рядом со мной, все гадкое, гадкое, дышать нельзя.

Убить себя нужно, стереть, не встречаться с собой никогда, чтобы не видеть этой дряни, пристрелить меня надо было еще давно, чтобы меня вообще не было. Зачем мне все это, если ничего нет хорошего. Я уже и не помню, когда мне

в последний раз не было тошно. Все так отвратительно во-
круг меня, и все так прекрасно по ту сторону, и мне некуда
деваться, везде за собой таскаю как слизняка на спине себя
всю портящую, гниющую, воняющую. Уберите, спасите ме-
ня от этой мерзости. Все передергивает от своей близости и
тошнит, тошнит, тошнит. А я все никак не могу попасть в
ритм реальности. Иногда меня в ней слишком много, иногда
слишком мало. Разночастотные волны. Для того, чтобы что-
то понять, нужно писать о людях. Вот – снова оптатив. Тош-
нота – это ненависть к себе, отречение от себя, и дальше –
больше ненависти, от того, что Я неопределено и неопреде-
ленно. Воскресенье – это Я, противопоставленное людям и
найденное в это противопоставлении. Тошнота – это взгляд
на себя снаружи, Воскресенье – взгляд снаружи на себя. Нет
пятен темноты.»

– Тьфу, – сказала я вслух, – Да ну.

Выдернула страницы и разорвала на мелкие кусочки.
Неожиданно стало легче.

Я поехала домой.

Самым прекрасным существом неподалеку от меня была
Ханна, внучка женщины, у которой я снимала комнату. О
Ханне я не знала ровным счетом ничего, кроме того, что она
сама мне рассказала: её зовут Ханна и ей четыре года. Я, ка-
жется, ей нравилась. Она стояла в коридоре как-то утром, я
возвращалась домой, и мы познакомились. Меня сразу потя-
нуло на какие-то глупости. Я спросила, сколько ей лет. Ока-

залось, пять. Я чуть было не ляпнула «какая ты уже взрослая», но потом опомнилась, и мне стало стыдно за эдакое лицемерие. Я сказала, что иду учиться, и пожаловалась ей на тесты и экзамены. Она хихикнула, покивала и, кажется, посочувствовала. С тех пор мы еще несколько раз встречались, но больше не разговаривали, хотя она каждый раз хитро и выжидающе поглядывала на меня из-за очков.

Теперь она снова сидела на лестнице, в окружении кукол и замысловатых предметов игрушечной мебели.

– Здравствуйте, Ханна, – поприветствовала я.

Она снова захихикала.

– Как твои дела?

– Хорошо, – сказала Ханна, – А твои?

– Тоже хорошо. Что ты делаешь?

– Играю, – она снисходительно посмотрела на меня: «что, непонятно, что ли?»

– Во что?

Она развела руками. Я подумала, что веду себя точь-в-точь как тот индеец, задаю глупые вопросы, ничего не понимая. Мне снова стало стыдно.

– Хорошего тебе дня, Ханна.

– И тебе.

Через пару недель после первой инъекции Вардан достал еще морфия. Все произошло почти так же, как в прошлый раз. Я трясущимися руками набрала прозрачную жидкость

из ампулы, предназначавшейся на этот раз Эмме Аткинс, мисс. Я так волновалась, что даже не удосужилась сменить иглу.

– Ты чем-нибудь болеешь? – Спросила я у Вардана.

– Не.

– Ну вот и славненько.

В тот день Вардану нужно было быть внизу, в «Камере». Борясь со сладостной сонливостью, мы вывалились на лестничную клетку. Все было хорошо. Все было так хорошо, как будто в нас установили глушилку, отражающую весь мирской шум, все дурные и тревожные мысли, всю гадость и безвкусность бытия.

Все было хорошо, пока я не увидела Джонни. Я сидела за одним из столиков в «Камере». На танцполе ритмично подергивались тела. Вардан ушел заниматься делами, Макс сопровождал его, Влад с многочисленными знакомыми надирался в пабе неподалеку, Яна пропала где-то, видимо, в лапах очередного поклонника. Я сидела одна.

Джонни я увидела еще издалека, когда он ковыляя пробирался через свободное пространство клуба, и вся сжалась от предчувствия очередной его каверзы. Он тоже заметил меня, и подошел, бессвязно что-то бормоча, давясь собственной слюной от волнения и предвкушения дозы. До сих пор я понятия не имею, как и почему его пропустили в клуб. Я отвернулась. Даже сквозь медовую завесу тягучего теплого безразличия мне было безразлично.

Он начал как-то по-мышинному изгибаться, наклоняясь все ниже и глядя на меня исподлобья. Мне стало противно до дрожи, и я отодвинулась как могла дальше, стараясь не дышать его запахом. Он пах старым, больным человеком, потом, мочой, землей и гниющими зубами.

Теперь он сидел на корточках, худые щиколотки торчали из армейских штанов, руки с длинными желтыми ногтями скребли по столу.

Я посмотрела вглубь зала. Макса не было видно. Влад еще не вернулся. Единственной, кого я нашла глазами, была Яна. Она стояла у стойки, спиной ко мне, в своих фантастических туфлях и, потряхивая шевелюрой, благосклонно болтала с Чингизом.

– Яна! – позвала я в легкой панике. Она, конечно, не услышала, – Яна! Яна!

Джонни копошился у меня в ногах комком серых тряпок и серой плоти. Он начал подниматься, глядя на меня снизу вверх. Его била крупная дрожь, и даже сквозь музыку было слышно, как стучат его зубы. Я решила, что он собрался уходить, и старательно отводила взгляд. Вдруг, в отчаянной попытке привлечь мое внимание, он положил обе руки мне на колени и завыл. И тут я запаниковала. Тот самый непередаваемый вид паники, когда каждый вздох, кажется, приближает обморок, когда от гула стучащей в ушах крови сжимает горло и хочется плакать. Когда руки и ноги как бы немеют, сердце колотится, и кажется, что любое движение сейчас

вызовет тошноту.

На какую-то долю секунды я увидела вдалеке возвращающегося Макса, а с ним Вардана в пальто и шляпе. А потом началась галлюцинация. Все преобразилось в мгновение. Кругом были скелеты, мертвецы, открытые могилы и страх, страх, страх. Все гремело, рушилось, снова появлялось, и снова падало в разверзшуюся темноту. Пол кишел сороконожками, мокрицами, скорпионами, и где-то на краю зрения копошилось что-то невероятно жуткое. Что-то знакомое, родное и страшное, что-то, что я не могла поймать взглядом. Страницы, буквы, листья, червяки, грохочущая музыка и тошнотворная вонь. И самое главное, чувство ускользающей памяти, как будто я знала, знала нечто важное, и не могла понять что. Обжигающая, давящая волна паники, такой острой, как будто мгновение смерти длилось вечно, накрыла и завертела меня. Я умирала снова и снова, а кругом был ад, ад, ад. Я упала на пол и закричала.

Бьющуюся в истерике, Макс вытащил меня на улицу под дождь. Я кричала без остановки. Потом был яркий белый свет, лестница, дверь квартиры, ванная и ледяной душ.

– Ася!, – вопил Макс, не на шутку перепуганный, – Алё, Ася! Посмотри на меня!

– Все нормально, – ответила я, мотая головой.

– Ох, твою мать, – выдохнул он с явным облегчением и выматерился, – Ну ты, конечно, даешь.

Бросив на меня еще один взгляд, чтобы удостовериться,

что я не собираюсь расшибить себе голову о кафельный пол, он сказал:

– Так, приходи в себя, выпей чаю, больше не кури. Я побежал, меня там Лиза ждёт.

Я кивнула, включила горячую воду и мгновенно заснула.

Проснувшись я от того, что замолчала громыхавшая внизу музыка. Было холодно. Горячая вода капала с моей куртки и волос, не согревая, а как будто наоборот, оставляя за собой полоску ледяного озноба. В ванной почти ничего не было видно за белыми клубами. Часы, несмотря на воду, шли и показывали без четверти пять. Вечера? Утра. Спустя несколько минут открылась дверь и в облаке вырывающегося из ванной пара появился Вардан. Выглядел он ужасно. Синевато-серые мешки делали его черные глаза будто в несколько раз больше. Он был так бледен, как если бы потерял несколько литров крови. Через локоть было перекинута пальто, в руке он держал шляпу. Он не мог стоять ровно, то ли из-за выпитого алкоголя, то ли из-за усталости, и его слегка покачивало.

Должно быть, мой вид его тоже удивил.

– Ну, – сказал он, садясь на пол и закрывая глаза, – что. Круто. С чего тебя высадило? – вопрос без особого интереса.

Я как могла объяснила, что произошло. Вардан закрыл и снова открыл глаза.

– Мне нужна водка, – сказал он, коряво поднимаясь, – Водка-водка-водка. Я иду к тебе, водка!

Он вышел, хватаясь за стены, но очень скоро вернулся с

бутылкой в одной руке и Владом, цепляющимся за другую.

– Ты что, ты что, – верещал Влад, – Совсем вы там охренели?! Какая, на..., какая водка?!

– Да нормально, – сказал Вардан, падая лицом на ободок унитаза. Надо отдать ему должное, он тут же поднялся, – Фу блин.

Я почти чувствовала, как намеренно хватаюсь взглядом и мыслями за каждое его движение. По крайней мере я знала, что он был реален. Ткань его пальто, мокрая от пара, его слипшиеся волосы, стремительно запотевающая полупустая бутылка – все это было хорошо, потому что не было грохочущим адом.

– Фантазмагория... – с трудом выговорила я.

– Фантомас, – ответил Вардан и сделал глоток, – О, ну отпускает же.

– Это что, медицинские советы от Булгакова?

– Кого?

Я махнула рукой.

– Никого. Какой идиот лечит галлюцинации этанолом?

– ВОТ! – Влад хлопнул Вардана по плечу.

Вардан потерял равновесие и ударился виском о край ванной. У него тут же пошла носом кровь. Пачкая все кругом, он утирал ее рукавом, но не мог даже поднять голову, продолжая по инерции хохотать. Когда он наконец распрямился, на эмали остался ярко-алый след, как будто полосатый, полусмазанный его волосами.

– Ой, прости, – заржал Влад, – Больно?

– Да нет, – сказал Вардан, корчась на полу от беззвучного смеха.

Я тоже засмеялась, пытаюсь таким образом скрыть, что меня била дрожь.

– Отправь Джонни лечиться, – простонала я.

Вардан сделал неприличный жест. В следующую секунду его уже тошнило. Он перегнулся через бортик унитаза, его слипшиеся мокрые волосы попадали ему в глаза. Но хуже всего было другое. Вардан плакал. Он жмурился и корчился, и закрывал лицо руками, а из его глаз лились и сбегали по щекам крупные блестящие слёзы.

Так закончились наши эксперименты с морфием.

...Вардан отпер дверь и мы – Вардан, Яна и я – ввалились в его комнату.

– Хай.

Сначала я даже не поняла, откуда исходил поздоровавшийся с нами скрипучий голос. Джонни стоял у окна, худющий и как будто бы горбатый, почти незаметный на фоне темных штор. Из его сжатого кулака, направленный куда-то в нашу сторону, торчал длинный нож.

– Чувак, плохие новости. Мне нужно подлечиться. Нужно.

Вардан застыл. Мы замерли за его спиной.

– Окей, окей, – примирительно пробормотал Вардан.

Он кивнул, поднял руки в воздух, демонстрируя полное повиновение, и шагнул к сейфу. Набрал какую-то сложную комбинацию, повернул колесико. И распрямился, держа на раскрытой ладони страшную Астру.

“Вот сейчас будет плохо” – успела подумать я.

Звук выстрела не похож ни на что другое. Это не хлопок, не грохот, не стук, это именно выстрел, и стоит его услышать однажды, как ты будешь помнить его до конца своей жизни, жуткий, обдающий ужасом звук, от которого разом становится кошмарно и тошно, от которого внезапно похолодевший воздух окутывает тебя ледяной и колючей волной.

Яна завизжала, я крепко зажмурила глаза, да еще и зачем-то закрыла лицо руками. Что бы там ни было, подумала я, я не хочу этого видеть. Нет, зло и быстро скакало в голове, нет уж, ты не заставишь меня знать то, что я не хочу знать. Мне все равно, что с Джонни, жив ли он, мне все равно, мне не важно. Это твоя грязь, не моя, твердила я, одной рукой закрывая глаза, а другой шаря за спиной в поисках двери. Не мое дело.

Я скорее выпала, чем вышла на лестничную клетку. Поздало потянуло гарью.

– Надо позвонить ментам, – прерывающимся голосом прошептала Яна у меня за спиной, – Или в скорую, или куда там...

– Да, да, конечно, – отозвалась я, уже прекрасно зная, что

никуда мы не позвоним.

Потихоньку начала снова включаться голова.

– Давай-ка отсюда поскорее сначала.

– Он живой?

– Понятия не имею, – я тащила Яну вниз по лестнице.

Мы пробежали переулок, пересекли Квин стрит, свернули направо и оказались на площади у кинотеатра. Здесь было солнечно и почти безлюдно. Я чувствовала, как горит лицо.

– А если он умрет? – все еще шепотом спросила Яна.

– Ну, если умрет, значит, умрет.

– Надо позвонить...

– Куда?!

– В полицию.

Страх сменился раздражением.

– И сказать им что, конкретно?

– Что мы слышали выстрел...

– Это и без нас скажут.

– А если нет?

– Ну давай, звони, – огрызнулась я на в общем-то ни в чем не повинную Яну.

Она достала телефон, и у меня снова бешено заколотилось сердце. Но Яна позвонила Владу.

– Зай, – сказала она, – Забери меня, пожалуйста.

Я с ужасом поняла, что звонить мне было некому.

9. Фокус

Джонни выжил и даже не попал в больницу.

Лето неумолимо приближалось. Вардан больше не злился.

Он постоянно находился на грани воплей.

– Мне надо отсюда... Я еду в Брайтон, – объявил он однажды утром.

– Круто, – согласился Влад.

– Я не отпущу тебя одного, – неожиданно решительно сказала я.

– Не что? – Ужаснулся Вардан.

Но все-таки мы поехали вместе.

Погода выдалась не по-весеннему скучная и нескладная. Небо от края до края было выстлано неопрятными облаками. Казалось, что весь город сидит внутри пыльной коробки, набитой грязной старой ватой. Несмотря на пронизывающий северный ветер было тяжело дышать. Голова беспрерывно кружилась и ныла, тошнота и мусть висели в воздухе, навязчивые и почти осязаемые. То и дело снова начинало моросить. Мы спустились по улочке к морю. По виду домов можно было издалека угадать, обитаемы ли они. Те, что поаккуратнее, неизменно стояли с закрытыми ставнями, дожидаясь своих летних обитателей. попроще и понеряшливей выглядели куда более обжитыми.

Я ни разу не была в Брайтоне в плохую погоду. Было пу-

сто и тихо, как будто весь город вымер. Ветер живописно и уныло бросал от изгороди к изгороди скомканные обертки из-под жареной рыбы, сочащиеся жиром, бумажки для самокруток и пустые бутылки. Мы шли рядом в душном молчании, как будто закутанные в тяжелое жаркое одеяло.

На пляже стало как будто легче. Вардан шагал, сосредоточено глядя под ноги. Он пинал песок, ветер подхватывал пыль и расстилал перед ним как ковер.

– Вечная драма. Мы все немного меняем направление ветра. Мы все немного меняем жизнь.

– Это вдохновляет, – с готовностью поддержала я намечавшийся разговор.

– Нет, – отрезал Вардан.

Мы решили переночевать в одном из простеньких отелей на берегу, из тех, в которых за скромным названием «V&V» прячется буржуазное мещанство и обывательский уют. Мы вошли в стеклянные двери, и на нас как по команде обернулись все, кто находился в холле. Неизменный бойкий индеец за стойкой, пара пенсионеров в креслах у окна и пожилой приветливый англичанин лет шестидесяти, вероятно, хозяин.

Я вдруг смутилась, представив, как мы выглядим со стороны. Мои короткие ярко-рыжие волосы, скомканные до неприличия кеды, тяжелая сумка через плечо, пачка сигарет, торчащая из кармана, мой странный говор и обгрызенные ногти, все это было категорически, тотально не к месту. На

Вардана попросту было страшно взглянуть. Он выглядел как зомби, как ходячий мертвец. К тому же от нас разило марихуаной.

– Hello there, – сказал хозяин, приветливо, пусть и несколько фальшиво улыбнувшись.

Я напряглась и неожиданно поняла, что не могу сказать ни слова.

Вардан тоже молчал. Тишина становилась катастрофически неудобной.

– Can I help? – Спросил дедок.

– Я подхватил грипп, – ответил Вардан по-русски.

Я уставилась на него.

– Что?

– I'm afraid I'm down with flu – членораздельно повторил

Вардан, вперившись в глаза гостеприимного англичанина.

Тот моргнул и не задумываясь выпалил:

– Oh I'm so sorry to hear that.

– Видишь, – обратился ко мне Вардан, – у них эти фразы на кончиках пальцев, они как запрограммированные роботы, ты им А, они тебе Б, неизменное грёбаное Б.

Я почувствовала, что мучительно краснею.

– Ты что, боишься его? – Спросил Вардан.

– Нет конечно.

– Тогда толкни его.

– В смысле?

– В прямом, толкни его, он старенький, он не даст сдачи.

– Ты издеваешься?

– А ты?

Хозяин растерянно переводил взгляд с меня на Вардана и обратно, пытаясь, видимо, вникнуть в смысл нашего разговора.

– Мы не уйдем отсюда, пока ты не пнёшь этого старого засранца.

– Я не собираюсь его пинать! – Возразила я, начиная все-ръем пугаться.

– Тогда я наассу на пол.

– Что?

– Писать. На пол. Я. Сейчас.

– Да пожалуйста.

Я скрестила руки на груди и сделала невозмутимое лицо.

Вардан расстегнул ширинку. Англичанин заволновался. Я отчетливо почувствовала оттенок своего лица – оно было багровым.

Со звуком, который должен был служить боевым кличем, я по всей силы шлепнула мэтра в живот и вылетела на улицу, не преминув споткнуться о порожек.

Мы бежали вниз и вниз по набережной, пока у меня не закололо в сердце.

– Ты совсем?! – Накинулась я на судорожно кашляющего Вардана, – Ты вообще что ли?!

Мы смеялись до слёз. Вардан сел на корточки и обхватил руками голову, я хватала ртом ледяной солёный воздух, мы

смеялись судорожно и радостно, пока не зазвенело в ушах.

– Джухо, – сказала я, – Эдгар, Джухо, Джонни...

Вардан глубоко вздохнул, фыркнул остатками хохота, снова вздохнул и ответил.

– Да. Один умер, другой чуть не умер, третий живет как мертвый, и во всем вроде как я виноват.

Я села рядом с ним на поребрик. Мимо, истошно гудя, пронесся автобус.

– Если я вытяну ноги, он их переедет? – Задумчиво спросил Вардан.

– Мне кажется, ты сходишь с ума, – заметила я.

– С волками жить... Изволь шутить.

– Мы не волки, – возразила я, прислоняясь щекой к его плечу, – Мы гиены. Загнанные в угол, ощерившиеся звери. Все мы.

А Вардан снова плакал.

Ближе к вечеру мы нашли еще одну полупустую гостиницу и сняли комнату на ночь. Лицо все еще горело, но было зябко и немели руки. Я забралась в крохотный ветхий душ. Вода была чуть теплой. Стало, кажется, еще холоднее.

– Осталось понять, что лучше – выпить, а потом накуриться, или накуриться, а потом выпить? – Поинтересовался Вардан, заходя в ванную.

– А как голова будет меньше болеть?

– А никак.

Мы снова засмеялись.

– Можно?

Он разделся, держа в зубах неизменный косяк, и забрался в душевую кабинку. Тонкой струи едва хватало на нас двоих. От холода меня то и дело передергивало. Я проследила взглядом за желчно-терракотовой трещиной, которая, ветвясь и извиваясь, взбегала вверх по отсыревшей побелке. Трещина тянулась до самого потолка, и скрещиваясь с другими, образовывала некое подобие кособокой звезды. Это было почти красиво. Вардан тоже задрал голову, и мы продолжали стоять, таращась на отвратительную фреску, недоуменно-за мороженые, пока душ не начал шипеть и кашлять, и из него не полился сначала кипяток, а потом лёд.

– Твою мать! – взвизгнул Вардан, выпрыгивая на грязный кафель с неожиданным проворством, – Искусствоведы хреновы...

Мы спустились в паб на первом этаже, чтобы выпить пива. Вардан купил нам по почти что черному пенному «Гиннесу» и вернулся к облюбованным нами креслам у окна.

– Ты знаешь, а у меня действительно грипп, – сказал он, по-детски отхлебывая из тающего на столе бокала.

– Да?

– Да. В глубине души.

– Моя душа подхватила грипп, – задумчиво продолжила я метафору, – Моей душе срочно требуется жаропонижающее. Ее лихорадит и швыряет, она бредит, мечется и плачет, как

напуганный больной ребенок.

Вардан приподнял брови.

– Слишком сентиментально?

– Слишком сентиментально. Ничто не заставляет с таким остервенением цепляться за собственную сущность, как жизнь в стране размывающей и сглаживающей все на свете.

– Пятна, – отозвалась я, – Все в пятнах темноты.

– Правда?

– Правда.

– Неправда. Истинной правды о себе не в силах вынести никто.

Горело лицо. За соседним столом сидела, качаясь на стуле, бледная девушка с рыхлым лицом и белыми волосами. Она положила руки на стол и застыла, неподвижная, как на картине Хоппера. Она или безгранично устала, подумала я, или оцепела от страха. А, может быть, напугана своей усталостью. Я смотрела на нее так долго, что она уставилась на меня. Потом отвела взгляд. По ее лицу было видно, что она сама не до конца определилась, отводит ли глаза из деликатности, чтобы не смущать меня, или от скуки, потому что уж её-то, с ее открытыми взглядами, повидавшую личностей и более «творческих», ничем больше не удивишь и не озадачишь. Этот мыслительный процесс последовательно отобразился на ее полупрозрачном рябом лице без подбородка. Меня снова будто бы замутило.

Постепенно комната наполнилась англичанами. Их гал-

деж действовал на нервы, неожиданно распадаясь на отдельные визгливые ноты. Громко, ярко, тошно. Я старалась отвлечься от этого ора, но он заставлял меня внутренне морщиться. За какие-то полчаса стало отвратительно, заполнились все столики и воцарился ад. И почему если англичане собираются вместе, поднимается такой зверский переклик и подвывание? Много итальянцев дают четырехстопное стаккато, много французов – посвистывающую тишину. И только много англичан, носителей языка, который в своей единичности самый приятный, собравшись вместе, резонируют нервным кашлем и твяканьем, как будто стараются голосами задушить друг друга. Английский – язык, на котором нужно говорить в одиночестве. Какая неожиданная метафора.

Рядом с нами на диван плюхнулись три подростка, у каждого по мороженому. Они были под чем-то, я знала это лихорадочно-потерянное течение разговора. Им было лет по шестнадцать, и они совсем не похожи были на британцев. По их одежде было понятно, что они из очень бедных семей, но не из той бедноты, что стрижет своих детей почти что налысо, кормит картошкой и по выходным покупает им видеоигру; разрешает им часами сидеть у телевизора, но ругает за плохие оценки и мечтает для них о «лучшей жизни», об образовании и работе... А таких в Англии большинство. Это дети глупые, жестокие, но, надо отдать им должное, упрямые и послушные. Но эти трое, они выглядели тревожно, как дети восточных бедняков.

Вардан сидел молча, глядя в окно на пустую площадь, которая вообще непонятно зачем была здесь устроена: ни рынков, ни уличных кафе, ни даже памятника на ней не было. Люди бродили наискось по серой кладке. Я извинилась и вышла в туалет. Там было тише и пахло табаком, но не жженым, а холодным, как будто крутили сигареты. Это не странно: все сворачивают самокрутки в туалете, если хотят добавить туда травки. То есть: все сворачивают самокрутки в туалете.

Прошла половина одиннадцатого, шум схлынул вместе с толпой. Из тех, кто был здесь до нашего приезда, остался только хмурый человек с дальним углом. Он был в том возрасте, когда я терялась, назвать его мужчиной или стариком. Он был полулыс, и зачесал жидкий вихор на плешь. Волосы у него были цвета серо-коричневой мартовской грязи, которую носком ботинка сбиваешь с пластикового крыла над колесом машины. Мятая затвердевшая жижа охотно соскальзывает на землю и раскалывается на насквозь черные ломти снега, грязи и соли.

В пабе было гадко и неудобно. Не знаю, то ли англичанам не знакомо само понятие уюта, то ли их уют так непонятен иностранцам, то ли жилища все как одно производят гнетущее, неприятное впечатление. Захламленность там странным образом сочетается с необжитостью, а беспорядок – с безличностью.

Ни в одном доме я не видела книг. Ни в одном доме я не видела старых вещей.

Англичане много переезжают, часто меняя по пять-десять городов. Они это делают с легкостью и без тоски. Студенты уезжают от родителей, старики – от взрослых детей. Семьи расползаются по хорошим университетам, престижным должностям, тихим уголкам и местам с возможностями. Три поколения, живущие в одном городе – большая редкость.

Возможно, поэтому, их дома выглядят так, как будто все в них не старше нескольких лет. В славянских домах символичность неизбывна. То ли дефицитные времена сыграли свою роль, то ли тоскующий менталитет красных углов и долгих вечеров сам в этом располагает. В русском доме вся вещьность сентиментальна. На том стуле пятна от всех семейных торжеств. Эту жуткую вазочку привезли из Чехии. Англичане живут, скользя мимо предметности, им стыдно жить среди вещей, как будто это обесценивает их мысли и вдохновения. Они живут в ослепительном свете своей умозрительности, которая уничтожает объем и скрадывает грани. Они до смерти боятся удовольствий чувственного толка, и еще больше – что о них подумают, будто они способны наслаждаться жизнью.

– Таких жалких существ нигде на свете нет. Настоящий заповедник уродов – мрачно сказал Вардан, наблюдая за шумной компанией в пабе, – Даже теряюсь, жалеть их или презирать.

– А я их боюсь, – заметила я, – они заставляют меня чувствовать себя какой-то неполноценной.

– Это как?

– Они совершенно уверены, что все, кроме них – идиоты. Это смущает. Если я говорю с ними о том, что мне интересно, они считают, что я умничаю специально чтобы унижить их и досадить им. А если я говорю глупости, то они только убеждаются... С ними никак не выиграть. Хоть расшибись, они не поверят, что ты достоин того, чтобы с ними говорить.

– Это нормально. Называется снобизм.

– Нет, это называется лицемерие.

– Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. И слишком много кого считаешь людьми.

И мы вернулись к Джонни.

Проскандалив впустую с минут с двадцать, я отчаялась и затихла.

– Ты напишешь про меня книгу? – Полувопросительно, полуутвердительно прошептал Вардан.

– Не знаю.

– Почему?

– Я никогда не могу рассказать одну историю дважды. Возьму на себя смелость предположить, что никто, кроме моряков и профессиональных рассказчиков не может.

– Почему?

– Потому что будучи рассказанной, история выцветает, размякает, тлеет и меркнет. Рассказанная история – печенье, слишком долго пробывшее в чашке с чаем. Я никогда не могу ее оживить, это невозможно, как бы она ни вдохновля-

ла. Можно высушить намокший лист бумаги, но он никогда не станет прежним. Поэтому я не могу писать. Я обдумывала детали, подыскивала слова, но... Я их нахожу, но только однажды. Когда я наконец добираюсь до бумаги, печенье уже размякло, отвалилось и отвратительным блеклым комком плавает в чашке.

Вардан приподнял бровь.

– Тогда напиши, что я возможность.

– Что?

– Возможность. Одна из тех неожиданно неразрешившихся возможностей, которые могли бы, но не повезло.

Он поморщился.

– И я это понимаю. Хочется легкости и чего-то такого... Хочется вписываться в жизнь без труда, потому что на старания нет ни сил, ни времени. А я... Я чувствую себя полипом, который течение отрывает от коралла и относит... – он замаялся и посмотрел на меня – кто знает куда, и гадай потом, что за планктон кругом, и стоит ли обосновываться и привыкать с этому камню, или это не камень вовсе, а затаившаяся камбала... Камбала, какая, к черту, камбала. Я хочу есть.

Я подняла на него глаза.

– Пойдем найдем что-нибудь.

Мы встали – Вардан схватился на спинку кресла, чтобы не упасть – и вышли в пронизывающий ветер.

После получасового блуждания по пустынным Брайтонским переулкам, мы нашли людную пиццерию, перекрики-

вающую весь квартал.

Там было тепло, уютно, пахло горячим тестом, вином и печным дымом, и было полно шумного народа. Было тесно, все галдели, смеялись, и у всех краснели щеки. Столы были накрыты клетчатými клеенками, а по стенам красовались дурацкие реликвии в безумном разнообразии от репродукций Микеланджело до флагов футбольных команд. Особое почетное место занимали акварелька Неаполя (отвратительная) и огромная черно-белая фотография. На ней фактурный итальянец руками пожирал фактурную пасту с тарелки с каемочкой.

– Вино? – спросил Вардан.

– На пиво?!

– Диво, – он ухмыльнулся.

– Хорошо.

Мы напились в дым.

– Отправь Джонни лечиться? – Стала снова приставать я.

– С чего? Он взрослый человек, и я ему не нянька.

– Отправь Джонни лечиться.

– Нет. Он не моя проблема.

– Ты, может быть, спасешь человека.

– Я не хочу его спасать. Я не хочу никого спасать.

– Отправь Джонни лечиться.

– Ты глухая? Сама отправь.

– Отправь Джонни лечиться.

– Ему это не поможет.

– Пусть не поможет, а ты купи слона.

– Да пошла ты...

На следующее утро голова болела до одури, солнечные зайчики нестерпимо резали глаза, но на душе стало легче.

– У тебя бывает такое, что ты вдруг, всего на секунду, видишь себя со стороны? – Спросила я, сидя в кровати и натягивая кеды.

– Конечно бывает. На тебе еще нет штанов, а ты уже обуваясь?

– Пол грязный. А ты замечал, что запоминаешь именно эти моменты? Ты можешь не помнить ничего, но помнишь всего какую-то ничего не значащую секунду: как ты, например, спускаешься по лестнице, или закуливаешь, или какой-то случайный вид из окна, и потом по этим мгновениям восстанавливаешь всю свою жизнь?

– Ну да.

– Так вот, ты никогда не задавался вопросом, что это, что ты помнишь? Почему именно эти моменты? Это действительно совершенные мгновения? Или память HDR?

– Что такое HDR?

– Это когда фотоаппарат делает сразу много-много снимков, а потом объединяет их в один, идеальный.

– Не понял.

– Вот я, например, помню, как мы с мамой идем гулять. Спускаемся по ступеням в подъезде, это первое мое воспоминание. Мне сейчас кажется, что это одна какая-то секунда.

да, которую я помню, один раз, один момент. Но мы спускались так каждый день, постоянно, а воспоминание одно. Что я помню – действительно один-единственный момент, или много разных, объединенных в один идеальный моей памятью?

– Какая разница?

– Огромная! От этого зависит вся теория жизни, вся ее метафизика! Что мы помним, что нам важно, к чему стремиться – упорные повторения сносно-хорошего изо дня в день? Или тотальное счастье изредка?

– Чеховщина какая-то.

– Боже! Ты читал Чехова!

– Я слышал.

Почти вся дорога домой прошла в молчании. Я смотрела на влажные мутно-зеленые пейзажи за окном, Вардан дремал, запрокинул голову и кашляя во сне. Мы вернулись в Оксфорд уже затемно, и подошли к моему домику на окраине, как раз когда сонный и насквозь пропахший жареной рыбой пакистанец закрывал свою забегаловку за углом. По этому я определила, что было чуть позднее десяти.

Грохнула железом о железо расхлябанная калитка. Мы остановились среди разноцветных мусорных баков.

– У тебя соседка дома, – сказал Вардан утвердительным тоном.

В окнах действительно горел свет. За запотевшим стеклом был виден мой измученный кактус и книги в рамке пестрых

занавесок. Такая мирная, такая обыкновенная, такая законопослушная жизнь. Дождь гудел крышей. Внизу танцевали.

– Пока, – сказал Вардан и повернулся, чтобы уйти.

– Что ты будешь делать? – выпалила я ему в спину.

Он пожал плечами, черный мятый силуэт под уличным фонарем. На голове шляпа, в правой руке – сигарета, левую он засунул глубоко в карман пальто. Абсолютно безразличное, высокомерное лицо.

Вот, неожиданно для самой себя подумала я, вот он, мой момент HDR, именно таким, непереносимо контрастным в пустом переулке под фонарем, я его и буду помнить. Бездушным ловцом душ.

– Спать? – Спросила я его.

Он качнул головой.

– Нет. Думать.

Отвернулся и прошел немного, шаркая ботинками по мокрому асфальту.

Обернулся еще раз на углу и пристально посмотрел на меня.

– Я теперь не сплю.

На следующий день мне не удалось прийти к Вардану и свите. Я занималась приготовлениями к отъезду. Все экзамены были позади, и я улетала обратно в Москву на лето. Я раздавала книги, собирала вещи, укладывала зимнюю одежду в огромные тяжелые коробки вперемешку с пахучими са-

ше, прощалась с немногочисленными знакомыми. Я должна была освободить свою комнату через пару дней. Ханна подглядывала за моими хлопотами через щелку приоткрытой двери.

Попасть к Вардану получилось только в середине недели. Было теплое и солнечное утро, блестящая пыль искрилась в воздухе, дул мягкий летний ветерок. Вардан сидел в одиночестве, по обыкновению склонившись над чертежами. На столе перед ним дымилась чашка какао. Из открытого настежь окна пахло цветущими в переулке магнолиями, теплом и светом, гулко разлетались голоса.

Вардан обернулся и посмотрел на меня. Я помахала рукой. Он снова опустил голову.

– Где ты была?

– Собиралась.

– Ты уезжаешь?

– Да, домой.

– Ясно, – сказал Вардан, снова обращаясь к схемам и фотокусам.

Я закурила и постаралась заглянуть ему в глаза.

– Будешь по мне скучать?

– Еще не знаю.

И вдруг, ни с того ни с сего, он сказал:

– Мы с тобой похожи.

– Чем?

– Мы, Ася, засвечиваем пленку. Люди не видят нас, не

видят настоящих нас, мы как трюки, как волшебные фейерверки, которые нужны для отвлечения внимания. Мы – так много, что люди не видят нас. Не знают, хороши мы или плохи, умны или глупы, мы ослепляем их и поэтому существуем. Для этого мы и нужны. Кругом и всюду свои. Мы засвечиваем пленку.

– Что-то случилось?

– Да.

– Что?

Вардан посмотрел на меня внимательно и напряженно.

– Джонни.

– Что с ним?

– Уже ничего.

– Он умер?

Вардан покачал головой.

– А что?

– Я отправил его лечиться.

Я моргнула и ошеломленно уставилась на Вардана. Я совершенно не могла представить, что он поддастся моим угрозам.

– Но... почему?

– Потому что я не могу гарантировать... Хотя нет, не поэтому.

– А почему?

– Потому что я не хочу быть убийцей. Нет, тоже не поэтому. Просто потому что.

– Потому что?

– Потому что.

Через неделю, в самый разгар июньской жары, Вардан поехал провожать меня в аэропорт.

– Звони мне, – сказала я.

Он кивнул и закашлялся.

Я уже проходила через рамку металлоискателя, а он все стоял на том же месте. Я оглянулась. Вардан еще кашлял. Это был последний раз, когда я слышала его голос.